

Рубрика: Вступительное слово

Власова Елена Ивановна, шеф-редактор журнала «Здравница»

Уважаемые читатели!

Сороковой юбилейный номер Интернет-журнала «Здравница» охватывает период с **начала сентября по конец ноября 2014 года**, что, по возможности, отражается в содержании рубрик журнала.

В рубрике **«Слово пастыря»** приведена проповедь архимандрита **Кирилла (Павлова)** **«КИПАРИС НЕ СТЕЛЕТСЯ ПО ЗЕМЛЕ»** о гордости и смирении.

Рубрика **«Духовные смыслы»** содержит статью **Дмитрия Сергеевича Угрюмова «РАЗВИТИЕ ИДЕИ КЛАССИФИКАЦИИ НАУК ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА СТЕПАНОВА»**, изложенной в его книге **«Вера и знание»**.

Рубрика **«В поисках истины»** разместила новое историческое эссе **Юрия Николаевича Покровского «УРОВНИ ПРОГРЕССА И КРИЗИСА»**.

В рубрике **«Восхождение к личности»** публикуется материал **«МОЛИТВЕННИК ЗА ТРИ НАРОДА»**, в котором рассказывается о жизненном пути великого Глинского старца схимитрополита **Серафима (Мажуги)**.

В рубрике **«Память сердца»** приводятся воспоминания о выдающихся деятелях культуры Нижегородчины – **Владимире Ивановиче Жильцове** и **Вере Ивановне Бухаровой**.

В рубрике **«Календарь памятных дат»** читатели вспомнят о **Соборе преподобных отцов Глинской пустыни (память 22 сентября)** а также познакомятся с жизнеописанием великой княгини **Елизаветы Федоровны Романовой, 150 лет со дня рождения** которой отмечается **1 ноября 2014 года**.

Рубрика **«Наследники Минина»** разместила репортаж **Татьяны Ивановны Петраковой «В КАНУН ДНЯ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА»**, рассказывающий о проведении культурно-патриотической акции **«Алтарь Отечества» 1-3 ноября 2014 года**.

В рубрике **«Паломничество по святым местам»** опубликован материал **Дмитрия Сергеевича Угрюмова «СВЯТОЕ ОЗЕРО СВЕТЛОЯР»**.

Рубрика **«Стоит село святое...»** рассказывает о проведении традиционных мероприятий **«ОРАНСКИЕ ЧТЕНИЯ»**, которые состоялись в селе Оранки **4 октября 2014 года**.

В рубрике **«Страницы семейного архива»** публикуется статья **«ОТЕЦ И СЫН СТЕПАНОВЫ»** **Елены Ивановны Власовой**.

Рубрика **«Советуем прочесть»** знакомит читателей журнала с новым сборником **«СТОИТ СЕЛО СВЯТОЕ...»**, изданном в октябре 2014 года силами **Общественной организации «Историко-краеведческий клуб» с. Оранки**.

В рубрике «Семейное чтение» читателю предлагается главы из книги **Ивана Сергеевича Шмелева «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**.

В рубрике «Чистые родники» опубликованы стихи **Михаила Юрьевича Лермонтова**, 200 лет со дня рождения которого отмечается **15 октября 2014 года**, также стихи нижегородской поэтессы **Марии Арсеньевны Сухоруковой**, посвященные **380-летию Оранского Богородицкого монастыря** (основан **4 октября 1634 года**).

Рубрика «Библиотека и общество» знакомит читателей с материалами историко-краеведческой конференции **«О ПРОШЛОМ ПАМЯТЬ СОХРАНЯЯ»**, проведенной в Центральной библиотеке г. Богородска **3 октября 2014 года**.

В рубрике «Традиции и современность» читатели смогут познакомиться с краткой историей возникновения старообрядных (единоверческих) приходов в Русской Православной Церкви.

Рубрика «Алтарь Отечества» разместила конкурсную работу лауреата VIII конкурса-фестиваля «Алтарь Отечества» **Егора Шишкова «ИСТОРИЯ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ»**.

В рубрике «Беседы за семейным столом» **Дмитрий Сергеевич Угрюмов** в беседе **«ДУХОВНОЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА»** предлагает читателям свои размышления о православном отношении к этой духовной проблеме.

Рубрика «Мамина школа» разместила сценарий **Любови Петровны Гладких «ПРАЗДНОВАНИЕ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»** из ее программы **«Мир – прекрасное творение»**

Рубрика «Семейная трапеза» знакомит с некоторыми оригинальными рецептами сербских национальных блюд с сайтов **«СЕРБСКАЯ КУХНЯ»**.

КИПАРИС НЕ СТЕЛЕТСЯ ПО ЗЕМЛЕ

Гордый человек придает земным благам гораздо большую цену, нежели та, какую имеют они по самой своей природе, считает себя умнее, нравственнее, заслуженнее, нежели есть он в действительности, старается возвышаться и величаться над своими ближними, унижая их пред собою, относясь к ним с холодностью, неуважением или презрением, восхваляет себя сам и домогается такого же восхваления от других, доходит иногда почти до обожения себя, до поклонения своим «совершенствам» и требует, чтобы другие также обожали его и преклонялись, падали в прах пред его величием и заслугами.

Но не всегда гордый имеет одни совершенства и добродетели, бывают у него и слабости, и недостатки, и грехи с пороками. Однако он или скрывает их от других и от себя, или преуменьшает их значение и важность, или извиняет себя в них, или даже вовсе не считает их чем-то худым, а признает их в себе достоинствами и совершенствами и хвалится ими.

Смиранный человек, если и согрешит, то сердечно скорбит о своем преступлении, всегда сознавая свой грех и виновность пред Богом, и не стыдится открыть свою греховную язву духовному врачу; человек же гордый, ослепленный своими мнимыми или действительными достоинствами, не замечающий своих недостатков, до того ценит себя, что стыдится признать себя виновным в чем бы то ни было, а тем более исповедать свои грехи перед священником.

Гордый в счастье еще более кичится или превозносится над ближними, а иногда и вовсе забывается. В несчастье же он, напротив, или озлобляется и ропщет на судьбу, или малодушествует и предается отчаянию.

А смиренный не надмевается в счастье и не падает духом посреди самых тяжелых бедствий, но с терпением и покорностью предается воле Отца Небесного.

И вот почему Бог гордым противится, а смиренным дает Свою благодать (1 Пет. 5, 5): потому, что гордый полагается только на самого себя и свои силы и не чувствует нужды в высшей помощи и не только не просит, но и как бы отталкивает ее от себя.

Смиренный же всегда проникнут сознанием своего недостойнства и немощи, а потому всегда ищет помощи свыше.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит о гордости так: «Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, матер осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, причина беснования, виновница падений, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы.

Начало гордости - конец тщеславия, середина - уничижение ближнего, самохвальство в сердце, ненависть обличения, а конец - отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав.

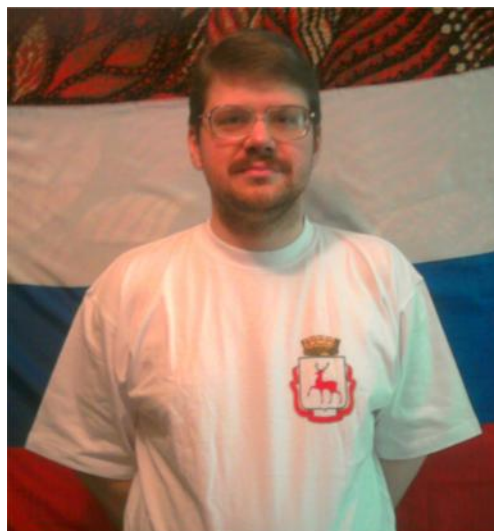
Не приклоняется кипарис и не стелется по земле: так и высокосердый не может иметь послушания.

Высокоумный человек желает начальствовать, а иначе он и не может поступить.

Бог гордым противится, кто же может помиловать их? Нечист пред Господом всяк высокосердый (см.: Притч. 16, 5), кто же может очистить его?

Наказание гордому - его падение, досадитель - бес, а признак оставления его от Бога есть умоисступление. Отвергающий обличение обнаруживает страсть, а кто принимает оное, тот разрешился от уз ее.

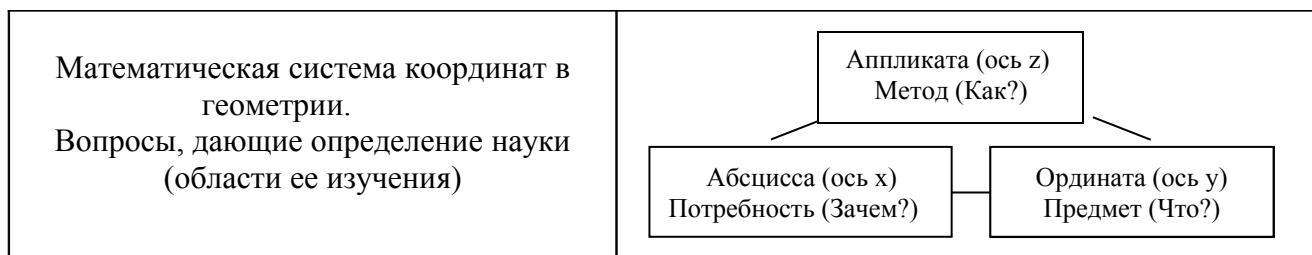
Источник: afon.ru.com

**РАЗВИТИЕ ИДЕИ КЛАССИФИКАЦИИ НАУК
ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА СТЕПАНОВА,
изложенной в его книге «Вера и знание»**

В 2010 году наш земляк, известный нижегородский ученый-химик Виктор Михайлович Степанов выпустил в свет уникальную книгу под названием "Вера и знание" [1], где маститый ученый муж (Виктор Михайлович доктор химических наук, профессор, академик МСА) доказывает, что современные представления точных наук о мире чрезвычайно близки христианству, православию. В 2012 году названная книга была переиздана в международном (академическом) книжном издательстве [2].

То, что человек создан по образу и подобию Божию, для верующего православного человека - известная аксиома. Более того, православное богословие говорит нам о троичности, своеобразной трехсоставности человека: дух, душа, тело. Опираясь на признанные фундаментальные представления современной науки, Виктор Михайлович Степанов утверждает, что и материя - то есть весь материальный мир - также, подобно его Творцу - троичен: вещество, поле, информация. Более того, и человеческое мышление троично: наиболее точные и верные логические выводы делаются не на основе двух, как принято в классической логике, а на основе трех составляющих исходных понятий. Схема В. М. Степанова, приведенная ниже, позволяет схематически воспринять утверждение о троичности человеческого мышления.

Фундаментальные (первичные) понятия наук: физика, химия	<pre> graph TD A[Законь] --- B[Вещество] A --- C[Поле] </pre>
Православное богословие о человеке	<pre> graph TD A[Дух] --- B[Душа] A --- C[Тело] </pre>
Логика	<pre> graph TD A[Синтез] --- B[Дедукция] A --- C[Индукция] </pre>
Политология (Структура современной власти)	<pre> graph TD A[Судебная] --- B[Законодательная] A --- C[Исполнительная] </pre>
Психология (Триада Зиедониса)	<pre> graph TD A[Идее (Цель)] --- B[Себе] A --- C[Другим] </pre>
Христианство о Боге	<pre> graph TD A[Отец] --- B[Сын] A --- C[Дух Святой] </pre>

Смысловым продолжением постулата о троичности человеческого мышления явилась предложенная В. М. Степановым классификация наук, в основу которой положен именно этот принцип. Вот его изложение идеи данной классификации.

«Начало «объективной» классификации наук в основном было положено в работах Б. Кедрова (см., например, [3]).

Система знаний может быть определена как наука, если указаны:

1. Координата у. Предмет («что?» - У. Д.) (объект) исследования, однозначно задающий ФДМ (форму движения материи). Законы, определенные данной ФДМ отвечают на вопрос «почему?» именно так происходит движение.

2. Координата х. Изучаемый объект, получаемые результаты должны быть востребованы на практике. Направление оси соответствует увеличению степени практической значимости. Соответствующая величина в конечном итоге определяется в историческом процессе. Здесь отвечает на вопрос «зачем?»

3. Координата z. Познание, в зависимости от степени сложности, качественной особенности использует различные методологические приемы, различный «язык». Определяется ответ на вопрос «как?». Изменение координаты характеризуется переходом от простейшей априорной очевидности до высшей, достигаемой через интуицию к откровению» [4].

Если проследить изложение В. М. Степановым его классификации наук, скажем, в работах [1] и [4], то становится очевидным, что, несмотря на неизменность общей идеи, сама классификация постоянно развивалась и совершенствовалась. Это позволило мне (с согласия

самого Виктора Михайловича, когда он еще был жив) предложить некоторые свои идеи к его классификации. Следующая схема (рис. 1) составлена уже с учетом моих мыслей.

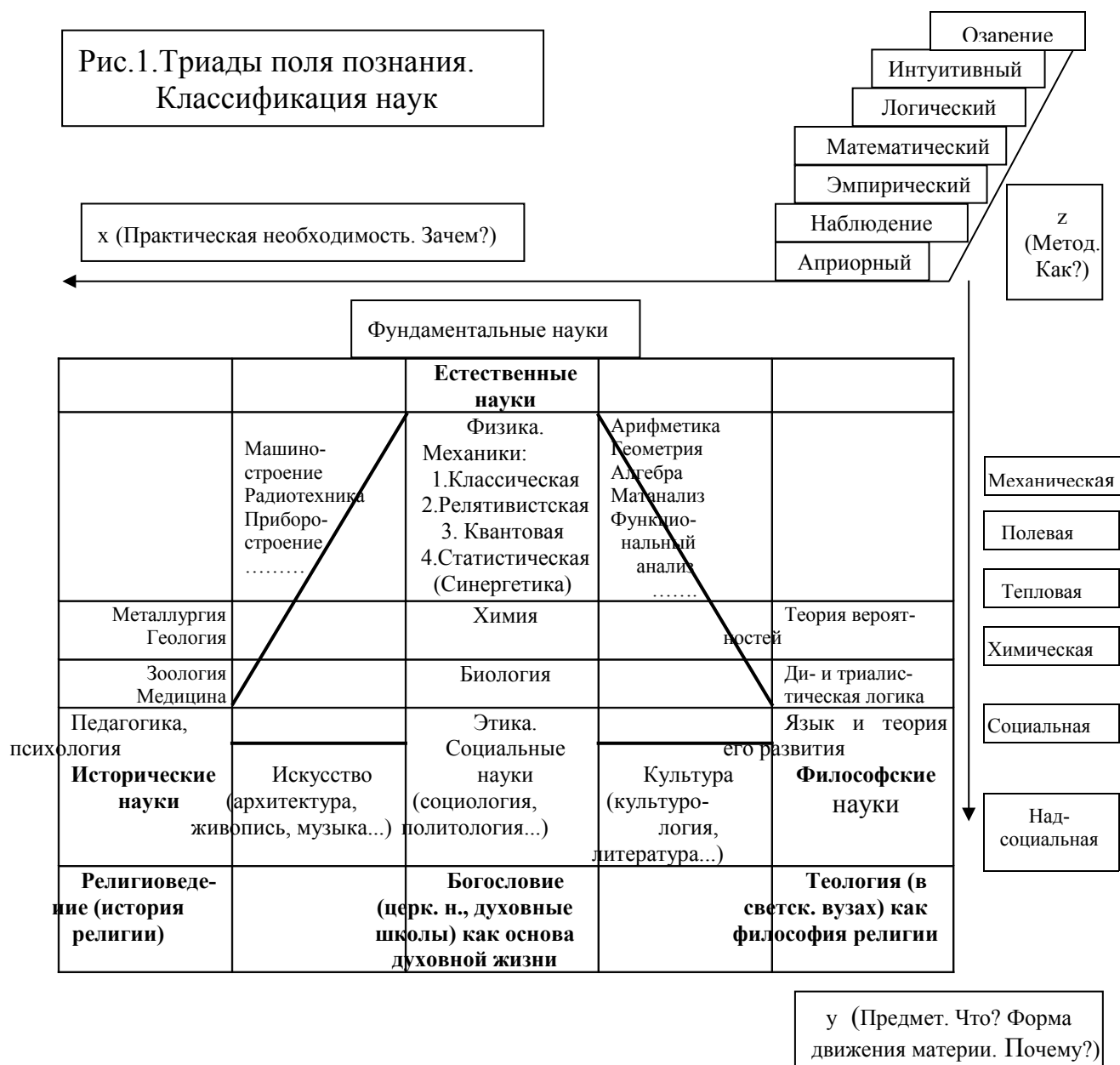
Виктор Михайлович Степанов

Я счел возможным развить то, что Виктор Михайлович сформулировал просто как «Религия».

Опыт развития богословских учебных заведений в России с XVII до конца XX веков обусловил разделение этой сферы знания на богословие, развивающееся в сфере Духовных школ (именно его в России и обозначают термином "богословие"), и богословие, которое с начала 90-х годов XX века формируется (естественно, при активном взаимодействии с Духовными школами: академиями и семинариями) в государственных учебных заведениях (его, в соответствии с государственными стандартами образования, именуют "теологией"). Предмет изучения богословия и теологии, вроде бы, практически аналогичен. Но, возможно, разница в том, что богословие Духовных школ развивается как научное знание, прежде всего, для священников, а теология - как знание для специалистов, призванных к работе в миру. Если это так, то, не исключено, что развитие богословской науки, которую мы сегодня именуем «теологией», в будущем сблизит ее с религиозной философией, а богословие Духовных школ по-прежнему останется именно пастырским: основой духовной жизни.

В эту схему вписывается и религиоведение: как наука, изучающая социально-исторические, но не духовно-мировоззренческие, аспекты религиозных систем.

Кроме того, я особо выделил этику - как главную основу позитивного функционирования общества. Возможно, для кого-то это является спорным, но для меня, как для верующего человека, очевидным. Добавление мною в классификацию педагогики, психологии, языка и теории его развития, расшифровка общих категорий «социальные науки», «искусство» и «культура» не имеет какого-либо особого значения. Это, скорее, техническое подтверждение универсальности классификации В. М. Степанова.

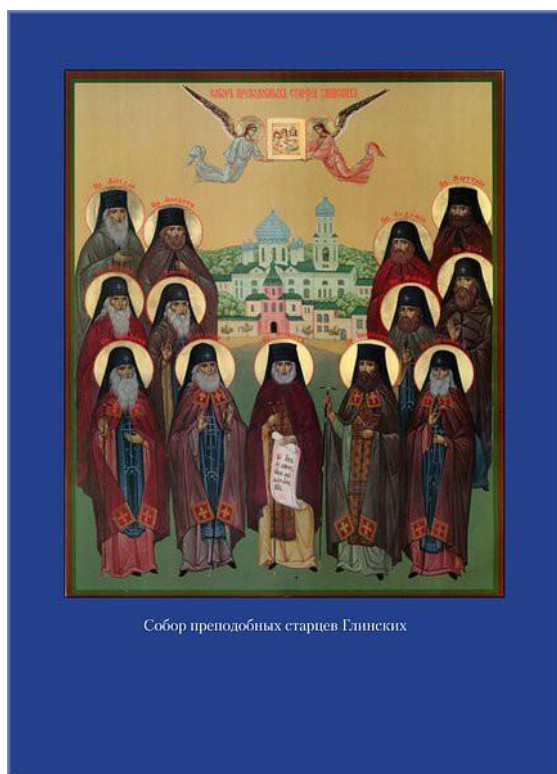

Считая данную классификацию уникальной находкой незаурядного человека, позволяющей открыть новые горизонты в развитии взглядов на научное знание, искренне надеюсь, что классификация («пирамида») В. М. Степанова (наверное, с развитием и доработками последователей) со временем займет подобающее ей место в анналах общепризнанного научного знания.

Литература

1. Степанов В. М. Вера и Знание. Н. Новгород: ВВО МСА, 2010.
2. Виктор Степанов. Вера и Знание (Религия и наука на современном этапе развития общества). Saarbrucken, Deutschland. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012.
3. Кедров Б.М. Статья «Наука». Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1964. Т. 3.
4. Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Выпуск 26. Нижний Новгород, 2010 // Степанов В. М. «Тернарная структура поля познания». Стр. 7-9.

22 СЕНТЯБРЯ - СОБОР ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ

В субботу 16 августа 2008 года в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни состоялось прославление в лике святых преподобных старцев Глинских.

Столь больших и многолюдных торжеств еще не знала возрождающаяся Глинская пустынь. Множество автобусов, автомобилей из России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдовы, Киргизии, Грузии и других регионов привезли сюда паломников на поклонение прославляемым ныне Глинским старцам.

К торжествам по случаю канонизации было создано иконописное изображение святых, написана икона Собора Глинских старцев. Определен и день почитания преподобных отцов Глинских - 22 сентября (или 9 сентября по старому стилю), на второй день престольного праздника Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. Подготовлен тропарь и кондак преподобным отцам Глинским.

Накануне, 15 августа, в 17:00 началась служба с Великим славословием. Богослужение совершалось на площади монастыря. В центре площади на деревянном помосте был установлен престол. Вокруг алтаря поставлены деревянные столбы, деревянное перекрытие сверху покрыто пленкой. Перед алтарем на площади находились восемь раков с мощами. Справа от Царских врат - мощи преподобных:

- иеросхимонаха Макария (Шарова),
- схиархимандрита Серафима (Амелина),
- монаха Феодота (Левченко),
- схимонаха Архиппа (Шестакова);

Слева от Царских врат — мощи преподобных:

- игумена Филарета (Данилевского),
- архимандрита Иннокентия (Степанова),
- схиархимандрита Иоанникия (Гомолко),
- схиархимандрита Илиодора (Голованицкого).

По 6-й песни канона была совершена лития по Глинским старцам. Во время богослужения многочисленные паломники прикладывались к мощам, молились на площади, исповедовались.

В день торжества, в субботу 16 августа, Божественная литургия началась в 8:30.

Блаженнейший Владимир, Митрополит Киевский и всея Украины в сопровождении архиереев и около 90 пар священнослужителей при пении тропаря «Рождество Твое, Богородице Дево» проследовал от Архиерейского корпуса Глинской пустыни до алтаря на площади. Блаженнейший Владимир возглавил богослужение. Ему сослужили архиепископы: Ровенский и Острожский Варфоломей, Херсонский и Таврический Иоанн, Конотопский и Глуховский Лука; епископы: Черниговский и Новгород-Северский Амвросий, Александрийский и Светловодский Пантелеимон, Бердянский и Приморский Елисей, Нежинский и Прилуцкий Иринея, Сумской и Ахтырский Александр (всего 10 архиереев).

На Литургии после малого входа была отслужена последняя заупокойная лития по Глинским старцам. Провозглашена им всем «Вечная память». «Вечную память» пели все богомольцы на площади.

Далее епископ Сумской и Ахтырский Иларий зачитал краткие жития Глинских старцев, сказав сначала о величии Глинской пустыни и ее преподобных старцев. Краткие жития читались на русском языке.

Во время чтения житий справа от епископа стояли в митрах два архимандрита и держали большую икону «Собор преподобных старцев Глинских», над иконой иподиаконы держали четыре рипиды.

После чтения житий хор пропел Тропарь преподобным старцам Глинским. (В это время икону перенесли в центр площади).

На Литургии Блаженнейший Митрополит Владимир Киевский и всея Украины произнес проповедь, в которой подчеркнул, что сама благодать Святого Духа собрала нас в месте подвигов Божиих людей, чтобы их прославить.

Завершился процесс канонизации святых, а их останки стали почитать святыми мощами. Из тринадцати прославленных старцев обретенны мощи лишь девяти. Восемь будут храниться в Глинской пустыни, а мощи Василия (Кишкина) обретенны в Площанской обители Брянской епархии.

Весь день к мощам шли паломники. Среди них было много иноков и инокинь из других обителей Украины и России. Каждый старался иконы освятить на мощах преподобных Глинских старцев.

В марте 2009 года к лику святых причислены Глинские старцы:

- Схиархимандрит Андроник (Лукаш; † 1974)
- Схимитрополит Серафим (Мажуга; † 1985)
- Схиархимандрит Серафим (Романцов; † 1976)

Собор 13 преподобных старцев Глинских:

- 1. Преподобный Филарет** — игумен Филарет (Данилевский), настоятель (1817—1841);
- 2. Преподобный Иннокентий** — архимандрит Иннокентий (Степанов), настоятель (1862—1888);
- 3. Преподобный Иоанникий** — схиархимандрит Иоанникий (Гомолко), настоятель (1888—1912);
- 4. Преподобный Серафим** — схиархимандрит Серафим (Амелин), настоятель (1943—1958);
- 5. Преподобный Илиодор** — схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) (1795—1879);
- 6. Преподобный Василий** — иеросхимонах Василий (Кишкин; † 1831);
- 7. Преподобный Макарий** — иеросхимонах Макарий (Шаров; 1801—1864);
- 8. Преподобный Евфимий** — схимонах Евфимий (Любимченко; 1795—1866);
- 9. Преподобный Лука** — схимонах Лука (Швец; † 1898);
- 10. Преподобный Феодот** — монах Феодот (Левченко; † 1859);

11. **Преподобный Архипп** — схимонах Архипп (Шестаков; † 1896);
12. **Преподобный Досифей** — монах Досифей (Колченков), благоговейный († 1874);
13. **Преподобный Мартирий** — монах Мартирий (Кириченко; † 1865).

Тропарь, глас 4:

ПРЕПОДОБНИИ И БОГОНОСНИИ ОТЦЫ НАШИ ГЛИНСТИИ, / УЧЕНЬМИ ДРЕВНИХ
ОТЦЕВ СТАРЧЕСТВО В ОБИТЕЛИ УТВЕРДИВШИИ, / МОЛИТВОЮ. КРОТОСТИЮ,
ПОСТОМ И СМИРЕНИЕМ / В ПОСЛУШАНИИ ЛЮБОВЬ ХРИСТОВУ СТЯЖАВШИИ: / ВО
ДНИ ГОНЕНИЯ В РАЗСЕЯНИИ ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ, / ЯКО ЗВЕЗДЫ НА НЕБЕСЕХ
ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ ПРОСВЕТИВШИИ / И КО ХРИСТУ ПРИВЕДШИИ, / МОЛИТЕСЯ КО
ГОСПОДУ, // ПОМИЛОВАТИ И СПАСТИ ДУШИ НАША.

Кондак, глас 4

ДНЕСЬ ЛИКУЕТ ОБИТЕЛЬ ГЛИНСКАЯ, / В ПРОСЛАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦЕВ
В ПОДВИЗЕ ДОБРЕМ ПРОСИЯВШИЯ, / И ВСИ ЛЮДИЕ ВОЗВЕСЕЛИШАСЯ, / ЯКО
ИСТОЧНИК БЛАГОДАТИ ЧУДЕСЫ ИЗЛИВАЕТСЯ, / ТЕМЖЕ УБО СВЯТИИ,
ПЕЧАЛЬНИЦЫ ДУШ НАШИХ, / УМОЛИТЕ ЩЕДРОЛЮБИВАГО БОГА, // МОЛИТВАМИ
БОГОРОДИЦЫ НЕБЕСНАГО ЦАРСТВИЯ СПОДОБИТСЯ.

Величание

УБЛАЖАЕМ ВАС, / ПРЕПОДОБНИИ ОТЦЫ НАШИ ГЛИНСТИИ, / И ЧТИМ СВЯТУЮ
ПАМЯТЬ ВАШУ, / НАСТАВНИЦЫ МОНАХОВ // И СОБЕСЕДНИЦЫ АНГЕЛОВ.

(С сайта <http://old.glinskie.ru>)

**1 НОЯБРЯ – 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ**

Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадская родилась 1 ноября 1864 году в семье великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. Как немецкую принцессу, ее воспитывали в протестантской вере. Сестра Елизаветы Алиса стала супругой Николая II, а сама она в 1884 году вышла замуж за великого князя Сергея Александровича Романова и стала российской княгиней. По традиции, всем немецким принцессам давали отчество Феодоровна - в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

Немка по происхождению, Елизавета Федоровна в совершенстве выучила русский язык и полюбила новую родину всей душой. В 1891 году, после нескольких лет размышлений, она приняла православие. Много занималась благотворительностью: посещала больницы, тюрьмы, детские приюты.

В 1905 году от бомбы террориста Ивана Каляева погиб генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович. Елизавета Федоровна первой прибыла на место трагедии и своими руками собирала части тела любимого мужа, разбросанные взрывом.

*Елизавета Федоровна с мужем,
великим князем Сергеем Александровичем*

На третий день после гибели великого князя она поехала в тюрьму к убийце в надежде, что тот раскается. На слова Каляева «Я не хотел убивать Вас, я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но Вы были с ним, и я не решился его тронуть» Елизавета Федоровна ответила: «И вы не сообразили того, что Вы убили меня вместе с ним?» Несмотря на то, что убийца не раскаялся, великая княгиня подала Николаю II прошение о помиловании, которое тот отклонил.

После гибели мужа от рук террориста Елизавета Федоровна стала вести почти монашеский образ жизни. Ее дом стал похож на келью, она не снимала траур, не посещала светские мероприятия. Молилась в храме, соблюдала строгий пост.

Часть своих драгоценностей великая княгиня раздала, а другую часть потратила, чтобы построить обитель милосердия на Большой Ордынке. Здесь были два храма, большой сад, больница, приют для сирот и многое другое.

Марфо-Мариинская обитель милосердия. Москва, начало XX в.

Первый храм в монастыре освятили во имя святых жен-мироносиц Марфы и Марии, второй в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В Марфо-Мариинской обители милосердия действовал устав монастырского общежития. В 1910 году епископ Трифон (Туркестанов) посвятил 17 насельниц в звание крестовых сестер любви и милосердия, а великую княгиню - в сан настоятельницы. Она без сожаления простилась со светской жизнью, сказав сестрам обители: «Я оставляю блестящий мир, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир - в мир бедных и страдающих».

Духовником монастыря стал протоиерей Митрофан Серебрянский. Сама настоятельница вела подвижническую жизнь. Постилась, спала на жесткой кровати, еще до рассвета вставала на молитву, работала до позднего вечера: распределяла послушания, присутствовала на операциях в клинике, вела административные дела обители.

Все операции в больнице проводились бесплатно, причем работали тут лучшие специалисты Москвы. Была и бесплатная столовая для бедняков. Марфо-Мариинская обитель, по сути, выполняла роль многофункционального социально-медицинского центра.

Вместе со своей келейницей Варварой Яковлевой Елизавета Федоровна часто посещала Хитров рынок - место притяжения для московской бедноты. Здесь матушка находила беспризорников и отдавала их в городские приюты. Вся Хитровка уважительно называла великую княгиню «сестрой Елисаветой» или «матушкой».

Елизавета Федоровна хотела открыть отделения обители в других городах России, но ее планам не суждено было исполниться. Началась Первая мировая война, во время которой

Великая княгиня активно поддерживала фронт: помогала формировать санитарные поезда, отправляла солдатам лекарства и походные церкви. По благословию матушки сестры обители работали в полевых госпиталях.

После отречения Николая II от престола она писала: «Я испытывала глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, а не когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет. Мы должны устремить свои мысли к Небесному Царствию и сказать с покорностью: «Да будет воля Твоя»».

Революционные события коснулись всех членов дома Романовых, даже великую княгиню Елизавету, которую любила вся Москва. Вскоре после Февральской революции вооруженная толпа с красными флагами пришла, чтобы арестовать настоятельницу обители - «немецкую шпионку, которая хранит в монастыре оружие». Обитель обыскали; после ухода толпы Елизавета Федоровна сказала сестрам: «Очевидно, мы недостойны еще мученического венца».

После октябрьской революции 1917 года обитель поначалу не беспокоили, даже привозили сестрам продовольствие и медикаменты. Аресты начались позже. В 1918 году под стражу заключили Елизавету Федоровну, а затем отправили в ссылку на Урал - в город Алапаевск. За матушкой последовали сестры милосердия Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Екатерину позже отпустили на свободу, а Варвара отказалась уезжать и осталась с великой княгиней до конца.

18 июля 1918 года заключенных - Елизавету Федоровну, сестру Варвару и нескольких членов семьи Романовых - отвезли к деревне Синячихи. Там, на заброшенном руднике, их избили прикладами винтовок и сбросили в шахту. Во время казни великая княгиня крестилась и громко молилась: «Господи, прости им, не знают, что делают!»

Матушка и великий князь Иоанн упали на выступ в стене шахты. Оторвав от своего апостольника часть ткани, преодолевая боль, Елизавета Федоровна перевязала раны князя. Сохранились свидетельства, что проходящие мимо люди слышали, как в глубине шахты мученики пели Херувимская песнь.

Через несколько месяцев в Екатеринбург вошла армия адмирала Колчака, и тела мучеников достали из шахты. У преподобномученицы Елисаветы, сестры Варвары и великого князя Иоанна пальцы были сложены для крестного знамения.

Ее называли святой при жизни. Мученическая смерть в заброшенной шахте под Екатеринбургом в июле 18-го после прихода к власти большевиков довершила и без того готовый к канонизации образ.

Первый шаг к этому был сделан в 1981 году Русской Зарубежной церковью, через 11 лет и Московский Патриархат причислил Великую княгиню к лику святых. Так, спустя почти три четверти века после смерти Елизавета Федоровна стала символом объединения двух ветвей православия.

Елизавета Федоровна была прославлена в лике святых в 1992 году вместе с инокиней Варварой (память 18 июля).

Марфо-Мариинская обитель просуществовала до 1926 года. Некоторых сестер отправили в ссылку, другие объединились в общину и создали в Тверской области маленькое огородное хозяйство.

Через два года в Покровском храме открыли кинотеатр, а потом там разместился дом санитарного просвещения. В алтаре поставили статую Сталина. После Великой Отечественной войны в соборе обители обосновались Государственные художественные реставрационные мастерские, остальные помещения заняли поликлиника и лаборатории Всесоюзного института минерального сырья.

В 1992 году территорию монастыря передали Русской Православной Церкви. Сейчас обитель живет по уставу, созданному Елизаветой Федоровной. Насельницы проходят обучение в Свято-Димитриевском училище сестер милосердия, помогают нуждающимся, работают во вновь открытых на Большой Ордынке приюте для девочек-сирот, благотворительной столовой, патронажной службе, гимназии и культурно-просветительском центре.

С сайта <http://foma.ru>

ЛЕТО ГОСПОДНЕ
(Отрывки из книги)

СОБОРОВАНИЕ

На Покров рубили капусту. Привезли, как всегда, от огородника Пал-Ермолаича много крепкой, крупной капусты, горой свалили у погребов. Привезли огромное «корыто» - долгий ящик, сбитый из толстых досок, - кочней по сотне рубит, сечек в двадцать. Запахло крепким капустным духом. Пришли банщицы и молодцы из бань, нарядные все, как в праздник. Веселая работа.

Но в эту осень не было веселья: очень уж плох хозяин. Говорит чуть слышно и нетвердо, и уже не различает солнышка. Анна Ивановна раздвигала занавески, впускала солнышко, а он и к окнам не поглядел.

Горкин мне пошептал:

- Уж и духовную подписал папашенька, ручкой его водили.

Все знают, что нет никакой надежды: отходит. У нас и слез не осталось, выплакались. Все без дела бродим, жмемся по углам. А к ночи всем делается страшно: тут она где-то, близко. Последние дни спим вместе, на полу, в гостиной, чтобы быть ближе к отцу при последнем его дыхании.

И вот, как рубили капусту, он очнулся от дремоты и позвал колокольчиком. Подошла Анна Ивановна.

- Это что, стучат... дом рубят?

Она сказала:

- Капусту готовят-рубят, веселую капустку. Бывало, и вы, голубчик, с нами брались, сечкой поиграть... кочерыжками швырялись.

Он, словно, удивился:

- Уж и лето прошло... и не видал. - А потом, погода, сказал: - И жизнь прошла... не видал.

И задремал. А потом, опять слышит Анна Ивановна колокольчик.

- Поглядеть, Аннушка... кочерыжечки...

Анна Ивановна прибежала к корыту:

- Сергей Иванович... кочерыжечки хочет, скорей давайте!.

Выбрали парочку сахарных, к сердечку. Понесла на золотенькой тарелке Поля: не сама вызвалась, а ей закричали:

- Тебе, Полюшка, нести!.. все тебя отличал Сергей Иванович!

Заробела Поля, а потом покрестилась и понесла за Анной Ивановной. Когда вернулась, сказала горестно:

- Сменился с лица-то как Сергей Иванович... Се-день-кий стал. По голосу меня признал... нащупал кочерыжечку, понюхал, а сил-то и нет - хрупнуть.

Она надвинула на глаза платок, золотенький, как желтяк, и стала рубить капусту. Антон Кудрявый под руку ее толкнул.

- Крепше - солоней будет!.. - и засмеялся.

Никто словечка не проронил, только Полугариха сказала:

- Шути, дурак... нашел время!..

Уж после Анна Ивановна сказывала: Поля заплакала в капустку, пожалела. Она была молоденькая вдова-солдатка, мужа на войне убили. И вот, плакала она в капустку...

- А кому он не нравился, папашенька-то! Дурным только... ангел чистый!

На другой день Покрова отца соборовали. Горкин говорил, какое великое дело - особороваться, омыться «банею водною-воглагольною», святым елеем.

- Устрашаются эти, потому - чистая душенька... покаялась-приобщилась и особоровалась. Седьмь раз Апостола вычитывают, и седьмь Евангелие, и седьмь раз помазуют болящего. А помазки из хлопчатки чистой и накручены на струццы. Господне творение, струец-то. А соборовать надо, покуда болящий в себе еще. Уж не видит папашенька, а позвать - отзывается. Вот и особоруется в час светлый.

Приехали родные, - полна и зала, и гостиная. Понабралось разного народу, из всех дверей смотрят головы, никому до них дела нет. Какой-то в кабинет забрался, за стол уселся. Застала его Маша, а он пальцами вертит только, - глухонемой, лавошников племянник, дурашливый. И пропал у нас лисий салоп двоюродной тетки, так она ахала. Горкин велел Гришке ворота припереть, незнаемых не пускать.

Мне суют яблочки, пряники, орешки, чтобы я не плакал. Да я и не плачу, уж не могу. Ничего мне не хочется, и есть не хочется. Никто у нас не обедает, не ужинает, а так, всухомятку, да вот чайку. Анна Ивановна отведет меня в детскую, очистит печеное яичко, даст молочка... И все жалеет: «болезные-вы-болезные...»

Стали приходиться батюшки: о. Виктор, еще от Иван-Воина, старичок, от Петра и Павла, с Якиманки, от Троицы-Шаболовки, Успения в Казачьей... еще откуда-то, маленький, в синих очках. И псаломщики с облачениями. Сели в зале, дожидают о. благочинного, от Спаса в Наливках.

О. Виктор Горкина допросил:

- Ну, всевед, все присноровил? А седьмь помазков не забыл из лучинки выстрогать?..

Ничего не забыл Панкратыч: и свечи, и пшеничку, и красного вина в запивалочке, и росного ладану достал, и хлопковой ватки на помазки; и в помазки не лучинки, а по древнему благочестию: седьмь струец бобовых-сухоньких, из чистого платочка вынул, береженных от той поры, как прабабушку Устинью соборовали.

Прибыл о. благочинный Николай Копьев, важный, строгий. Батюшки его боятся, все подымаются навстречу. Он оглядывает все строго.

- Протодьякона опять нет? Намылю ему голову. - И глядит на о. Виктора. - Осведомили - с благочинным будет?

- Предуведомлял, о. Николай, да его загодя в город на венчание пригласили, на Апостола... на рысаке обещали срочно сюда доставить.

Говорят от окна:

- Как раз и подкатил, рысак весь в мыле!

Все смотрят, и о. благочинный. Огромный вороной мотает головой, летят во все стороны клочья пены, а протодьякон стоит на мостовой и любуется. Благочинный стукнул кулаком в раму, стекла задребезжали. Протодьякон увидел благочинного и побегал во двор, но ему ничего не было. Благочинный махнул рукой и сказал:

- Что с тебя, баловника, взять. На Баловнике домчали?

- На Баловнике, о. Николай. Летел на молнии, в пять минут через всю Москву!

Горкин после сказал, что благочинный сам любит рысаков, и Баловника знает, - вся Москва его знает за призы.

- Папашеньку тоже вся Москва знает. Узнали купцы, что протодьякон на соборование спешит, вот и домчали на призовом.

Гости повеселели, и батюшки. И я тоже чуть повеселел, страшного будто нет, выздоровеет папашенька с соборования. Благочинный погладил меня по голове и погрозился протодьякону:

- Голосок-то посдержи, баловник. Бабушка у Паленовых с твоего рыку душу Богу отдала за елеосвящением... и Апостола не довозгласил, а из нее и дух вон!

И опять все повеселели, будто приехали на именины в гости. И стол с закусками в зале, и чайный стол с печеньем и вареньем, - батюшкам подкрепиться, служение-то будет долгое. Горкин велел мне упомянуть: будет протодьякон возглашать – «и воздвигнет его Господь!». Может, выздоровеет папашенька, воздвигнет его Господь!...

Батюшки облачились в ризы и пошли в спальню. Родным говорят - душно в спальне, отворят двери в гостиную, - «в дверях помолитесь». Тетя Люба ведет нас в спальню и усаживает на матушкину постель. Занавески раздвинуты, видно, как запотели окна. Ширмы отставлены. Отец лежит в высоких подушках, глаза его закрыты, лицо желтое, как лимон.

Перед правым кивотом, на середине спальни, поставлен стол, накрытый парадной скатертью. На столе - фаянсовая миска с пшеницей, а кругом воткнуты в пшеницу семь струпец бобовых, обернутых хлопковой ваткой. Этими помазками будут помазывать святым елеем. На пшенице стоит чашечка с елеем и запивалочка с кагорчиком. Горкин, в великопраздничном казакинчике, кладет на стол стопу восковых свечей.

Перед столом становится благочинный, а кругом остальные батюшки. Благочинный возжигает свечи от лампадки и раздает батюшкам; потом влагает в руку отцу и велит Анне Ивановне следить. Горкин раздает свечки нам и всем. В дверях гостиной движутся огоньки.

Начинается освящение елея.

Служат неторопливо, благолепно. Отец очень слаб, трудно даже сидеть в подушках. Все время поправляют подушки и придерживают в руке свечку то Анна Ивановна, то матушка. Протодьякон возглашает: «О еже, благословитися, елеу сему... Господу по-ма-а-лимся!.." Благочинный говорит ему тихо, но все слышно: «Потише, потише». Дрожит дребезжаньем в стеклах. Кашин в дверях чего-то подмигивает дяде Егору и показывает глазом на протодьякона. А тот возглашает еще громчей. Благочинный оглядывается на него и говорит уже громко, строго: «Потише, говорю... не в соборе». Протодьякон все возглашает, закатывая глаза: «...По-ма-а-лимся!..» Благочинный начинает читать молитву, держа над елеем книжку, батюшки повторяют за ним негромко. Отец дремлет, закрыв глаза. Протодьякон берет толстую книгу и начинает читать, все громче, громче. И я узнаю «самое важное», что говорил мне Горкин:

- «...И воздвигнет его... Го-спо-о-дь!..»

В спальне жарко, трудно дышать от ладана: в комнате синий дым. По окнам текут струйки, - на дворе, говорят, морозит. Мне видно, как блестит у отца на лбу от пота. Анна Ивановна оттирает ему платочком, едва касаясь. Такое у ней лицо, будто вот-вот заплачет. Я чувствую, что и у меня такое же скосившееся лицо. Отцу трудно дышать, по сорочке видно: она шевелится, открывается полоска тела и знакомый золотой крестик, в голубой эмали. Великим Постом мы были в бане, и отец сказал, видя, что я рассматриваю его крестик: «Нравится тебе? ну, я тебе его откажу». Я уже понимал, что это значит, но мне не было страшно, будто никогда этого не будет.

Благочинный начинает читать Евангелие. Я это учил недавно: о милосердном Самарянине. И думал тогда: вот так бы сделал папашенька и Горкин, если пойдем к Троице и встретим на дороге избитого разбойниками. Слушаю благочинного и опять думаю про то же. Открываю глаза...

Начинается самое важное.

Протодьякон громко возглашает. Благочинный берет из миски струец, обмакивает в святой елей и подходит к отцу. Анна Ивановна взбивает за больным подушки. Благочинный помазует лоб, ноздри, щеки, уста... раскрывает сорочку, помазует грудь, потом ладони... И когда делает струцем крестики, молится... – «Да исцелит Господь болящего Сергия и да простит ему все прегрешения его».

Протодьякон опять читает Апостола. А после Апостола старенький батюшка читает Евангелие и помазует вторым струцем. Потом протодьякон стал опять возглашать Апостола... Потом о. Виктор читает из Евангелия, как Иисус Христос дал ученикам Своим власть изгонять бесов и исцелять немощных... Трудно дышать от духоты. Анна Ивановна отирает лицо отцу одеколоном, слышен запах «лесной воды». Матушку уводят, тетя Люба держит руку отца со свечкой. А батюшки все читают... Мне душно, кружится голова... роняю свечку, она катится по коврику под кровать... кидаются за ней... а я гляжу на свечку в руке отца... с нее капает на сорочку.

Кашин глядит на свою свечку и колупает оплыв. Он у нас не бывал с того дня, как обидел папашеньку, но дядя Егор каждый день заходит. Горкин поведал мне, как папашенька слезно просил его обещать перед образом Спасителя, что не обидит сирот. И он перекрестился, что обижать не будет. У него «вексельки» за кирпич: отец строил бани в долг, задолжал и ему, и Кашину, и они процент большой дерут, могут разорить нас. Узнал и еще: совсем мы небогаты, трудами папашеньки только и живем, а папашенька - дядя Егор на дворе кричал, - «не деляга, народишко балует». А Горкин говорит – «совесть у папашеньки, сам не допьет - не доест, а рабочего человека не обидит, чужая копеечка ему руки жгет». Трудными-заботами дедушкины дела поправил, «разорили дедушку на подряде чиновники, взятку не дал он им!» - новые бани выстроил на кредит, и теперь, если не разорят нас «ироды», бани и будут вывозить.

Протодьякон в седьмой раз возглашает Апостола. Батюшка в синих очках прочитывает седьмое Евангелие и в последний раз помазует св. елеем. Все струцы вынуты из пшеницы... - конец сейчас?..

Благочинный спрашивает у матушки: «Может ли болящий подняться - принять возложение Руки Христовой?» Тетя Люба в ужасе поднимает руки:

- Что вы, батюшка!.. он и в подушках едва сидит!..

Тогда все батюшки обступают болящего. Благочинный берет св. Евангелие... И я подумал – «Когда же перестанут?..». После сказал я Горкину. Он побранил меня:

- Стра-мник!.. про священное так!.. а?.. – «пере-ста-нут»!.. а?! Про святое Евангелие!..

Нет, благочинный больше не читал. Он раскрыл св. Евангелие, перевернул его и возложил святыми словами на голову болящему. Другие батюшки, все, помогали ему держать. Благочинный возглашал «великую молитву».

Горкин сказал мне после:

- Великая то молитва, и сколь же, косатик, ласкова!..

В этой молитве читается:

«Не грешную руку мою полагаю на главу болящего, но Твою Руку, которая во Святом Евангелии... и прошу молитвенно: «Сам кающегося раба Твоего прими человеколюбием... и прости прегрешения его и исцели болезнь...»

Отец приложился ко св. Евангелию и слабым шепотком повторил, что говорил ему благочинный:

«Простите... меня... грешного...»

Соборование окончилось.

После соборования приехал Клин и дал сонного. Спальню проветрили. В ней, от духоты, лампадки потухли.

В зале тетя Люба потчует батюшек. Остались только близкие родные. Матушку увели. Мы сидим в уголку. К нам подходит Кашин, гладит меня по голове, не велит плакать и дает гривенничек. Я зажимаю гривенничек и еще больше плачу. Он говорит: «Ничего, крестничек... проживем». Я хватаю его большую руку в жилах и не могу ничего сказать. Батюшки утешают нас. Благочинный говорит:

- На сирот каждое сердце умягчается.

Кашин берет меня за руку, манит сестриц и Колю и ведет к закусочному столу.

- Не ели, чай, ничего, галчата... ешьте. Вот, икорки возьми, колбаски... Ничего, как-нибудь проживем. Бог даст.

Мы не хотим есть. Но батюшки велят, а протодьякон накладывает нам на тарелочки всего. Хрипит: «Ешьте, малыцы, без никаких!» - и от этого ласкового хрипа мы больше плачем. Он запускает руку в глубокий карман, шарит там и подает мне... большую, всю в кружевцах, - я знаю! - «свадебную» конфетину! Потом опять запускает - и дает всем по такой же нарядной конфетине, - со свадьбы?..

Все начинают закусывать вместе с нами. Дядя Егор распоряжается «за хозяина». Наливает мадерцы-икемчику. Протодьякон сам наливает себе «большую протодьяконову». Пьют за здоровье папашеньки. Мы жуем, падают слезы на закуску. Все на нас смотрят и жалеют. Говорят - вздыхают:

- Вот она, жизнь-то человеческая!.. «яко трава...»

Благочинный говорит протодьякону:

- На свадьбу пировать?..

- Настаивали, о. благочинный, слово взяли. Не отмахнешься, - «трынка с протодьяконом - молодым на счастье», говорят. Люди-то больно хороши, о. благочинный. Баловника прислать сулились... за вечерним столом многолетие возглашать, отказать нельзя...

- И слезы, и радование... - говорит благочинный. - Вот оно - «житейское попечение». А вы, голубчики, - говорит он нам, - не сокрушайтесь, а за папашеньку молитесь... берите его за пример... редкостной доброты человек!..

Все родные разъехались. А Кашин все сидит, курит. Анна Ивановна уводит меня спать.

Начинаю задремывать - и слышу: кто-то поглаживает меня. А это Горкин, уже ночной, в рубахе, присел ко мне на постельку.

- Намайлся ты, сердешный. Что ж, воля Божия, косатик... плохо папашеньке. Господь испытание посылает и все мы должны принимать кротко и покорно. Про Иова многострадального читал намедни... - все ему воротилось.

- А папашенька может воротиться?

- Угодно будет Господу - и свидимся. Не плачь, милоч... А ты послушь, чего я те скажу-то... А вот. Крестный-то твой, заходил к папашеньке... до ночи дожидался, как проснется. И гордый, а вот, досидел, умягчил и его Господь. Сидел у него, за руку его держал. Узнал, ведь, его папашенька! Назвал - «Лександра Данилыч». Узнал. По-хорошему простились. По-православному. Только двое их и видали... простились-то как они... Анна Ивановна... да еще...

Он перекрестился, задумался...

- А кто еще... видал?

- А кто все видит... Господь, косатик. Анна Ивановна поведала мне, за ширмой она сидела, подремывала будто. Хорошо, говорит, простились. Ласково так, пошептались...

- Пошептались?... а чего?

- Не слыхала она, а будто, говорит, пошептались. Заплакал папашенька... и Кашин заплакал будто.

КОНЧИНА

Яркое солнце в детской, - не летнее-золотое, а красное, как зимой. Через голые тополя все видно. Ночью морозцем прихватило, пристыли лужи. Весело по ним бегать - хрупать, но теперь ничего не хочется. Валяются капустные листья по двору, подмерзшие, похожие на зелено-белые раковины, как в гостинной на подзеркальнике.

Вбегает Маша, кричит, выпучивает глаза:

- Барышни, милые... К нам пироги несут!..

Какие пироги?... Мы, будто, и забыли: отец именинник нынче! Смч. Сергия-Вакха, 7 октября. А через два дня и матушкины именины. Какие именины теперь, плохо совсем, чуть

дышит. Теперь все страшное, каждый день. Анна Ивановна вчера сказала, что и словечка выговорить не может, уж и язык отнялся. А сегодня утром и слышать перестал, и глазки не открывает. Только пальцы чуть-чуть шевелятся, одеяло перебирают. Такое всегда, когда о т х о д я т . Сегодня его причащал о. Виктор. Нас поставили перед диваном, и мы шепотком сказали: «Поздравляем вас с Ангелом, дорогой папашенька... и желаем вам...» и замолчали. Сонечка уж договорилась: «Здоровьица... чтобы выздоровели...» - и ручками закрылась. Он и глазками не повел на нас.

После соборования мы совсем перешли в гостиную, чтобы быть рядом со спальней. И теперь, это не гостиная, а все: тут и спим на полу, на тюфячках, и чего-нибудь поедем насухомятку. Обед уж не готовят, с часу на час кончины ожидают.

Ради именин, Марьюшка испекла кулебяку с ливером, как всегда, - к именинному чаю утром. Родные приедут поздравлять, надо все-таки угостить. День Ангела. Из кухни пахнет сдобным от пирога, и от этого делается еще горчей: вспоминается, как бывало прежде в этот радостный и парадный день. Сестры сидят в уголку и шепчутся, глаза у них напухли. Я слышу, что они шепчут, обняв друг дружку:

- А помнишь?.. А помнишь?..

Сонечка вскрикивает:

- Не надо!.. Оставь, оставь!.. - и падает головой в подушку.

Опять прибегает Маша, торопит-шепчет:

- Что же вы, барышни?.. Уж поздравлятели приходят... Один с пирогом сидит... А вы все не одемши!..

Сонечка вскрикивает:

- Вот ужас!..

Я иду на цыпочках в столовую. В комнатах очень холодно, Анна Ивановна не велит топить: когда кто помирает, печей не топят. Я спросил ее, почему не топят. Она сказала - Да так... завод такой».

В передней, на окне и на столе, - кондитерские пироги и куличи, половину окна заставили, один на другом. У пустого стола в столовой сидит огородник-рендатель Пал-Ермолаич, в новой поддевке, и держит на коленях большой пирог в картонке. Чего же он дожидается?..

Я шаркаю ему ножкой. Он говорит степенно:

- Наше почтение, сударь, с дорогим именованничком вас. Папашеньку не смею потревожить, не до того им... Маменьку хоть проздравить. Скажи-ка поди: Павел, мол, Ермолаич, проздравить, мол, пришел. Помнишь, чай, Павла-то Ермолаича? Сахарный горох-то на огородах у меня летось рвал?..

Я убегаю: мне чего-то неловко, стыдно. Выглядываю из коридора: он все сидит-дожидается, а никто и внимания не обращает. Я останавливаю Сонечку и показываю на Пал Ермолаича:

- Он уже давно ждет... - говорю ей, - а никто и...

Она отмахивается и делает страшные глаза.

- Го-споди... Как только не стыдно беспокоить!.. Не понимает, что... Боится, как бы другому не сдали огороды, вот и таскается с пирогом!..

От этих слов мне ужасно стыдно, я даже боюсь смотреть на Пал Ермолаича: такой он степенный, - «правильный, совестливый человек», - Горкин говорил. Ему по уговору надо нам сколько-то капусты, огурцов и всякого овоща доставить, а он больше всегда пришлет и велит сказать: «Не хватит - еще дошлю». Ждет и ждет, а никто и внимания не дает.

А пироги все несут. И кренделя, и куличи, и просвирки. Сегодня очень много просвирок, и больше все храмиками, копеечных, от бедных. Из бань принесли большой кулич с сахарными словами - «В День Ангела», и с розочками из сахара. А Пал Ермолаич все дожидается с пирогом. Может быть, чаю дожидается? Слава Богу, выходит Сонечка и говорит, что мамаша просит извинить, она там, и благодарит за поздравление. Пал Ермолаич хочет отдать ей пирог в руки, но она отмахивается, вся красная. Тогда он говорит ласково и степенно:

- Это все я понимаю-с, барышни,... Такое горе у вас. А пирожок все-таки примите, для порядка.

Он ставит пирог на стол, крестится на образ, потом кланяется степенно Сонечке и уходит кухонной лестницей. Я думаю, смотря ему вслед, на его седые кудри: «Нет, он не для огородов пришел поздравить, а из уважения». Мне стыдно, что его и чайком не угостили. А отец всегда, бывало, и поговорит с ним, и закусить пригласит. Я догоняю его на лестнице, ловлю за рукав и шепчу-путаюсь:

- Вы уж извините, Павел Ермолаич... Не угостили вас чайком... И у нас папашенька... очень плохо... а то бы... - у меня перехватывает в горле.

Пал Ермолаич гладит меня по плечу и говорит ласково и грустно:

- Какие тут, сударь, угощения... Разве я не понимаю. Когда папашенька здоров был, всегда я приходил поздравить. Как же болящего-то не почтить, да еще такого человека, как папашенька! А ты, заботливый какой, ласковый, сударик... в папашеньку.

Он гладит меня по голове, и я вижу, какие у него добрые глаза. Я бегу к Сонечке и говорю ей, какой Пал Ермолаич, и как он папашеньку жалеет.

- А ты... – «для огородов»!.. Он пришел болящего почтить... а пирог... для порядка!..

Сонечка очень добрая, все говорят – «сердечная»; но только она горячая, вспыльчивая, в папашеньку, и такая же отходчивая. Она сейчас же и раскаялась во грехе, крикнула:

- Знаю! знаю!.. Дурная, злая!.. Мальчишка даже казнит меня!..

Понятно, все мы расстроены, места не находим, кричим и злимся, не можем удержаться, - «горячи очень», все говорят. Я тоже много грешил тогда, даже крикнул Горкину, топая:

- Все сирот жалеют!.. О. Виктор сказал... нет, благочинный!.. «На сирот каждое сердце умягчается». Папашенька помирает... почему Бог нас не пожалеет, чуда не сотворит?!

Горкин затопал на меня, руку протянул даже - за ухо хотел... - никогда с ним такого не было, и глаза побелели, страшные сделались. Махнул на меня сердито и угрожал:

- Да за такое слово, тебя, иритика... Ах, ты, смола жгучая, а?!.. Да тебя на сем месте разразит за такое слово!.. Откудова ты набрался, а?!.. Сейчас мне сказывай... а?!.. На Господа!... а?!..

Со страха и стыда я зажмурился и стал кричать и топать. Он схватил меня за плечо, начал трясти-тормошить, и зашептал страшным голосом:

- Вот кто!.. Вот кто!.. о н и это тебя... о н и !.. К папашеньке-то не смеют доступиться, страшатся Ангела-Хранителя его, так до тебя доступили, дите несмысленное смутили!.. Окстись, окстись... Сей минут окстись!.. Отплюйся от н и х !.. Да что ж это такое, Господи милостивый?!

Потом обхватил меня и жалобно заплакал. И я заплакал, в мокрую его бородку. А вечером поплакали мы с ним в его каморочке, где теплились все лампадки. И помолились вместе. И стало легче.

А пироги все несут и даже приходят поздравлять. Тетя Люба приехала с утра, удивилась на пироги и велела Маше завязать звонок на парадном. Но и без звонка приходят. Не дозвонятся - с заднего хода добиваются. Сонечка за голову хватается, если кто-нибудь не родной:

- Боже мой, все перепуталось... - такое горе; а нам сладкие пироги несут!..

- Да все же любят папашеньку, из уважения это... для порядка!..

И Горкин ее резонил:

- Да что ж тут, барышня, плохого? Плохого ничего нет. А каждый так, может, в сердце у себя держит... Сергей Иваныч вживе еще, а нонче День Ангела ихнего, хошь напоследок порадовать. А что хорошего - все бы и отворотились?!.. Ну, сказали бы, чего уж тут уважение показывать, все равно конец. И пускай несут, нищим по куску подадим, все добрым словом помянут.

А я таю про себя, думаю-думаю: и вдруг, радость?! Вдруг, чудо сотворится?!.. И верю, и не верю...

В зале парадного стола нет, только закусочный, для родных. Матушка и к родным не выходит. Встречает тетя Люба, Сонечка – «за хозяйку»: ей пятнадцать вот-вот, говорят - вот уж и невеста скоро. С гостями как-то порадостней, не так страшно. Анна Ивановна манит нас в детскую и дает по куску именинного пирога с ливером. Мы едим, наголодались очень. А я все думаю: и вдруг, чу-до?!..

По случаю именин Марьюшка сама надумала сготовить обед, нас накормить. А для гостей

пирог только и закуски. Обедаем мы в детской, и с нами Анна Ивановна. Обед совсем именинный, даже жареный гусь с капустой и яблоками, и сладкий пирог, слоеный. Анна Ивановна только супцу с потрохами хлебнула ложечку, а все нас заставляет есть: «Хорошенько кушайте, милые... надо вам силушки набираться, а то ослабнете». И я думаю: «Хорошо, что с нами Анна Ивановна... ну, как бы мы без нее?!» Такая она всегда спокойная, - Сонечка про нее сказала: «Это такое золотце, такая она... как лавровишневые капли!» - и когда с ней, все ласковые и тихие. Сегодня она не в светлом ситце с цветочками, а в темноватом, старушечьем, горошками. Сонечка ее спросила, почему она для именин старушечье надела, а она сказала:

«Да зимнее это, потеплее... на дворе-то вон уж морозит».

А к концу обеда радость принес нам Горкин:

- Папашенька миндального молочка чуточку отпил! Будто даже поулыбался. А то два дни маковой росинки не принимал.

И вдруг, лучше ему станет?!.. А потом еще лучше, лучше?.. У Бога всего много.

После обеда мы идем в столовую, на шерстяной диван. Так привыкли за эти дни, все в уголку сидим, друг к дружке тискаемся, все ждем чего-то. На окнах, на столе и на диване даже - кондитерские пироги и куличи. Сестрицы и не открывают их, как было всегда раньше: «А этот какой, а этот?..» - до пирогов ли теперь. А мне хочется посмотреть, есть из знаменитой кондитерской пирог-торт, от Эйнема или от Феля. Но как-то стыдно, теперь не до пирогов.

Опять зазвонили на парадном. Звонок, что ли, развязался? - все даже вздрогнули. И родные, и неродные приезжают, справляются, как папашенька. В комнатах ужасный беспорядок, пол даже Маша не подмела. Валяется бумага от закусок, соломка от бутылок. И гости какие-то беспонятные: и родные, и так, знакомые, даже и совсем незнакомые, ходят из зала в столовую, из столовой в залу, носят стаканы с чаем и чашки на подносах, курят, присаживаются, где вздумают, закусывают - сами нарезают, корки швыряют сырные... Смотрят даже, какие пироги! Никто за порядком не наблюдает. Сонечка тоже на диван забила, руками глаза закрыла. А она старшая, «за хозяйку», матушке не до этого. И тетя Люба куда-то подевалась, и Горкин на дворе - ситнички и грошки нищим раздает - «во здравие». Никогда столько нищих не набиралось. Две корзины ситничков и «жуличков» принесли от Ратникова, - и не хватило. Уж у Муравлятникова баранок взяли, по пятку на душу. Я выбежал за ним, а он мне - «Да с-час!... видишь, чай, - Христа ради подаю!..».

И заявился еще поздравить барин Энтальцев, который прогорелый. В прошлые именины он чужой пирог поднес папашеньке, и его не велели пускать. А в суматохе-то и вошел. Ходит по комнатам, пьет-закусывает, и все предлагает за здоровье дорогого именинничка. Ему отец подарил в прошлые именины свой сюртучок, еще хороший, а у него уж все пуговицы отлетели, и весь замызганный. Подходит к нам - и громко, чуть не кричит:

- Бедные дети!.. Поздравляю вас с драгоценным именинником... и желаю!.. - и вынимает из заднего кармана смятую просвирку.

Я вспомнил, как он сам вынимал просвирку. Клавнюшка сказывал, ножичком у забора частицы выковыривал, когда ходил поздравлять о. благочинного Копьева. И подумал: может быть, и эту просвирку - сам? А он еще что-то достает из кармана... - и вытащил... заводной волчок-гуделку! И стал шишечкой заводить...

- А это вам, как презент... для утешения скорбей!

И только хотел запустить волчок, Сонечка крикнула:

- Что вы делаете?! Не смейте!..

А тут - Василь-Василич, сзади! Схватил его в охапку и поволок на кухню. Вернулся - и начал стулья у стенок устанавливать, чтобы по ровней стояли, и все очень осторожно, на цыпочках, и пальцем все так, на стулья; "Тихо... ни-ни!.." - чуть я не засмеялся. Очень он горевал, что все хуже папашеньке, слабость-то его и одолела, хоть он и давал зарок. Наконец-то тетя Люба пришла и велела Маше все со столов убрать и никого больше не принимать, а только батюшку и доктора.

Начали разъезжаться, и темнеть уж стало. А Василь-Василич на стуле задремал. И вдруг - очнулся и говорит:

- Никакого понятия, вникнуть... Да как же можно... в такой строгой час... Встал бы Иван Иваныч покойный, дедушка ваш!.. Как гости ежели загостились шибко, скажет прилично-вежливо... «Гости - гостите, а поедете – простите». И пойдет спать. Ну, всех... как ветром!.. ф-фы!..

Приходит, наконец-то, Горкин. Смотрит на все - и велит Василь-Василичу спать идти. Садится с нами и ни словечка не говорит. Так мы и сидим, а уж и темно. Сидим и прислушиваемся, что там. Спальня - рядом. Там матушка, тетя Люба и Анна Ивановна. Слышно - передвигают что-то тяжелое. Выходит Анна Ивановна и шепчет, что батюшку ожидают - читать отходную. Горкин шепчется с Анной Ивановной и уходит с ней в спальню. Сонечка говорит вдруг, ужасным шепотом: «Умирает... папашенька...» - и мы начинаем плакать. Тетя Люба просовывает в дверь голову и машет: «Тише!.. тише!..». Сонечка просит ее пустить туда, но она не пускает, вытирает глаза платочком и только шепчет:

- Не могу... нельзя... вы уж простились... будете плакать... нельзя тревожить... последние минуты...

И дверь затворяется с этим ужасным писком, тоненьким, жалобным. Вчера говорили Маше помазать маслом, а все этот писк ужасный!

Мы сидим в темноте, прижимаясь друг к дружке, и плачем молча, придавленно, в мохнатую обивку. Я стараюсь думать, что папашенька не совсем умрет, до какого-то срока только... Будет там, где-то, поджидать нас. Так говорил Горкин, от Писания. И теперь папашеньку провожают в дальнюю дорогу, будут читать отходную. И все мы уйдем туда, когда придет срок...

Маша зажигает в столовой лампу. Жалобно пищит дверь, выходит Горкин, вытирает глаза красным своим платочком. Садится к нам на диван и шепчет:

- Хорошо его душеньке, легко. И покаялся, и причастился, и особоровался... все - как православному полагается. О. Виктор отходную читает, дабы Пречистая покрыла крылами ангельскими, от смрадного и страшного образа бесовского. Тихо уснет папашенька, милые... И Спасителю канон читает, и разрешительную молитву, да отпустится от уз плотских и греховных.

Сестры плачут в покрывку на диване, чтобы не слышно было. Горкин уговаривает меня:

- Да ты послушь... Ну, послушь меня, косатик... Меня тетя Люба с вами побыть послала, а вы вот... Хотел помолиться там, а вот, пошел... с вами побуду...

Уговаривает и сестриц; а Коля затиснулся за буфет, и вижу я, как дрожат плечи у него.

- Не плачьте, милые... не плачь, Колюнчик... Господи, душа разрывается, а вы... Помолитесь отседа за папашеньку, не плачьте... и его душеньке легче будет, а то она, глядя на вас... трепещется... Послушайте, как о. Виктор хорошо молится за папашеньку.

Дверь в спальню чуть приоткрыта. Слышно печальные вычитывания батюшки. Я узнаю знакомую молитву, какую поют в Великом Посту, - «Душе моя, душе моя... восстани, что спиши? конец приближается...». И что-то про черную ночь, смертную и безлунную... И о последней трубе Страшного Суда. Мне страшно, я вспоминаю - вижу картинку, как отходит Праведник. Шепчу Горкину:

- А они ... эти ... Не могут подступиться, нет?..

- Никак не дерзнут, косатик. В папашеньке-то, ведь, Тело и Кровь Христовы, приобщался давеча. И День Ангела его, Ангел-Хранитель с ним, и святой мученик Сергей Вах с ним. и Пречистая предстательствует за него.

Я хватаюсь за Горкина, страшно мне. Вижу перед глазами его картинку «Кончина Праведника». О другой, на какую боялся всегда смотреть, - «Кончина грешника», - страшусь и подумать, вспомнить. Даже у Праведника - они! Только не могут подступиться, схватить Душу: два Ангела, в светлых одеждах, распростерли перед ними руки. Но и эта картинка страшная: за изголовьем стоит она - в черном покрывале, - страшный скелет, с острой, тонкой косой, и ждет. А эти, синие и зеленые, с тощими ногами и когтистыми лапами, рогами вперед, с заостренными крыльями, как у огромной летучей мыши, все-таки подступают, тычут во что-то лапами-когтями, будто спорят с Ангелами, трясут злобно рыжими бороденками, как у козла, изгибают тощие голые хвосты, будто крысиные, стараются тайно подползти к одру... - и мне страшно, как бы они не обманули Ангелов, как бы не улучили минутки, когда самый страшный во что-то тычется у себя в

лапе, показывает Ангелу и скалит зубы!.. - может быть, утаенный грех? - и не схватили бы Душу! Зачем же они спорятся с Ангелами и норовят ближе подползти?..

Открываю глаза, чтобы не видеть, оглядываю столовую, тени, собравшиеся в углах. Хорошо, что теплится лампадка, что Маша зажгла лампу. Гляжу на картонки с пирогами, все путается во мне... Господи, неужели умирает?.. Вот сейчас, там?.. И скорбный, будто умоляющий голос батюшки, как будто страшась их, говорит мне - отходит. Вспоминаю только что слышанные слова – «узы разреши...». Какие узы, что это... у-зы?.. Дергаю Горкина...

- У-зы... это что - у-зы?.. узлы?..

- Да как те... понятней-то?.. А чтобы душеньке легче изойти из телесе... а то и ей-то больно. Вот и молится о. Виктор - у-зы разрешить. Приросла к телесе-то, вся опутана, будто веревками-узами, с телесе-то. И грехи разрешить, плотские... повязана-связана она грехами плотскими, телесем-то греховным. Вот как срослась она с телесем-то... ну, вот оторвать хошь палец, как больно! А душенька-то со всем телесем срослась, она его живила, кровь ходила через ее, а то бы и не был жив человек. А как приходит ей срок разлучаться, во всем великая боль, и телесе-то уж прах станет, и уж порча пойдет...

От этого мне еще страшней.

Из спальни выходит о. Виктор, а за ним тетя Люба, и притворяет дверь. Батюшка скорбно кивает головой и говорит шепотком, как в церкви перед службой: «Что ж, воля Божия... надо принимать с покорностью и смирением». Спрашивает, как лошадка, готова? Тетя Люба говорит Маше, чтобы отвезли батюшку.

Этот сон... - и до сего дня помню.

Будто мы с Горкиным идем по большому, большому лугу, а за лугом будет и Троица. И так мне радостно, что мы на богомолье, и такой день чудесный, жаркий. И вдруг, я вижу, что весь луг покрывается цветами, не простыми цветами, а - живыми! Все цветы движутся, поднимаются из земли на волю. Цветы знакомы, но совсем необыкновенные. Я вижу «желтики», но это огромные «желтики», как подсолнухи. Вижу незабудки, но это не крошечные, а больше георгинов. И белые ромашки, величиной в тарелку; и синие колокольчики, как чашки... и так я рад, что такие огромные цветы, такие яркие, сочные, свежие-свежие, каких еще никогда не видел. Хочу сорвать, хватаю, а они не срываются, тянутся у меня в руке, как мягкие резинки. Я путаюсь в них, кричу Горкину, а он уже далеко ушел. И вдруг, среди этих цветов, под листьями, множество необыкновенных ягод, сочных-сочных, налившихся до того, что вот-вот сок потечет из них. И ягоды я знаю: это клубника-викторийка, но она огромная, с апельсин. И с ней перепутаны черные-черные вишни и черная смородина, матовые, живые... Дышат в цветах, шевелятся, и больше крупной антоновки. У меня дух захватывает от радости, что попал на такие ягоды, вот наберу папашеньке, удивлю-то! Кричу и Горкина набирать, а он дальше еще ушел, чуть виднеется на лугу, на самом краю, как мушка. Я хочу сорвать ягоды... А их нет - это не ягоды, а сухой чернослив, в белых крупинках, сахарных. Я кричу Горкину – «Черносливу-то... черносливу сколько!..» - и вижу, как Горкин бежит ко мне и машет рукой куда-то. Смотрю туда, и... радость, сердце колотится от счастья!.. - скачет на нас отец на Кавказке, в чесучовом пиджаке, прыгает на нем сумочка, и такой он веселый-то-веселый, такой он румяный-загорелый!.. и я кричу ему, захлебываясь от радости: «Сколько здесь сахарного черносливу!..» - все сразу потемнело, пахнуло ветром...

Холодно мне, так мне холодно... Кто-то шепчет: «Вставай, вставай...».

Мне холодно, снял кто-то одеяло. Кто-то... - Анна Ивановна?.. - говорит шепотом, который меня пугает:

- Вставай, помяни папеньку... Царство ему небесное... Отмучился, отошел... Ти-хо отошел... разок вздохнул только... И губками, так вот... будто кисленькое отпил...

Я знаю, что случилось ужасное... - отошел? Я еще весь во сне, в цветах, ягодах... в сахарном черносливе... в радости, от которой даже больно сердцу, так бьется оно во мне... в радости, что отец живой, здоровый!.. Вижу прикапанную на подзеркальнике восковую свечку... - светится она в зеркале, и в зеркале вижу, как проходит темная Анна Ивановна. Сестры стоят у двери в спальню, прижав руки с платочками к груди. Я хочу пойти к ним, а ноги пристыли к полу. Слышу - рыдает

матушка, вскриками. Шатаюсь на ослабевших ногах, я придвигаюсь к двери, гляжу на сестриц... Они беззвучно плачут, глядят на меня, говорят мне глазами что-то... Проходит тетя Люба с полотенцем, за ней старушки с тазом, кто-то несет охапку сена. Мы стоим у двери, дверь отворяется, тетя Люба в слезах, чуть слышно шепчет:

- Ах, милые... одну минутку... обмывают...

Вышла в гостиную, стала нас обнимать и плакать. И мы закричали в голос...

ПОХОРОНЫ

В зале зеркала закрыты простынями, а то усопший в зеркале будет виден, и будет за ним - еще... Большой стол, «для гостей», сдвинули углом, под образ «Всех Праздников»: положат на него усопшего. Теперь говорят - усопший, а не папашенька, не Сергей Иванович. В этом слове, чужом, - мне чудится непонятное и страшное: тот свет, куда отошел отец.

В столовой еще стоят, одна на другой, картонки с пирогами. Белошвейка быстро строчит машинкой халатик - саван. Стол завален атласными голубыми ворохами, и тут же серый халат его, «для примерки». Тут же и чашка с чаем, и кусок бисквитного пирога. Белошвейка строчит, откусывает пирог с вареньем и хлюпко глотает чай. Мне неприятно, что она крошит на халатик. Просит Анну Ивановну: «Дай кусочек пощиколатней». Та накладывает ей кусище с шоколадным кремом. Теперь никому не жалко.

В передней - неприятный человек, гробовщик Базыкин, всегда румяный. В руке у него желтый складной аршин. Он что-то сердито шепчется с другим неприятным человеком, у которого тоже такой аршинчик. Базыкин толкает неприятного человека и кричит: «Не проедайся в чужой квартал! Я к твоим покойникам не лезу... тут спокон веку наши заказчики!..» Тот кричит, что его Егор Василич вызвали, похороны доверили, - «сама вдова просила!». Вдова - новое слово, какое-то тяжелое, чужое. Так теперь называют матушку. Приходит Горкин и говорит, что на похоронах хозяин Егор Василич, так и покойный распорядился, а то не справиться. Базыкин кричит, что «Ваш Егор Василич еще за бабкин гроб не все отдал!..» - а тут дядя Егор, как раз, взял Базыкина за плечо и спустил с лестницы. Новый неприятный человек идет на цыпочках в спальню - «снять мерочку».

Торопят белошвейку - скорей, скорей!.. Она проглатывает оставшийся кусок пирога, дострачивает наспех, рвет нитку из-под железной пяточки и встряхивает халатик: «Готов, пожалте-с». В спальню проходят молодцы из бань - переносить усопшего на стол в залу. На диване дожидаются монашки, старая и молоденькая: будут денно-нощно читать по усопшему псалтырь, молиться за его душу. Только три денька душа будет с нами... - рассказывал мне Горкин, давно еще, и давал «помянник», куда вписывают о здравии и о упокоении. В помяннике все написано про душу, что святые старцы слышали в Египетской пустыне от Ангела. А после трех ден душа возносится Ангелом для поклонения Богу. И еще будет возноситься: на девятый и сороковой день по кончине. Первые три дня душа очень скорбит от разлуки с телом и скитается, как бесприютная птица. Но ей подается укрепление от Ангела, через молитвы: потому и служат панихиды.

Я думаю: «Какая душа?» Хочу, чтобы показалась мне, и боюсь. В какой она одежде? Похожа на живого? Может слышать меня и говорить? Я сажусь в уголок и стараюсь ее увидеть. Зажмуриваюсь... - и вижу: он здесь, со мной сидит в кабинете, шелкает на счетах, глядит на меня через плечо и ласково морщится, что я мешаю: «А, баловник... ну, давай, что ли, желтики твои!» Вижу еще, еще... Как ловко садится на Кавказку... Скачет веселый к нам, на богомолье... Мажет мне щеки земляничкой... Всегда он во мне, живой?! И будет всегда со мной, только я захочу увидеть?..

Туда нас не пускают. Мы топчемся в полутемном коридоре, до нас теперь никому нет дела. Кто-то сует тарелку с кусками сладкого пирога: «Поешьте пока...». Кто-то шепчет: «Можно теперь, не плачьте только». Мы выходим из коридора. Кто-то меня хватает и испуганно говорит: «Да у него все лицо в варенье!» Меня умывает белошвейка, трет жестко пальцами, я вырываюсь у нее и вытираюсь уголком скатерти.

В страхе, на цыпочках, мы входим в залу. Это не наша зала! Не видно света, шторы спущены до пола, в изголовье и по бокам стола - высокие подsvешенники, как на амвоне у Казанской, и будто - ночь. Молоденькая монашка читает распевно, тихо. Я знаю, что на столе... - и боюсь глядеть. Я вижу голубое, белую подушку, и на ней - желтое... лицо?! Нет, это не... - и жмурюсь, не видеть чтобы. И вижу через пальцы, под голубым... туфли... совсем другие, не "турецкие", мягкие, красного сафьяна, какие привез когда-то банщик-солдат с войны... а черные, жесткие, с нехоженными подошвами, - «холостые», «босовики», в какие обряжают на тот свет...

Мы жмемся к печке.

- Поближе взгляните-подойдите... - шепчет старенькая монашка и тянет Сонечку.

Я ничего не вижу, жмурюсь...

- Не видать тебе, я те подыму... - сипит монашка и дышит на меня горьким чем-то, но я пячусь от нее, жмусь к печке.

«Это не... это совсем другое ...», - думаю я.

- Положите земной поклончик...

Мы становимся па колени, кланяемся в холодный пол.

Я не могу смотреть. И вижу желтеющее пятно на белом, глубоко вдавившееся в сморщившуюся подушку... - лицо?.. Маленькое какое, желтое!.. Боюсь смотреть - и вижу восковую худую руку, лежащую на другой. На них деревянная иконка.

Входит Анна Ивановна и шепчет: «Ах, болезные, некому об вас подумать», - и ведет нас.

В детской сидит у окошка Горкин, плачет и все покачивает головой в платочек.

- Заслаб ты, косатик, изгоревался... - говорит он мне, размазывая пальцем слезы, - на вот, поешь курятинки.

Я ем охотно, обгладываю ножку. Анна Ивановна велит всем есть, а то и не выстоим. Что не выстоим? - не пойму я. Кто-то несет меня, слышу я холодок подушки... слышу - снимают башмачки, кутают, подтыкивают одеяле, - и так хорошо, уютно...

«...Вставай, вставай... - пугает тревожный шепот, - панихида сейчас начнется...»

Какая панихида?.. Почему?.. Сонечка, в черном платье, совсем другая, стоит с восковой свечкой, - и я вспоминаю, что случилось. Черные окна, ночь? Поют, из залы. Сонечка шепчет: «В гроб уже положили, все съехались...».

Комнаты полны народу. Я вижу наших певчих, пьют чай в столовой с бисквитными пирогами: Батырин, Костиков, Ломшаков... Ломшакову - сколько раз говорили все, - жить не больше месяца остается, сердце пропил, - а он все жив... а папашенька, молодой, здоровой, вина никогда не пил... В гостиной потчуют чаем батюшек. Протодьякон глотает пирог с вареньем, рясу замазал кремом. Гудит на ухо тете Любе, а все слышать: «Попамятуйте, ребятам-то моим тортика»... Никому не жалко...

Анна Ивановна ведет нас в залу, - «сироток пропустите...» Я смотрю на шашечки паркета. Она шепчет: «И во гроб уж положили... поглядите-помолитесь, сердешные...» На столе уже нет голубого и жестких туфель, и желтого не видно, а длинный, высокий гроб, белого газета. Вижу только краинку, в синевато-белых, мелких трубочках, в какие обертывают окорок на Пасху, серебряные скобки-ручки, тяжелые висюльки-кисти. Почему не золотой гроб? Паркетчика старика Жирнова хоронили в золотом, и были золотые кисти и херувимы?.. А, это старых в золотом, а молодых - в серебряном. Тычусь лицом в серебряную кисть, в царапающие висюльки... и слышу сверху знакомый сиплый голос: «А на-ка, крестничек... утешься, пожуй гостинчика...»

Это крестный Кашин, сует мне бумажный фунтик... Золотистые финички, на ветке... Я смотрю вверх, в суровое, темное лицо. Крестный кивает лысой головой, угрюмо, строго. Я целую его большую руку... Он молча ерошит мне затылок. Я прижимаю финички, тычусь в скребущие висюльки, растираю глаза висюльками, тискаюсь-жмусь ко гробу... Душно от ладана и свечек, тошно... Кто-то оттягивает меня и шепчет: «Чуть не спалил...» - и берет на руки. Темное прошло, узнаю банщика Сергея. Он несет меня по коридору: «Пропускайте, мальчик обмер от духоты...». Я вижу только свечки... Он кладет меня на диван в столовой, мочит из чайной чашки, сует мне финички: Ягодки свои растерял...». Приходит со свечкой Горкин и говорит: «В детскую его, Серега... жар у него, стошнило...»

Открываю глаза - все ночь. Клин, в шубе, сидит на моей постельке и говорит - хрипит: «Жарок, и в горле что-то... завтра, на свете, буду увидеть лучше, а пока...» Спрашивает меня - глотать не больно? – «Детей пока не пускать, буду - увидеть завтра...» Проваливается, в темное...

Сидит Горкин... Идет куда-то... Сидит около меня, и все темнеет. И вдруг светлеет, я вспоминаю что-то в спрашиваю: «Вчера?»... Он говорит:

«...И вчера певчие старались...»

И я опять спрашиваю – «вчера?..». Не могу понять: вчера?.. меня Сергей оттуда принес... сейчас принес...

- Цельные сутки, косатик, проспал... Велел тебя поднять Эраст Эрастыч, глотку на свету глядел, а ты как гусенок талый. Ничего в глотке, миндального молочка велел... и чтобы лежать велел. С расстройства, говорит... принимаешь шибко. А мы-то как напужались, беда за бедой... Меня-то напужал, ноги не ходят.

В кухне, подо мной, стучат ножами. Это повара готовят для поминок, завтра.

- Па-ра-дные поминки будут. Дядя Егор, как папашенька покойный, любит, чтобы все первый сорт... да и не за свои денежки. Гор-рдый человек. Говорит теперь все: «Уж раз я взялся... Какой человек-то был!..» Теперь проникся, какой человек ушел. И меня, слышь, жаловать стал... все меня так – «золото ненаходное!» Со мной советуется. Папашенька так внушил. «Вы, говорит, с Сережей нищую братию жаловали, да-к я такие ей поминки закажу, будут помнить!» Каждому чтоб по два блина, больших, «в солнце», говорит, чтоб... и помастить! И киселю там, и по бутылке меду!.. Меду, косатик, слышь?.. меду, говорит... «Услажу им память Сережи!..» А?.. Да, «золото ненаходное...» А «золото-то ненаходное» только одно и было у нас... Ушло, косатик, золото-то наше...

Он трясется головой в платочек.

- Оба они папашеньку жалеют... Теперь-то... и крестный. Поняли... Не станут нас разорять, сирот. Дядя-то Егор вашего роду, горяч... И на руку скор, с народом, а ничего, отходчив. Папашенька никогда, косатик, не дрался, а только обложит сгоряча когда... и всегда повинится, серебреца нашарит... Всегда у него в жилеточке звенело. А крестный... Уж, жох! А тут и он помягчел. Вексельки давеча... при дяде Егоре... Вызвал меня, при мне и переписал на дальний срок... И проценту не прибавил! Господь и зачет, сиротские слезы пожалел. Много от него плакались... Ну, как, милোক... головка не болит?.. Ну, и хорошо, отлежись маненько, в постельке уж помолишься за папашеньку... Погода-то - дождь холодный с крупой, к зиме пошло. А Михал-Иванов-то наш, уголь да венички-то нам возит... Цельный воз можжевельнику привез, от себя... И денег не возьмет. Всю улицу застелим, и у Казанской, как на Пасху будет. Можжевелка, она круглый год зеленая, не отмирает...

- Она... бессмертная, да?

- Будто так. И на Пасху можжевелка, и под гробик, как выносить. Как премудро-то положено... Ишь, подгадал ты как, - бессмертная!

- Это не я, ты сказывал... Как плотника Мартына несли.. ты под Мартынушку все кидал... две тачки...

- Ишь, все-то упомянул. А плачешь-то чего? Ра-до-ваться об таких усопших надоть, а ты... Бессмертный... Господи, Святой-Боже, Святой-Крепкий, Святой-Бессмертный... Все души бессмертные, не отмирают...

- А телеса... воскреснут?.. и ...жизни будущего века, да?..

- Обязательно, воскреснут! Никак меня?.. Ужо поосвобожусь - приду.

Пришла Анна Ивановна: Егор Василич зовут.

- С тобой посижу, милюнчик. Бульонцу тебе и миндального молочка с сухариком, доктор кушать велит.

Я рад, что Анна Ивановна со мной. Она с ложечки меня кормит, будто Катюшу нашу.

- Упал у гробика вчерась, всех напугал. Даже крестный твой затревожился, сам ягодки твои с полу пособрал. Все даже подивились. Никого не жалел... А вот, пожалел. На-ка, съешь одну ягодку. Да-а... Не ягодки... финички. Крестный подарил... Все говорят, гостинчика тебе привез, сам.

Финички сладкие, как сахар, слаже. Я даю Анне Ивановне и всем... А никто не хочет, все говорят: «Это в утешеньице тебе, сам кушай».

Даже голова не кружится, только вот ножки слабы.

Только-только светает - просыпаюсь. Анна Ивановна дает сладкого лекарства, как молочко миндальное. Говорит - жарок маленький, доктор никак не позволяет на похороны, - дождь проливной, холодный. Слышу, как воет в печке, стегает дождем в окна...

Дремлю - и слышу...

«Святы-ый... Бо-о-о-же-е-е-э...

Свя-а-ты-ый... Кре-э-э...пкий...

Свя-а-а-ты-ый... Бес-сме-э-э-а-ртный...»

Выносят Животворящий Крест?... Животворящий Крест, в чудесных цветах, живых... Молюсь про себя и плачу... Тихо плачу... не зная, что это вынос... что это выносят гроб.

- Родненький ты мой, голубочек... дай я тебя одену... - слышу покоящий, болезненный голос, - одену я тебя, поглядишь хоть через окошечки, в зальце тебя снесу...

Анна Ивановна!.. Я хочу поцеловать ей руку, но она не дает поцеловать: «У мамашеньки только, у батюшки...» Я не знаю, на что погляжу через окошечки. Она меня одевает, закутывает в одеяльчико и несет. Я слаб, ноги меня не держат. Зала наша... - она совсем другая! Будто обед парадный, гости сейчас приедут. Длинные-длинные столы... с красивыми новыми тарелками, с закусками, стаканами, графинами, стаканчиками и рюмками, всех цветов... Так и блестит все новым. Фирсанов, в парадном сюртуке, официанты, во фраках, устраивают «горку» для закусок... - ну, будто все это - как в прошлом году на именинах. И пахнет именинами, чем-то таким приятным. сладким... цветами пахнет?... кажется мне, - цветами. А нет цветов. Но я так тонко слышу... гиацинты!.. Как на Пасхе!..

Анна Ивановна говорит жалостно, как у постельки:

- Как хорошо случилось-то!.. Папашенька на другой День Ангела отошел, а нонче мамашенька именинница, пироги приносят для поздравления... А мы папашеньку хороним. А погляди-ка на улицу, сколько можжевеловичку насыпано, камушков не видать, мягко, тихо... А-а, вон как... Не отмирает, бессмертный... вон что. Все-то ты знаешь, умница моя... И душенька бессмертная! Верно, бессмертная. А, слышь?... Никак уж благовестят?..

Зимние рамы еще не вставили, - или их выставили в зале? Слышен унылый блавест - бо-ом... бо-о-омм... Будто это Чистый Понедельник, будто к вечерам это: «Помни... по-мни-и...»

- А это, значит, отпевание кончилось, это из церкви вынесли... - шепчет Анна Ивановна. - Крестись, милюнчик... Сладенький ты мой, умница... Крестись-помолись за упокой души папеньки... - и сама крестится.

И я крещусь, молюсь за упокой души...

- Ручоночки-то зазябли как, посинели... И губеночка-то дрожит... Мальчоночек ты мой неутешный... У, сладенький!..

Анна Ивановна нежно меня целует, и так хорошо от этого.

- Сейчас, милый, и к дому поднесут, литию петь, проститься. Ты и простишься, через окошечко. А потом в Донской монастырь, на кладбище...

Сильный дождь, струйки текут по стеклам, так и хлещет-стегает ветром. Холодно от окошка даже.. Что-то, вдруг, сзади - хлоп!.. Как испугало!..

Я оглядываюсь - и вижу: это официант откупоривает бутылки, «ланинскую». Под иконой «Всех Праздников» - низенький столик, под белоснежной скатертью, на нем большие сияющие подносы, уставленные хрустальными стаканчиками. Сам Фирсанов разливает фруктовую «ланинскую». Разноцветные все теперь стаканчики, - золотистые, оранжевые, малиновые, темного вина... - все в жемчужных пузырьчиках... Слышно, как шепчутся, от газа. Это что же? Почему теперь такое?... Будто под Новый Год.

- А это, сударь, тризна называется..., - говорит Фирсанов. - Это для красоты так, загодя... Повеселей поминающим, а потом и еще наполним, в нос будет ударять-с!.. А это для красоты глазам, заранее. Тризна. За упокой души новопреставленного будут испивать тризну, поминать впоследствии-с. Спокон веку положено, чтобы тризна. Батюшка благословит-освятит, после

помяновенного обеда, после блинков, как «вечную память» о. протодьякон возгласит.

- Гляди, гляди... подносят... - шепчет Анна Ивановна, - смотри, голубок, крестись... на-ро-ду-то, народу!...

Я смотрю, крещусь. Улица черна народом. Серебряный гроб, с крестом белого глазета, зеленый венок, «лавровый», в листьях, обернутый белой лентой... Там - он - отец мой... Я знаю: это последнее прощанье, прощенье с родимым домом, со всем, что было... Гроб держат на холстинных полотенцах, низко, совсем к земле, - Горкин, Василь-Василич, дядя Егор, крестный, Сергей, Антон Кудрявый... - без картузов, с мокрыми головами от дождя. Много серебряных священников. Поют невидные певчие. Льет дождь, ветер ерошит листья на венке, мотает ленты. Поют - через стекла слышно:

Ве-э-эчна-а-я-а па-а-а...

..... а-а-ать - ве-чная-а...

- Крестись, прости с папашенькой..., - шепчет Анна Ивановна.

Я крещусь, шепчу... Гроб поднимают, вдвигают под высокий балдахин, с перьями наверху. Кони, в черных покровах, едва ступают, черный народ теснится, совсем можжевельника не видно, ни камушка, - черное, черное одно... и уж ничего не видно от проливного дождя....

Слышу:

...Свя-ты-ый. Без-сме-э-эртный.

По-ми---и--уй...

На-----а---ас...

*Март, 1934 - Февраль 1944
Париж.*

Рубрика: Чистые родники

Михаил Лермонтов

МОЛИТВА

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную -
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее - иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью - презренные рабы.

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты - его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства -
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал -
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал,
Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.
Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.
Он взят за Терекком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.
Теперь родных ножен, избитых на войне,

Лишен героя спутник бедный,
 Игрушкой золотой он блещет на стене -
 Увы, бесславный и безвредный!
 Никто привычною, заботливой рукой
 Его не чистит, не ласкает,
 И надписи его, молясь перед зарей,
 Никто с усердьем не читает...
 В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
 Свое утратил назначенье,
 На злато променяв ту власть, которой свет
 Внимал в немом благоговенье?
 Бывало, мерный звук твоих могучих слов
 Воспламенял бойца для битвы,
 Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
 Как фимиам в часы молитвы.
 Твой стих, как Божий дух, носился над толпой
 И, отзыв мыслей благородных,
 Звучал, как колокол на башне вечевой
 Во дни торжеств и бед народных.
 Но скучен нам простой и гордый твой язык,
 Нас тешат блески и обманы;
 Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
 Морщины прятать под румяны...
 Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
 Иль никогда, на голос мщенья,
 Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
 Покрытый ржавчиной презренья?..

1839

Мария Сухорукова, г. Нижний Новгород

У МАТЕРИ БОЖИЕЙ ОРАНСКОЙ

Крин Цветущий,
 Радость Райская, –
 Матерь Божия
 Оранская.
 Монастырская

Защитница
И нетленных благ
Добытчица.
Земнородных всех
Родительница,
Воспитательница,
Учительница.
Я же пред Тобой –
Нечистая,
И душой, и сердцем –
Мглистая,
С горьким предстою
Страданием.
Меркну пред Твоим
Сиянием.
Я не свечкой
Ароматною,
Головёшкой тлею
Смрадною.
Мать Божия
Оранская,
У меня натура
Хамская.
Ты прости меня,
Пречистая,
Лучезарно-
Серебристая.
Ты – Претёплая,
Предобрая,
У Тебя Душа
Огромная.
Сына Божия
Угодница –
Пресвятая
Богородица.
Под дождями
И порошею
Помоги мне стать
Хорошею.
Научи молиться,
Каяться,
Ведь к Тебе
Так сердце тянется!
Ты Одна –
Река Смирения,
Неземного
Наслаждения.

В МОНАСТЫРЕ

В монастыре всё Божья Мать слышит.
И монастырь иным пространством дышит.

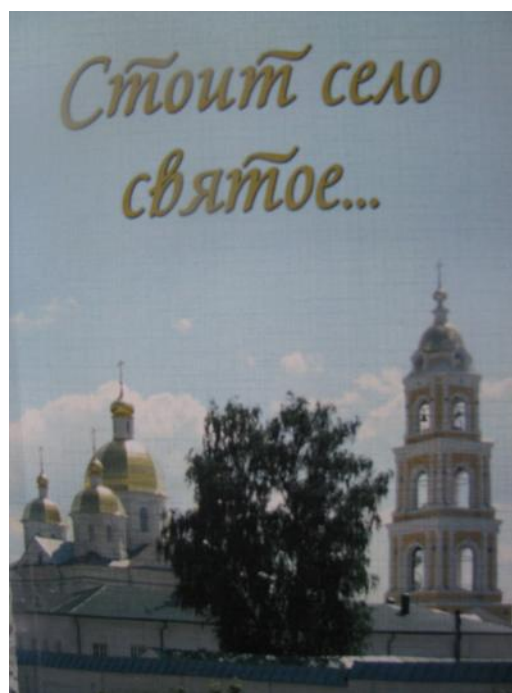
В монастыре святая благодать.
И хочется хорошей, доброй стать.
В монастыре уходит всё пустое.
И сердце здесь становится простое.
И души пробуждаются, горя,
За крепкою стеной монастыря.
В монастыре стихают, гаснут страсти,
И чувствуешь себя в Господней Власти,
И хочется молиться, всех прощать,
Грехи свои слезами очищать.
В монастыре плоды вкусней, медовой,
И розы и белее, и вишнёвей,
И маки восхитительно нежны
Под сенью монастырской тишины.
В монастыре не балуют животных,
В монастыре нет праздных, беззаботных,
И ближе Дух Небесного Царя
В задумчивых церквах монастыря.
А вдалеке от монастырских башен
Безумен мир, своим безумством страшен.
Он – бездуховный и глухой пустырь.
О, Господи, храни наш монастырь!
Он – островок спасения от мрака.
В нём кроткою становится собака,
Хоть враг рычит по-львиному. Но зря:
Ему не испугать монастыря.
В монастыре поют дружнее птицы,
Хлопочут чутко ласточки, синицы.
В закатный час, на ранней ли заре
Мне б птичкой Божьей стать в монастыре.

В ОРАНКАХ

Далёкое от перебранки,
Тем более, Пасха вблизи,
Село полевое, Оранки,
Ты в зелени, а не в грязи.
Три дня и три ночи в тебе я,
И снова три ночи, три дня.
Подснежниками голубея,
Овражек глядит на меня.
Оттуда соловушки песня,
А голос-то, голос какой!
Сползает с души моей плесень,
И свежесть в душе, и покой.
Голубушки-кошки по паре
Гуляют у всех на глазах.
А батюшка чуткий Нектарий
О наших вздыхает грехах.
И нашим сердцам сострадает,
И души желает спасти,
Его монастырь процветает,

Нас к небу стремясь привести.
Усердно здесь правятся службы,
Монахи покорны в мольбе.
И пастыри тоже послушны,
И гордо не мнят о себе.
Здесь Рая медового эхо,
И ландышем пахнет эфир.
Отсюда не хочется ехать
В бушующий склоками мир.
Но всё же опять уезжаю,
Опять уезжаю туда,
Чтоб зла испытал кровожадность,
Обратно вернуться сюда.
Заката янтарные санки
Купчихой луну привезут.
И снова приеду в Оранки,
Где косточки мне перетрут.
И душу во мне отшлифуют,
Коль я пребываю плохой.
И сделают зрячей слепую,
И слышащую – из глухой.
Научат меня видеть скорби
И немощным немощ прощать,
В себе не лежать, что во гробе,
До смерти любовь защищать.
Хотя и на дне-то оврага
Рождается песнь соловья,
Но к ней не кончается тяга,
Не гаснет с годами, друзья.
Затем, что любви с ней наука,
С ней солнце играет в крови.
Ведь серый певец-крохотулька
Поёт, трепеща, о любви.

(Из новой книги «Операция Души», которая посвящается архимандриту Нектарию (Марченко), настоятелю Оранского Богородицкого мужского монастыря в год 380-летия монастыря)

Представленный на суд читателей сборник «Стоит село святое...» посвящен истории и культуре небольшого села Оранки Богородского района Нижегородской области, в центре которого расположен известный в России Оранский Богородицкий монастырь, который многие называют жемужиной Земли Нижегородской.

В 2014 году этой возрожденной обители исполняется 380 лет. Главная святыня монастыря – образ Оранской Владимирской иконы Божией Матери, написанный в 1629 году по заказу основателя монастыря – нижегородского дворянина Петра Андреевича Глядкова. Икона была утеряна в революционное лихолетье, но чудесным образом вернулась в Оранский Богородицкий монастырь в начале XXI века.

И в этом же 2014 году исполняется 20 лет с тех пор, как патриоты родного края Елена Ивановна Власова и Татьяна Александровна Ковалева стали заниматься возрождением исторической памяти о милом их сердцу селе Оранки, о знаменитом Оранском Богородицком монастыре, о земской деятельности в России, начало которой было положено 150 лет назад.

За это время энтузиастки и бескорыстные подвижницы провели десятки неординарных запоминающихся мероприятий, посвященных актуальным темам. В их числе Дни славянской письменности и культуры, Оранские чтения, научно-практические конференции, презентации книг и выставки картин.

В этих мероприятиях принимали участие известные на Нижегородчине люди, в частности, архимандриты Александр (Лукин), Тихон (Затекин), Нектарий (Марченко), протоиерей Святослав (Кутковец), писатели и поэты Валерий Шамшурин, Владимир Жильцов, Светлана Леонтьева, Борис Селезнёв, Михаил Садовский, художники Александр Александров, Юрий Апарин, Владимир Занога. А также наиболее активные оранские жители, педагоги и работники культуры: Александр Мишуков, Тамара Колесова, Луиза Винокурова, Елена Вдовина, Елена Рощина, Ирина Сердцева, Ирина Симонова, Татьяна Чикинова, Людмила Бобылева, Наталья Рязанова, Софья Маврина. Всех и не перечислишь.

При прямой поддержке Елены Ивановны Власовой и предоставленных ею исторических документов из Центрального архива Нижегородской области издано несколько буклетов и

книг об Оранском монастыре, а ряд студентов нижегородских вузов написали курсовые и дипломные работы на эту тему. Сама же она в 2000 году защитила диссертацию по теме «Социально-педагогические условия формирования духовно-нравственных ценностей сельских школьников» на степень кандидата педагогических наук.

Сейчас Елена Ивановна Власова и Татьяна Александровна Ковалёва заняты многотрудным и благородным делом – созданием в селе музея «Народный дом». И есть уверенность, что цель будет достигнута.

Сборник предлагает читателю научно-теоретические статьи и описание практической деятельности по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения, открывает перед читателями новые страницы истории Оранского Богородицкого монастыря и знакомит с жизнеописанием и творчеством незаслуженно забытого религиозного писателя Алексея Воскресенского (в иночестве иеромонаха Димитрия), приводит через фоторяд примеры большой просветительской работы, которая ведётся в селе Оранки в течение этих 20 лет.

А также размещает ряд материалов, посвященных памяти тех подвижников общего дела, которых уже нет с нами в земной жизни, и стихи нижегородских и богородских поэтов о селе и монастыре.

Это ещё один шаг к познанию нашего прошлого, воспитанию подрастающего поколения на славных традициях русского народа и православной культуры.

Сборник «Стоит село святое...» подготовлен к печати учредителями Общественной организации «Историко-краеведческий клуб «Народный Дом» с. Оранки» и издан в октябре 2014 года типографией «Печатный дом «Вариант» г. Богородска» при благотворительной поддержке М.Ю. Новицкой и И.А. Рябина (г. Москва).

Редакционная коллегия:

Е.И. Власова (ответственный редактор)

М.Ю. Новицкая (зам. ответственного редактора)

М.В. Садовский, Н.А. Пчелин (литературные редакторы)

В.А. Гурьев (художественный редактор)

Д.С. Угрюмов (ответственный секретарь)

Фотография на обложке В.А. Гурьева

О ПРОШЛОМ ПАМЯТЬ СОХРАНЯЯ

3 октября 2014 года в Центральной библиотеке в рамках «Оранских чтений-2014» прошла историко-краеведческая конференция «О прошлом память сохраняя». На конференции рассматривались две важные темы года: «380-летие Оранского Богородицкого монастыря» и «100-летие Первой мировой войны».

С приветственным словом к участникам конференции обратился иерей Сергей Рубцов, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы города Богородска. Он сказал о значимости историко-культурного просвещения нашего общества, о важности воспитания у современных людей чувства сопричастности к жизни страны и уважения к её историческому прошлому.

В первом блоке «Святыня земли Богородской», посвященном Оранскому Богородицкому монастырю, состоялась презентация книги «Стоит село святое...», которую провела Елена Ивановна Власова, кандидат педагогических наук, доцент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Это сборник, созданный по материалам научно-практической и культурно-просветительской деятельности в селе Оранки Богородского района Нижегородской области с 1994 по 2014 годы.

Елена Ивановна представила также сообщение «Репрессированные насельники Оранского Богородицкого монастыря».

Завершил тему Оранского Богородицкого монастыря богородский краевед Виктор Александрович Гурьев интересным фотоэтюдом об этапах возрождения Оранской обители в конце XX – начале XXI веков.

В блоке **«Оглядываясь на столетие назад»**, посвящённом 100-летию Первой мировой войны, выступили нижегородские и богородские краеведы

Постоянный участник наших краеведческих мероприятий, церковный историк Ольга Владимировна Дёгтева выступила с докладом **«Служители церкви на фронтах Первой мировой войны»**.

Татьяна Львовна Грачёва, председатель Нижегородского отделения Союза Возрождения Родословных Традиций, выступила с презентацией базы данных **«Погибшие низшие чины в годы Первой мировой войны»**.

Вера Николаевна Тумарь, заведующая сектором молодёжного абонемента Центральной городской библиотеки им. В. И.Ленина г. Нижнего Новгорода, познакомила с Интернет-проектом библиотеки **«Первая мировая война: писатели потерянного поколения»**.

Преподаватель и заведующая краеведческим музеем Богородского политехнического техникума Татьяна Викторовна Куклева представила работу своей студентки А. Павловой **«Земля богородская и её люди в годы Первой мировой войны»**.

Член Союза журналистов Дмитрий Сергеевич Угрюмов в своем выступлении напомнил слушателям о духовных истоках современной социально-гуманитарной деятельности, связанной с историей создания Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, 150 лет со дня создания которого отмечалось в этом году и который сыграл большую роль в Первой мировой войне.

В заключение прозвучало много интересных предложений и планов, как по темам конференции, так и по важным юбилейным датам 2015 года.

*Сайт Богородской районной централизованной библиотечной системы
<http://www.cbsbg.ru>*

Рубрика: Наследники Минина

В КАНУН ДНЯ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

1 - 3 ноября 2014 года в рамках празднования Дня народного единства в городах Балахна, Арзамас, Гороховец, Муром, Владимир, Москва прошла культурно-патриотическая акция «Алтарь Отечества».

1 ноября 2014 года праздничным концертом в Доме культуры «Темп» города Арзамаса Нижегородской области (режиссёр **Ольга Михайловна Межуева**) началась культурно-патриотическая акция «Алтарь Отечества». Она связана с историческим маршрутом Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Девиз акции - «*Купно за едино, вместе за одно!*», её участники - творческая молодёжь, победители VIII Межрегионального фестиваля-конкурса «Алтарь Отечества». Возглавил акцию **Владимир Игоревич Блинков** (Балахна).

В.И. Блинков

После концерта участники акции ознакомились с достопримечательностями этого старинного русского города – родины Святейшего Патриарха Московского и всея Руси **Сергия (Страгородского)**, а также посетили **Музей Русского Патриаршества**.

В Музее Русского Патриаршества

2 ноября 2014 года участники акции «Алтарь Отечества» из Нижегородской, Костромской областей и из Москвы продолжили движение по маршруту, связанному с историческим походом ополчения 1612 года.

День, начавшийся экскурсией по уникальному историческому поселению - **«Гороховец купеческий, Гороховец православный»**, продолжился знакомством и молитвами у святынь древнего Мурома. А завершился он праздничным мероприятием в муромском Дворце культуры имени 1100-летия города.

Гороховец

Муром

3 ноября 2014 года: 3-й день культурно-патриотической акции «Алтарь Отечества», канун празднования Дня народного единства и Казанской иконы Божьей Матери, стал кульминационным.

В этот день её участники возложили цветы к памятнику Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, помолились у Казанской иконы Пресвятой Богородицы в Казанском соборе на Красной площади.

Вечером в концертном зале «Москвич» прошла выставка произведений русских художников и праздничный концерт победителей **VIII Межрегионального фестиваля-конкурса «Алтарь Отечества».**

В культурно-патриотической акции приняла участие делегация из Москвы (руководитель - проф. **Татьяна Ивановна Петракова**). Особенно массовым было участие москвичей в церемонии возложения цветов к памятнику Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади.

В этом мероприятии приняли участие около 100 педагогов и обучающихся столичных колледжей, образовательных центров, комплексов, школ.

В завершение дня в концертном зале «Москвич» состоялся праздничный концерт победителей VIII Межрегионального фестиваля-конкурса «Алтарь Отечества». Ведущая концерта - **Татьяна Анатольевна Крюкова**, режиссёр - **Ольга Михайловна Межуева**.

Впервые московские студенты - воспитанники колледжей - участвовали в заключительном концерте. Это победители конкурса патриотической песни **Александра Краева** и **Даниил Урсу**.

(С сайта «Вера и время»)

Рубрика: Алтарь Отчества

**VIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС
«АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА»
НОМИНАЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ»**

ИСТОРИЯ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ

*Подготовил обучающийся гр. 1-104-А Шишков Егор
Куратор работы преподаватель
истории и обществознания - Лашкина Ю.А*

Введение

Неоднократно проезжая мимо древних стен Симонова монастыря, задумывался над судьбой и историей древней обители. А начав поиски информации, был удивлен: оказывается, что Симонов монастырь - это одно из славных дел «игумена земли Русской» преподобного отца Сергия Радонежского.

В год 700-летия со дня рождения Сергия Радонежского, в свете его славных дел и молитв за землю русскую, я хотел бы рассмотреть историю создания и существования древней церковной обители Москвы – Симонова монастыря.

Время нещадно берет свое, но древние стены (то небольшое, что осталось после взрыва 1930 года) дает нам возможность прикоснуться к «живой истории» родного города, родной земли. А данный монастырь, в числе немногих московских монастырей, являлся ставропигиальным, то есть финансировался и содержался на средства Патриархии, что говорит о его особом статусе.

Не один раз стены обители выдерживали натиск вражеских войск, идущих на Москву, а в период Великой Смуты был практически стерт с лица земли. Но оборонительной функцией роль Симонова монастыря не ограничивалась. В XVI веке в обители жил и трудился Максим Грек, многие выдающиеся деятели русской церкви получили образование именно в Симоновом монастыре: это и митрополит Варлаам, и патриарх Иов, и патриарх Гермоген, и патриарх Иосиф.

На территории монастыря был похоронен сын Дмитрия Донского Константин. Здесь же находилось фамильное захоронение Аксаковых. Некрополь Симонова монастыря был довольно примечательным. Здесь покоились люди, имена которых широко известны: деятели культуры и искусства, а также представители старинных дворянских фамилий.

Создание Симонова монастыря

Из жития Сергия Радонежского.

Когда же он (Федор) достиг совершенства и священничества удостоился, появилось у него желание найти место и основать монастырь общежительный. И пришел он, и признался преподобному в мыслях своих, и так было не один раз, но многократно. Святой же, видя упорное такое желание его, подумал, что это от Бога. И по прошествии многого времени благоразумный пастырь благословляет Федора и отпускает...

Он же нашел место очень красивое для построения монастыря, по имени Симоново, около реки Москвы. Услышав об этом, святой пришел посмотреть место это, и, увидев, что подходит место для создания монастыря, он повелел Федору строить. Федор же благословение от архиерея получил и создал церковь на том месте в память честного Рождества Пречистой Владычицы нашей Богородицы...

И во время устройства монастыря на другом месте основана была церковь каменная архимандритом Федором, прекрасная весьма, в память честного Успения Пречистой Богородицы. Так все это сделано было, и на том месте по благодати Христа устроен был монастырь славный, который и сегодня все видят и почитают...

(32. С383-385.Перевод М.Ф.Антоновой и Д.М. Буланина)

Симонов (Успенский) мужской монастырь был основан в 1370 году учеником и племянником святого Сергия Радонежского – преподобным Федором. Место для монастыря было выбрано вниз по течению Москвы-реки от города. Земли, на которых был построен монастырь, пожертвовал боярин Степан Васильевич Ховрин, в иночестве – Симон, отсюда и произошло название монастыря.

Существует версия, что вначале обитель располагалась немного южнее, приблизительно там, где находится нынешняя церковь Рождества Богородицы, а в нынешнее место монастырь перенесли в 1379 году, «на расстояние двух выстрелов из лука», и посвящен он был Успению Пресвятой Богородицы. За церковью же Рождества Богородицы осталось название «на старом Симонове». Так устроился существующий и поныне Новый Симонов монастырь, а «Старое Симоново» осталось усыпальницей иноков.

Симонов монастырь был одним из монастырей-сторожей, выполнявших защитную функцию на южных границах Москвы. Это был самый укрепленный из всех монастырей. Особенно красива угловая башня монастыря по прозвищу «Дуло», названная по имени предводителя татарского войска, убитого с этой башни стрелой. Эта башня служила главной сторожевой вышкой и в то же время являлась хлебным амбаром, продовольственным складом. И по сей день возвышается она в южном углу монастыря. В западной стене монастыря, обращенной к реке Москве, существовала Тайницкая башня с потайным ходом к реке, который обрушился в 1840 году. Осталась с тех времен Солевая башня в юго-восточном углу монастыря.

Монастырь имел важное военное значение – стоял «на стороже» южных границ Москвы и участвовал в обороне столице.

В старину Симонов монастырь был в числе самых почитаемых во всей России, сюда поступали обильные материальные пожертвования. Особое внимание уделял Симоновой обители царь Федор Алексеевич (старший брат Петра I), у него здесь даже была собственная келья для уединения.

Симонов монастырь во времена преподобного Сергия Радонежского

«Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и умерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их свточ. Русские люди XIV века признавали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, паоднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось Чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник-вера».

Тихвинской иконой Божьей Матери Сергий Радонежский благословлял Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

Сюда, в этот небольшой Старый Симонов монастырь, в 1380 году привез с Куликова поля Дмитрий Донской тела воинов-монахов Троицкого монастыря Родиона (Адриана) Осляби и Александра Пересвета (боярина Бронского). Тела героев-иноков захоронили тогда в деревянной церкви Рождества. Почти триста лет спустя, благодарные потомки возвели в 1660 году над ними «каменные палаты». Когда перестраивали трапезную и колокольню, то своды последних поставили над каменным склепом Осляби и Пересвета. Уже в конце XVIII века здесь положили каменные надгробия с описанием их подвигов, а в 1870 году заменили чугунными плитами. Здесь их могилы находятся и по сей день.

Гробницы Пересвета и Осляби в XIX веке

Современные надгробия

Архитектурный ансамбль Симонова монастыря начал формироваться в 1379 году, когда была заложена каменная соборная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Строительство храма было закончено в 1405 году, после чего здесь находилась самая главная реликвия Симонова монастыря – Тихвинская икона Богоматери.

Судьба Тихвинской иконы Богоматери, ее почитание тесно переплетается с историей не только Северо-Запада России, но и всей нашей страны. Можно выделить два переплетающихся сюжета – внимание со стороны правящих династий и значение иконы как защитницы, «крепкой помощницы» в ратных делах. Недаром же ее часто называют «палладиумом России». Со времен посещения берегов Тихвины Василия III Тихвин называли «царским богомольем». Высочайшие особы посещали Тихвин вплоть до начала XX века. «Воинская слава» Тихвинской иконы началась в XVII веке. Многие поколения русских солдат отправлялись на защиту Родины с ее образами.

Первая летописная дата, связанная с Тихвином – 1383 год – относится к явлению иконы Богоматери и возникновению Пречистенского погоста. В новгородской третьей летописи записано: «В лето 6891. Во области Великаго Новаграда, нарицаемой Тихфине, явилася икона пречистыя Богородицы и Приснодевы Марии, с Превечным Младенцем на руку свою».

А чуть раньше, в 1379 году, на земле, подаренной купцом Стефаном Васильевичем Ховрой, которая лежала чуть севернее Старого Симонова монастыря, игумен монастыря Федор основал Новый Симонов монастырь.

В XVI веке неизвестные зодчие возвели вокруг Симонова монастыря новые крепостные стены с мощными башнями (некоторые историки предполагают авторство знаменитого русского зодчего Федора Коня, строителя стен Белого города Москвы, Смоленского Кремля и стен Боровско-Пафнутьева монастыря).

На охране московских окраин...

В 1571 году с башни монастыря смотрел на горящую Москву хан Давлет-Гирей. Столица выгорела тогда за три часа, а в огне погибли около двухсот тысяч москвичей. В 1591 году во время нашествия татарского хана Казы-Гирея обитель вместе с Новоспасским и Даниловым монастырями успешно противостояла крымскому войску. В 1606 году в монастырь царем

Василием Шуйским были направлены стрельцы, которые вместе с монахами отражали войска Ивана Болотникова. Наконец, в 1611 году, во время сильнейшего пожара в Москве, возникшего по вине поляков, многие жители столицы укрылись за монастырскими стенами.

Так описаны события в летописи:

Из Нового летописца

Выехав из города, литовские люди зажгли церковь Ильи пророкаи Зачатьевский монастырь за Алексеевской башней; потом же и Деревянный город зажгли за Москвой рекою. И видя такую погибель, побежали все, кто куда. А потом вышли из Китай-города многие люди к Сретенской улице и к Кулишкам. И там, у Введенского острожка, бился с ними... князь Дмитрий Михайлович Пожарский и не пропустил их за каменный город – в течение всего дня не давал жечь эту сторону; и, изнемогая от великих ран, пал на землю. И взяли его, и увезли из города к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Люди же Московского государства, видя, что нет им помощи ниоткуда, побежали все из Москвы... Были же в тот день сильные морозы. И шли они не прямо дорогою – так что от Москвы и до самой Яузы не было видно снега-все люди шли...

И в Белом городе все сожгли, и Деревянный город с посадами сожгли, только остались слободы за Яузой, что не успели сжечь. Сами же литовские люди и московские изменники начали укреплять город к осаде. Оставшиеся же люди Московского государства засели в Симоновом монастыре, в осаде, и начали дожидаться подхода к Москве ратных людей.

(48.С108-109 Перевод Н.Г.Устряловой)

Но не только славился этим Симонов монастырь - славилась на всю Москву и монастырская колокольня. Да и колокольный звон, судя по летописям, был на той колокольне незаурядный. Так, в Никоновской летописи помещена специальная статья «О колоколах», в которой говорится о сильном и чудном колокольном звоне, доносившемся, по мнению одних, от соборных колоколов Кремля, а по мнению других, от колоколов Симонова монастыря. Существует также знаменитая легенда, что накануне штурма Казани молодому Ивану Грозному ясно послышался звон симоновских колоколов, предвещающий победу.

Поэтому и к самой симоновской колокольне москвичи испытывали почтение. И когда к XIX веку она пришла в ветхость, то известный архитектор Константин Тон (создатель русско-византийского стиля в московской архитектуре) возвел в 1839 году над северными воротами монастыря новую. Крест ее стал самой высокой точкой Москвы (99,6 метра). На втором ярусе колокольни располагались церкви Иоанна, патриарха Царьградского, и святого Александра Невского, на третьем – звонница с колоколами (самый большой из них весил 16 тонн), на четвертом – часы, на пятом – выход на главу колокольни. Построили это величественное сооружение на средства московского купца Ивана Игнатьева.

«Его удар повторялся приблизительно каждые 25 секунд. Он доносился также со стороны Замоскворечья. Он овладел мною; особенность этого колокола заключалась в его величественнейшей силе, в его строгом рычании, параллельно с гулом. Надо прибавить, что рычание это и придавало ему какую-то особую оригинальность, совершенно индивидуальную. Сперва, в самый первый момент был я испуганно поражен колоколом, затем испуг быстро рассеялся, и тут открылась передо мной величественная красота, покорившая всего меня и вложившая в душу сияющую радость. До сей минуты запечатлелся этот звук во мне! Оказалось, этот колокол был Симонова монастыря».

Симонов монастырь в XIX веке

Это из воспоминаний уникального человека, гениального русского звонаря Константина Константиновича Сараджева. Уже в советское время, после закрытия Симонова монастыря доводилось иногда ему звонить и на симоновской колокольне.

В 1680 году была построена монастырская трапезная. Строительные работы проводила артель каменщиков под руководством Парфена Петрова. Средства на возведение трапезной были предоставлены царем Федором Алексеевичем. При строительстве новой трапезной также были сохранены части старой постройки 1485 году. Но в своем проекте Парфен Петров применил некоторые элементы древнемосковской архитектуры, которые не понравились руководству монастыря. Дело дошло до суда, и через три года трапезная была перестроена по проекту московского архитектора Осипа Старцева, известного своими работами в Москве и Киеве.

Трапезная Симонова монастыря была наиболее выдающимся архитектурным произведением конца 17 века. Здание было богато украшено и расписано «в шахмат» - манера росписи, имитирующая каменную кладку. В 1700 году к трапезной была пристроена церковь Сошествия Святого Духа, средства на которую пожертвовала царевна Мария Алексеевна, сестра Петра I.

В 1771 году по распоряжению императрицы Екатерины II Симонов монастырь упразднили. Как раз в это время в Москве распространилась эпидемия чумы, и монастырь превратили в чумной изолятор. В 1795 году граф Алексей Мусий-Пушкин ходатайствовал о восстановлении Симонова монастыря в своем исконном качестве. Ходатайство было удовлетворено, и монастырь вернулся к своей привычной жизни.

В 1832 году было принято решения строить новую колокольню на средства, пожертвованные купцом Иваном Игнатьевым. Согласно первому проекту, разработанному архитектором Н.Е. Тюриным, колокольня должна была строиться в классической манере. Но в те годы стало популярным возвращение к традициям русской архитектуры, и в итоге была возведена пятирусная колокольня высотой 90 метров, автором которой стал К.А. Тон – также очень известный и популярный в те годы архитектор. Закончено строительство колокольни было в 1839 году, после чего на ней были установлены колокола, самый большой из которых весил 1 000 пудов. На четвертом ярусе колокольни были установлены часы. Колокольня Симонова монастыря являлась одной из вертикальных доминант Москвы, и представляла собой архитектурную ценность.

Славился Симонов монастырь не только колокольным звоном. Широко известен также симоновский распев, который сложился и исполнялся в монастыре. В библиотеке Московской консерватории до сих пор хранятся произведения уставщика Симонова монастыря, иеромонаха Виктора. В 1849 году симонов распев был издан Придворной певческой капеллой. Особую известность из распева получила Херувимская песня, обработанная для четырехголосного хора знаменитым Бортнянским.

А в век дворянских любезностей и сентиментальных повестей обессмертил Симонов монастырь Николай Михайлович Карамзин:

«... всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густозеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом»

Интересные воспоминания оставил о начале XX века писатель А. Ремизов:

«Симонов – место встречи «порченных» и «бесноватых». Их свозили со всех концов России в Москву: среди белых попадали черные – кавказские, и раскосые – сибирские, и желтые – китайские. После обедни их «отчитывал» неустрашимый, быстрый голубоглазый иеромонах о. Исаакий: говорком, шелестя, как листьями, словами молитв, изгонял он бесов. Но не столько само изгнание – бесы что-то не очень слушались Симоновского иеромонаха! – а подготовка во время обедни – это подлинно «бесовское действо!» – зрелище потрясающее. ... Бесовский пожар в Симонове ни с чем не сравним – зрелище ошеломляющее. Еще показывали: под стену монастыря подкапывающуюся гигантских размеров лягушку-демона, обращенного в камень; эта лягушка, о ней знала вся Москва, была как раз к месту и дополняла бесовское скопище. Есть странные любители смотреть покойников, а бесовское зрелище еще заразительнее: стоит раз взглянуть, как потянет еще и еще, не пропуская. В Симоновом народе и в будний день, как на праздник; на недостаток богомольцев нельзя было пожаловаться!»

До нашего времени сохранились новые монастырские стены и часть башен, построенных в 1639 году. При обновлении монастырского ограждения, в состав нового архитектурного комплекса вошли и фрагменты старой крепости, сооруженной Федором Конем. Протяженность монастырских стен равнялась 825 метров, а высота – 7 метров.

Выходцы Симонова монастыря

Как гласит предание, в своих нечастых приездах в Москву преподобный Сергей Радонежский останавливался именно в Симоновом монастыре.

Далеко славился Симонов монастырь и своими воспитанниками. Здесь постригся в монахи и учился знаменитый Кирилл - основатель Кирилло-Белозерского монастыря. Из обители вышли митрополиты московские Геронтий (1473) и Варлаам (1511), патриархи всея Руси - Иов (1588), Гермоген (1606), Иосаф II (1633) и Иосиф (1642). В монастырской келье трудился последователь Нила Сорского князь-инок Вассиан Патрикеев, доказывавший, что «монастырям сел не подобает держати». А рядом, в соседней келье составлял вдохновенные речи против Иосифа Волоцкого лучший оратор и переводчик в тогдашней Москве Максим Грек.

Митрополит Московский Варлаам (+ 1533)

В 1506 году в сане [архимандрита](#) стал [настоятелем Московского Симонова монастыря](#). В его годы настоятельства в монастыре активно переписывались святоотеческие творения, богослужебные книги; в обители жил вернувшийся с Белоозера князь-инок [Вассиан \(Патрикеев\)](#).

Патриарх Иов - первый Патриарх Московский и всея Руси - был исключительной личностью, отличался высокой образованностью и многими дарованиями.

В 1571 году архимандрит Иов был назначен настоятелем Симонова монастыря в Москве. С усердием исполнял он возложенное на него послушание. Как настоятель одного из важнейших монастырей того времени, святой Иов принимал участие в делах Русской Церкви, а нередко и государства. В 1572 году, а позднее и в другие годы, он был участником церковных Соборов.

Главной целью деятельности Патриарха было укрепление в России Православия и духовной мощи Русской Церкви.

При Патриархе Иове были прославлены новые русские святые: Василий Блаженный, преподобный Иосиф Волоколамский (святитель сам написал ему канон и «исправил службу»), святители Казанские Гурий и Варсонофий, благоверный князь Роман Угличский, преподобные Антоний Римлянин и Корнилий, блаженный Иоанн Московский, преподобные Игнатий Вологодский и Мартирий Зеленецкий. Некоторым святым, уже чтимым на Руси, были установлены новые дни празднования.

Свои личные средства и богатые царские подарки Патриарх Иов употреблял на милостыню и на строительство храмов. Только в Москве в период с 1592 по 1600 год было построено 12 храмов. В эти тяжелые времена святитель Иов сохранил истинное христианское терпение, бесстрашие и мужество. Он фактически первый возглавил противостояние россиян польско-литовским захватчикам, рассылая по городам грамоты с призывом к защите веры и Отечества. Бунтовщики набросились на Патриарха, сорвав с него святительское облачение и не дав окончить Литургию, били его, трепали, и с бесчестьем вытащили на Лобное место. Претерпев множество поношений, святитель Иов, измученный, в простой черной рясе был сослан в Старицкий монастырь, где он когда-то начинал свой иноческий подвиг. Патриарх Иов два года прожил в обители. Ослабленный и утративший зрение, он все время проводил в молитве.

После свержения Лжедмитрия I святитель Иов из-за немощи не мог возвратиться на Первосвятительский Престол. На свое место он благословил митрополита Казанского Гермогена.

Патриарх Иов мирно скончался 19 июня 1607 года и был погребен у западных дверей Успенского собора Старицкого монастыря.

Велико общенациональное значение святителя Гермогена, неутомимого борца за чистоту Православия и единство Русской земли. Его церковная и патриотическая деятельность в течение нескольких столетий служит для русского человека ярким образцом пламенной веры и любви к своему народу.

Судьба монастыря в советский период истории

В 1919 году было закрыто знаменитое Симоновское кладбище. Но до сих пор в земле, под местным Детским парком, покоятся: первый кавалер ордена святого Андрея Первозванного, соратник Петра I, Федор Головин; глава семибоярщины, трижды отказывавшийся от русского трона Федор Михайлович Мстиславский; князья Урусовы, Бутурлины, Татищевы, Нарышкины, Мещерские, Муравьевы, Бахрушины.

В 1930-х годах, одновременно с монастырём, был уничтожен и некрополь. С его разорённого кладбища на Новодевичье были перенесены останки поэта Д. В. Веневитинова и писателей С. Т. и К. С. Аксаковых. Вскрывавших захоронения рабочих поразило то, что из левой части груди Сергея Тимофеевича Аксакова в области сердца рос корень громадной березы, покрывавшей всю фамильную могилу Аксаковых.

Разорённые захоронения были превращены в мусорные ямы, и прямо на костях усопших открылся сначала гальванический, а потом столярный цех.

После возвращения монастыря церкви во время строительных работ в 1990-х гг. некоторые останки были найдены и вновь захоронены.

Все могилы, находящиеся здесь, были разрушены и осквернены. Многие останки были обретыны во время того, как вывозился строительный мусор отсюда. Проведена большая работа по идентификации и разделению останков человека от животных. После чего останки, которые соответствуют останкам человека, были здесь в некрополе с отданием необходимых почестей и обрядов захоронены.

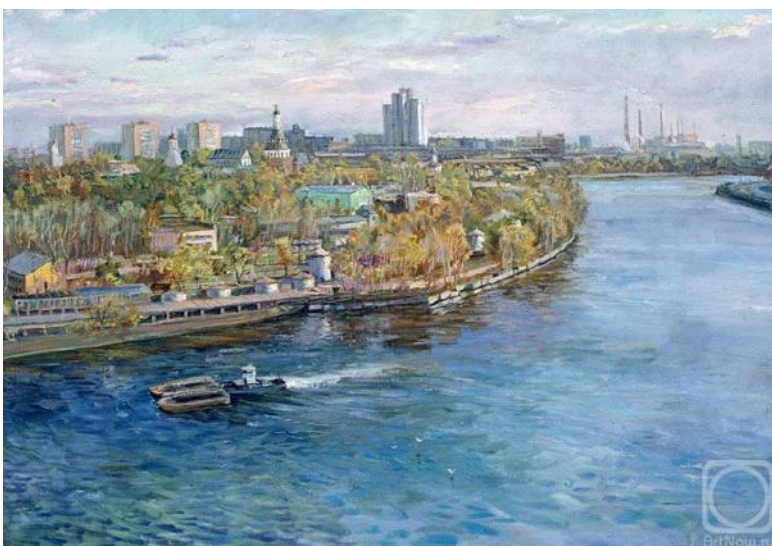
В 1923 году в Симоновом монастыре открылся музей, который работал вплоть до 1930 года. Директором музея был Василий Иванович Троцкий, который разрешил в одном из храмов отправлять службы в обмен на предоставление сторожей и дворников за счет монастырской общины. В январе 1930 года специальная правительственная комиссия приняла решение, что некоторые из древних монастырских построек можно оставить в качестве исторических памятников, а собор и стены нужно снести. Взрывали монастырь ночью 2 января – в шестую годовщину со дня смерти В.И. Ленина. Были взорваны пять из существующих шести церквей, колокольня, надвратные храмы и другие постройки. Позже на субботниках разобрали и все монастырские стены кроме южной.

На месте взорванных храмов в 1932-1937 годах построили Дворец культуры ЗИЛа.

В начале 1990-х годов Симонов монастырь вернули церкви, и началось его медленное возрождение.

Поскольку примерно со второй половины 1985 года общественные работы в храме происходили почти все субботние и воскресные дни, то довольно быстро определился круг людей, для которых храм Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове стал значительной частью жизни.

Таким образом, родилась Старосимоновская дружина, как сами себя называли люди разных профессий и возрастов, работавшие на восстановлении храма. Безусловным лидером дружины был Павел Сергеевич Жилкин, один из старейших в этой общине, солдат-разведчик, инвалид войны, чудом оставшийся в живых после тяжелейшего осколочного ранения, человек очень сильной воли и веры.

Симонов монастырь в настоящее время

Надо заметить, что православные люди из старшего поколения старосимоновцев открыто никогда не поднимали в разговорах тему веры. Все общественные движения в то время держались под контролем, и проявления «чуждой идеологии» могли стать препятствием для организации работ. Лишь по прошествии многого времени стало известно, что кто-то причащается и постится.

Вряд ли можно отыскать человека, прошедшего в те годы через храм Рождества Богородицы в Старом Симонове и не почувствовавшего изменения в своей душе. Сами стены храма Рождества Богородицы учили тому, о чем молчали люди. Многие из тогдашних Старосимоновских детей, старшеклассников и студентов, - теперь отцы и матери крепких православных семейств, кто-то трудится при храме, кто-то носит иноческое одеяние, кто-то служит Господу у престола. А в те, еще очень недалекие от нас годы казалось невероятным, что на этом месте возобновится богослужение. Сохранение памятника, музей - это представлялось реальным и близким, хотя вокруг все было неприглядно — обветшавшие стены завода, полуразобранные пристройки, торчащие на полтора метра из земли железобетонные фундаменты компрессоров, то же и внутри - ямы, короба, вода, сочащаяся из крана под живописью, изображающей сцену Благословения преподобным Сергием Великим князя и его воинов...

Временами Старосимоновская дружина производила достаточно большие и ответственные работы, участвуя в разборке надстройки над трапезной, северной и западной пристроек. В толще бетона и кирпичной кладки трансформаторной подстанции был найден и расчищен с использованием отбойного молотка фрагмент стены колокольни и почти полный белокаменный периметр ее фундамента. Но самой главной всегда была работа внутри храма.

Местоположение надгробной сени легко определялось по сохранившимся планам и фотографиям, хотя надземных следов каких-то старых конструкций не сохранилось. Фундаменты компрессоров располагались по бокам от этого места, а по свидетельству заводских ветеранов, грунт над захоронением никто не тревожил. Рассказывали, что компрессоры в трапезной храма ставились во время войны, и работы велись только самые неотложные на относительно небольшой глубине. После разборки фундаментов компрессоров и устройства полов над местом захоронения камень не монтировался. Здесь и был сооружен помост, который накрыли покровом, вышитым руками женщин дружины, - получилась рака над мощами преподобномучеников. Это событие можно условно считать временем возобновления общественного богослужения, хотя и неуставного.

По окончании общественных работ перед трапезной дружина собиралась в храме у надгробия Пересвета и Осляби.

Только к лету 1988 года была выгорожена территория вокруг храма и устроен проход с мостом со стороны Нового Симонова; 18 июля было торжественное открытие филиала Исторического музея в храме. Каменное надгробие преподобномучеников Пересвета и Осляби было выполнено Вячеславом Михайловичем Клыковым и освящено архимандритом Иннокентием Просвирниным. Таким образом, первая со времени закрытия храма уставная служба была совершена отцом Иннокентием 1 июня 1989 года - в день общецерковного празднования памяти святого Димитрия Донского, Великого князя Московского. В настоящее время на старом месте восстановлена резная деревянная сень по сохранившимся изображениям.

Уже 10 июля 1989 года советская власть зарегистрировала общину верующих на территории завода «Динамо», а 22 июля храм Рождества Пресвятой Богородицы вернулся в лоно Русской Православной Церкви. Это был первый в Москве, а может быть, и в стране возвращенный в послехрущевские времена храм. Настоятелем храма был назначен иерей Владимир Силовьев.

Первым в храме был освящен придел во имя преподобного Сергия Радонежского. Это состоялось 16 сентября 1989 года. Освящал придел митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (ныне митрополит Киевский и всея Украины) в сослужении со множеством московских священников. Земля Старого Симонова - это огромный мощевик, хранящий под спудом не только мощи преподобномучеников Александра и Андрея, но и многих десятков героев-воинов, множества иноков, братьев святого Феодора, святого Кирилла, святого Ионы, имена которых ведаёт Господь. Люди через забвение и небрежение могут способствовать запустению благодатного места, через злую волю - его внешнему уничтожению, но святыня непоругаема и Дух Божий не отступает от нее.

16 декабря 1989 года был освящен придел во имя святителя Николая. Главный престол в честь Рождества Пресвятой Богородицы освятил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II уже в 1993 году, 3 июня.

Несмотря на огромный временной отрезок, отделяющий время восстановления храма от времени рождения, несомненно, что многие традиции, заложенные его основателями, определяют и происходящее в нем ныне. Представляется неслучайным, что при возобновлении церковной жизни в стенах восстанавливаемого храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове вокруг него собралось немало людей искусства - писателей, поэтов, художников, искусствоведов. Во многом поэтому при возрождении внутреннего убранства храма было определено следовать самым глубоким традициям времен основания храма, а не простому соответствию исторически последнему варианту его организации.

Особенное почитание прихожане оказывают чудотворной Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы, которая после 1917 года хранилась в Государственном Историческом музее, резной Влахернской иконе Божией Матери, иконе «Положение Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне» с частицей Ризы, иконе преподобного Сергия Радонежского с мощами.

Известен в Москве Старосимоновский храм и своим богослужебным пением.

Вывод

Вера - это дар Божий. Своей волей человек способен только на верность. Старосимоновский храм учит верности: и иноки Сергиевы, и все те, кто строил храм, украшал и хранил его все предшествующие столетия, - учат верности. Камни храма свидетельствуют, что отступничество, предательство сеют разрушение, мерзость запустения и духовную пустоту. Господь открывает очи и зарождает веру в сердцах, пожелавших быть верными. Дух, идеже Хочет, дышет (Ин. 3, 8).

Будучи древнейшим и одним из красивейших храмов Москвы, являясь хранителем великих национальных святынь и имея своими основателями великих подвижников, храм Рождества Богородицы в Старом Симонове всегда жил очень скромной негромкой жизнью. Он терпел вместе со всем русским народом и нашествия иноплемennых, и периоды оскудения веры, и

натиск безбожной силы, и в то же время служил оплотом укрепления его в надежде и вере. Так и ныне с Божией помощью храм Рождества Пресвятой Богородицы - по молитвам своих святых основателей - собирает под свои своды московский люд и учит его вере, терпению и любви. Детей учит любить своего Создателя и свое прекрасное Отечество, взрослых - сострадать и помогать, а всех вместе - как опять стать русским православным народом, у которого одна вера, одна надежда и одна любовь.

Судьба храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове стала одной из тем, в обсуждении которых в обществе началось пробуждение исторической совести и нащупывание духовной почвы.

Своей работой, я хотел обратить внимание на плачевное состояние бывшего монастырского комплекса. Церковь Рождества Богородицы (детище Преподобного Сергия Радонежского) по-прежнему скрыта стенами завода «Динамо», найти ее сложно, посещают ее только те кто, являются постоянными прихожанами или местные жители гуляющие с детьми. Вдоль белых стен завода, при подходе к Церкви стоят, прислоненные фрагменты мраморных надгробий, взорванного Симонова кладбища. Вот она история! История ратных подвигов русского народа-захороненные останки монахов и учеников Сергия Радонежского Ослябли и Пересвета находящиеся в Церкви Рождества Богородицы, Большинству жителей города не известны.

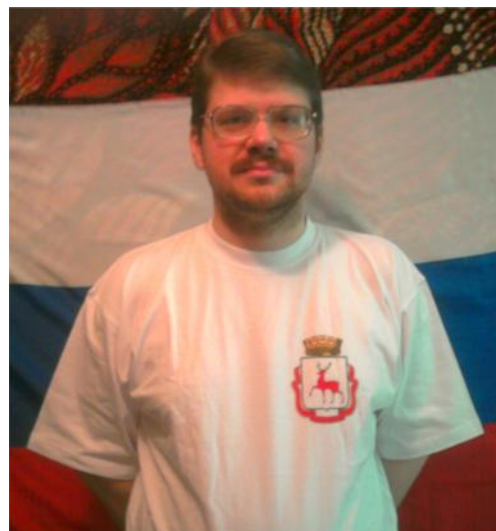
Храм Тихвинской иконы Божией Матери (бывшая церковь Успения) в настоящее время находится на реконструкции, но богослужения в нем проходят ежедневно, основная масса прихожан – это люди с нарушением слуха, для которых службы проходят при помощи сурдоперевода.

В настоящее время проводится реставрация трапезной, хозяйственные постройки и братский корпус используются как мастерские; уцелевшие же стены и башни пребывают в заброшенном состоянии.

Мне бы очень хотелось, чтобы этот церковный комплекс (будучи еще и историческим местом) привлек внимание горожан и гостей столицы на экскурсии. Узнали бы много нового и возможно помогли бы материально на реставрацию и ремонт стен и башен некогда великого Симонова монастыря, созданного преподобным Сергием Радонежским.

Список литературы и интернет-ресурсов:

1. Москва державная. Хроника год за годом. М., Вече. 1996.
2. Бураков Ю.Н. Под сенью монастырей московских.
3. Куракин Ю.Н. «Древние московские монастыри». М., московские учебники. 1999
4. Первоиерархи Русской Православной Церкви. С-П., 2009
5. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия. С71,72.
6. История Москвы. Хрестоматия. Том 1 М., московское городское объединение архивов. 1997

ХРИСТОС ПОСРЕДИ НАС!

(Краткая история возникновения старообрядных (единоверческих) приходов в Русской Православной Церкви)

Можно ли встретить старообрядца, который являлся бы прихожанином храма Русской Православной Церкви. Большинство на такой вопрос ответят однозначно – нет. О том, что в лоне Русской Православной Церкви с 1800 года (а неофициально – даже и ранее) имеются свои старообрядческие приходы, знают, к сожалению, очень и очень немногие. Такие приходы называют единоверческими.

Вообще, слово «единоверие» означает соединение в вере кого-либо с кем-либо. В нашей Церкви оно обозначает совокупность приходов Московского Патриархата, единых по вере, учению и догматам с Православной Церковью, но отличающихся от остальных приходов Русской Православной Церкви в обрядах. Единоверцы крестятся, как и все старообрядцы, двумя перстами, а богослужение совершают так, как его совершали еще до реформ Патриарха Никона.

Об истории возникновения этих уникальных приходов в лоне Русской Православной Церкви мы и хотели бы рассказать нашим читателям.

Раскол XVII века – его причины и последствия

По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, раскол, возникший в XVII веке и получивший название «старообрядческий», на протяжении уже более трех столетий остается причиной глубокой скорби и озабоченности православного народа в нашем Отечестве. Причем, несмотря на то, что в XX веке Поместные Соборы Русской Православной Церкви 1971 и 1988 гг. приняли принципиальные решения, позволяющие Церкви выстраивать активный диалог со старообрядцами, среди простых верующих (и даже некоторых священнослужителей) по-прежнему можно встретить представление о старообрядцах, как о невежественных и неразумных людях, держащихся своей «старины» исключительно из простого упрямства. Увы, это очень и очень упрощенный взгляд. На самом деле, как события самого раскола, так и последовавшие за ним другие исторические события, на три века сформировавшие отношение к старообрядчеству, были гораздо сложнее, чем их обычно представляют.

Безусловно, что к XVII веку возникла острая необходимость в исправлении ошибок и неточностей в богослужебных книгах, а также необходимость некоторой корректировки религиозных обрядов, отличных от традиции других Православных Восточных (прежде всего, Греческой) Церквей. Необходимость таких корректировок понимал не только будущий Патриарх Никон, но и, например, будущий вождь старообрядцев протопоп Аввакум.

Эта необходимость была обусловлена не только значительным количеством ошибок и разночтений в богослужебных книгах, многие из которых были рукописными, ведь книгопечатание в России тогда еще только зародилось. Но также и тем, что, став Автокефальной (то есть полностью самостоятельной в церковно-административных вопросах) с середины XV века, Русская Православная Церковь определенное время не имела контактов с Константинопольским Патриархатом из-за принятой им Флорентийской унии с Католической Церковью, которая была впоследствии разорвана. Таким образом, некоторое время Русская Церковь развивалась как бы самостоятельно, что отразилось, в том числе и на некоторых богослужебных обрядах. Хотя это только одна из точек зрения: многие исследователи считают, что эти различия имеют гораздо более древнее происхождение.

Особенно укоризненно на ошибки в богослужебных книгах и, как им казалось, произвольные новшества в обрядах указывали приезжавшие в Россию с Востока греческие Патриархи и митрополиты. Образованные представители русского духовенства и высшие церковные иерархи Русской Православной Церкви были давно готовы к реформе в области богослужения и обрядов. Но вставал вопрос: исправляя очевидные ошибки в книгах, стоит ли ориентироваться только на греческую традицию? Нельзя ли сохранить и некоторые особенности русского обряда, не противоречащего догматам Православия и православной Вере? Здесь мнения разошлись.

Когда мы говорим о личности Патриарха Никона, безусловно, необходимо отдать должное тем благим намерениям, с которыми он приступал к своей реформе. Ведь он хотел не только исправить церковные книги, но и сделать службу более понятной и доступной для человека своего времени.

Эпоха средневековья заканчивалась – наступало новое время. Увы, во всех европейских странах оно характеризовалось ослаблением веры и усилением того, что потом будет принято называть светским взглядом на мир. Было понятно, что и Россия в скором времени этого избежать не сможет.

Для человека нового времени в миссионерских целях что-то нужно было и упрощать – слишком сложным и обременительным становилось для него «древнее благочестие». Для императора Петра I не вполне очевидной была даже необходимость православного монашества, что уж говорить о многом другом. Предвидя наступление таких времен, Патриарх Никон постарался, чтобы православное богослужение оставалось вполне доступным даже и для людей с таким «легким» взглядом на духовные ценности.

Однако, увы, кое в чем Патриарх Никон оказался похож на Петра I. Будучи, как и император Петр I, крайне жестким и властным человеком, он проводил свои реформы с той же суровой настойчивостью. При этом, как и император-преобразователь, он не ограничивался только реформами в главном, но стремился к переменам даже и во второстепенном – церковно-бытовом образе жизни Русской Церкви. Именно он вводит в обязательный русский церковный обиход облюбленные им греческие клобуки, жезлы, амвоны, меняя, таким образом, русские православные обычаи на греческие, несмотря на то, что многие из духовенства и народа были против этого.

А старообрядцы, первоначально недовольные именно «греческим уклоном» Патриарха Никона, причем даже те из них, кто раньше и сам был сторонником исправления книг, устно и письменно стали проповедовать, что исправленные при Патриархе Никоне книги «еретически и растленны». При этом, злословя и уничижая всех пастырей церковных и всю Церковь, стали утверждать, будто бы Православная Церковь больше не истинная Церковь, архиереи теперь не православные архиереи, Святые Таинства уже вовсе и не таинства и т. д. Таким образом, они начинали вести себя как подлинные раскольники, стремясь порвать с Православной Церковью

всякую связь. Очень долго (а в некоторых «согласиях» и до сих пор) старообрядцу запрещалось всякое общение с православным, от религиозного в молитве до обычного в пище и питье и от хождения в православный храм, до принятия им «никонианина» в свой дом.

Итак, как пишет Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, создавшееся в Русской Православной Церкви положение стало предметом озабоченности Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложивших клятвы на всех, не приемлющих изменения, произведенные Патриархом Никоном и его преемниками.

Причем, из-за вмешательства светских властей (кстати, по причине конфликта с царем Алексеем Михайловичем, и сам Патриарх Никон был низложен на Соборе 1666 года), клятвы были сформулированы таким образом, что получалось, будто они налагаются не за учение расколу против Православной Церкви, а именно за старые обряды и использование дореформенных книг.

Светские власти вообще сыграли роковую роль в углублении раскола. Указ регентши при начале правления Петра I – его сестры царевны Софьи от 1685 года о смертной казни всех упорных раскольников загнал старообрядцев в самые глухие уголки государства – в дремучие леса, непролазную тайгу, болото и степь, где они поселились с чувством раздражения к Православной Церкви и ее представителям.

В начале царствования Петра I старообрядцам была дана некоторая свобода. При Петре I все старообрядцы должны были «записаться раскольниками». Это давало защиту от преследований, но предполагало особое налогообложение и поражение в правах. Только императрица Екатерина II отменила для старообрядцев особые знаки на одежде и знаменитый «налог на бороду».

В конце царствования Петра употреблены были снова прежние «приемы» обращения старообрядцев в Церковь, приемы бесхитростные: казни, заточения в тюрьмах, ссылка на каторгу, сожжение в срубах... «Смерть еретиков, - убеждал Стефан Яворский, - а к ним он относил и старообрядцев, - единственное врачевание и истинное благодеяние для них, так как отнимает у них дальнейшими делами заслужить еще большее осуждение». А Святейший Синод от 28 февраля 1722 года издал такое постановление: «Которые, хотя Церкви и повинуются и вся церковные таинства приемлют, а крест на себе изображают двумя персты, а не трех перстным сложением, тех... писать в раскол, не взирая ни на что».

Однако, как подчеркивает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, постановления и клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 г.г., где в старых обрядах дониконовских времен усматривается чуть ли не еретический смысл, вызывали определенное смущение у православных русских людей. Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, стремившиеся к уврачеванию раскола, понимали, что клятвенные определения Соборов 1656 и 1667 г.г. существенно препятствуют взаимопониманию и доверию, столь важных и необходимых в двустороннем диалоге. В результате длительной и кропотливой работы Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917 – 1918 г.г. наметил ряд важнейших начинаний, направленных на обретение чаемого единства Российской Церкви, но известные исторические события и наступившее затем скорбное время гонений на христианство в России не позволили воплотить в жизнь эти благие намерения.

Только в 1971 году Собор Русской Православной Церкви своим Деянием от 2 июня подтвердил православие богослужебных книг, бывших в употреблении до Патриарха Никона, засвидетельствовал спасительность старых русских обрядов, отверг порицательные о них выражения и отменил клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 г.г., «яко не бывшие», как на сами обряды, так и на придерживающихся их православных христиан.

Итак, клятвы сняты. Но, нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (тогда, митрополит Смоленский и Калининградский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата) в своем докладе на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2004 года задается вопросом: что же еще нам предстоит сделать, чтобы достигнуть подлинного примирения со старообрядцами или, во всяком случае, полностью пройти свою часть пути?

Как подметил один старообрядческий деятель, возникает парадоксальная ситуация. Соборы принимают определение считать клятвы на старообрядцев и порицательные выражения о старых русских церковных обрядах «яко не бывшими», а на местах уровень информированности об этом настолько низок, что «яко не бывшими» становятся сами эти определения.

Нам говорят, например, если оба обряда, и в особенности оба способа совершения крестного знамения, давно уже признаны вами равночестными, почему же в учебниках закона Божия, которых в последнее время издано множество, мы не находим указания на возможность двух способов перстосложения – хотя бы мелким шрифтом в примечании? Почему вами не издается богослужебная литература, печатавшаяся при первых пяти русских патриархах, сборники крюкового пения? Почему в ваших духовных школах можно получить лишь крайне скудные сведения об особенностях богослужения по старому обряду? Почему в беседах с вашим духовенством нередкость услышать предвзятое или некомпетентное мнение о причинах нашего разделения, почерпнутое без всякого критического подхода из полемической литературы столетней давности, а подчас приходится встречаться и с хулой на старые обряды? Почему по-прежнему переиздаются и предлагаются в приходских лавках книги и брошюры, в которых нетрудно встретить не только необъективный, но подчас и попросту оскорбительный взгляд на старообрядчество?

Как считает Святейший Патриарх Кирилл, прежде всего, нам необходимо на деле следовать принятым в XX веке соборным решениям.

Предпосылки к возникновению единоверия

Хотя официальной датой утверждения единоверия и считается 1800 год, тем не менее, среди некоторой части старообрядцев стремление к сближению с Русской Православной Церковью встречалось и ранее. При этом следует отметить, что препятствием к такому сближению была как официальная политика государственной власти по отношению к старообрядчеству, так и крайне негативный взгляд подавляющего большинства самих старообрядцев на возможности какого-либо диалога с Церковью. Испытывая жестокие гонения со стороны власти, старообрядцы автоматически считали такое отношение к ним реализацией взглядов именно Русской Православной Церкви на старообрядчество. При этом ими абсолютно не учитывался тот факт, что с начала XVIII века, после фактически принудительной ликвидации императорской властью Патриаршества и учреждения административно зависимого от нее Святейшего Синода, Русская Православная Церковь сама оказалась в очень большой зависимости от государственной власти.

Между тем, хотя отношение в Русской Православной Церкви XVIII века к старообрядчеству и было во многом прежним, кое-что все таки стало чуть-чуть меняться.

Например, многие лица, обладавшие высоким духовным авторитетом, такие как основатель и первый настоятель Саровской пустыни иеросхимонах Иоанн, признавали спасительную силу дореформенных обрядов и книг, а вне столиц в храмах все же сохранялся столь любимый старообрядцами знаменный распев. Более того, со второй половины XVIII века в Русской Православной Церкви, как со стороны миссионеров, так даже и от некоторых высших церковных иерархов стали звучать обращенные к старообрядцам слова, в которых было меньше угроз и больше искренней пастырской любви и подлинного духовного попечения о заблудших овцах Христова стада, оторванных от Церкви. И еще: кроме очень жесткой и непримиримой литературы о старообрядчестве, издававшейся ранее, в этот период в Церкви появляются издания и более лояльного характера по отношению к старым обрядам и книгам.

Все это происходило на фоне сильного смягчения государственной политики по отношению к старообрядцам, что было весьма характерно для царствования императрицы Екатерины II, которая, прежде всего из чисто практических соображений, сильно улучшила правовое положение старообрядцев в Российской империи. Подобные изменения в государственной политике, совпавшие по времени со смягчением взглядов на старые обряды в

самой Церкви, открывали возможность для начала первого после раскола XVII века диалога на равных между Церковью и желавшими того старообрядцами.

Первой массовой попыткой сохранить возможность креститься двумя перстами и службу по дореформенным обрядам и книгам, не отделяясь при этом от Церкви, многие исследователи считают так называемое «дело Терских казаков», пришедшееся на царствования императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, когда еще не произошло тех кардинальных изменений в государственной политике по отношению к старообрядцам, которые характерны для екатерининского царствования.

В Терских казачьих городках этого времени, как и ранее, на места приходских священников обычно назначали кого-то из числа образованных казаков тех же городков, имевших склонность к священническому служению. Эти священники не препятствовали своим прихожанам креститься двуперстно, и сами они при совершении богослужений придерживались некоторых дореформенных обрядовых особенностей. На стремление Кизлярского благочинного (его тогда называли закащиком) вывести это у казаков, сами они ответили просьбой к тогдашнему Астраханскому епископу Иллариону. Казаки просили его ничего не менять в их богослужебных и обрядовых традициях.

В ответ на эту просьбу, епископ Илларион в своем указе, который он послал казакам, стал убеждать их креститься троеперстно, ссылаясь при этом на древность и всеобщую распространенность такого перстосложения. Далее владыка приводил указ Императрицы Анны Иоанновны, запрещающий делать послабления тем, кто не подчинялся требованиям, касающимся правил совершения на себе крестного знамения. В заключение, в случае непослушания он угрожал донести на казаков в Синод, а всех их священников, за нерадивость, сослать на каторгу.

В том же (1738) году епископ Илларион действительно отправил в Синод донесение. Через некоторое время Синод одобрил позицию епископа и предписал ему «увещевать казаков отстать от двуперстного сложения». Но все эти увещания казаки встретили недоверчиво и даже враждебно.

Ввиду этого, епархиальное начальство, после долгих и безуспешных попыток увещания (с 1739 по 1744 г.г.), постановило объявить указ, о том, что если казаки и далее будут проявлять упорство, то их ждет уже и наказание по линии государственной власти. Казаки, со своей стороны, официально заявили, что они во всем готовы следовать за Церковью и ни в чем ей не собирались и не собираются противоречить, но при этом своего двуперстия они изменить не могут, так как чинили им присягу своим законным Государям (т. е. российским императорам и императрицам). Более того, казаки грозили отказом от государственной службы, если им не позволят креститься двуперстно.

Опасаясь возмущения казаков, Астраханский епископ, в конце концов, предписал священникам казачьих городков не принуждать казаков к троеперстному сложению при крестном знамении, «понеже у них, кроме креста, иного расколу никакого нет».

После послаблений старообрядцам от императрицы Екатерины II стремление к диалогу с Церковью среди некоторых из них становится гораздо более осмысленным и устойчивым.

Зарождение первых единоверческих приходов и официальное учреждение единоверия

В силу того, что в XVII веке против реформ Патриарха Никона открыто выступили почти исключительно только некоторые священники, диаконы, монашествующие и миряне, старообрядчество практически сразу было лишено епископата. После разделения на поповцев и беспоповцев, беспоповцы и вовсе отказались от священства, а поповцы, в силу того, что у них оказалось некому рукополагать во диаконский и священнический сан, решили (разные согласия на разных основаниях и с разными обрядовыми особенностями), принимать для священнодействия беглых священнослужителей, рукоположенных в Православной Церкви.

Причем нередко и тех, кто подвергся в Русской Православной Церкви наказаниям за духовные и даже светские преступления.

Однако мысль, что старообрядчество это не истинная Церковь Христова, поскольку в ней нет всех (а значит и вообще никаких) установленных в Церкви степеней священства, так или иначе с самого начала тяготила христианскую совесть отделившихся от истинной Христовой Церкви сторонников церковной старины. Причем тем из старообрядцев, кто действительно стремился к подлинной Православной Вере, поповщина всегда казалась чем-то весьма сомнительным. «Как можно признавать истинность благодати священства и не признавать при этом истинность той же благодати у архиереев, этих священников рукополагавших?» - вопрошали они.

Грамотные из старообрядцев, люди, всю жизнь сидевшие над свято-чтимыми книгами, рано или поздно дочитывались, что без епископа Церковь не Церковь, а самочинное сборище. Они приходили в смятение от многих слов Священного Писания и относительно себя говорили: «у нас нет епископа, стало быть, нет спасения». Даже у поповцев не было таинств рукоположения и миропомазания (что уж говорить о беспоповщине), а жизнь их «священников», перешедших к ним по корыстолюбию, праздности или из-за желания избежать заслуженного наказания за гражданское преступление вообще могла оттолкнуть любого. К тому же иногда оказывалось, что на самом деле «священник», совершавший у них «таинства» - разыскиваемый своим барином грамотный крепостной или армейским начальством грамотный солдат.

Одним из таких старообрядцев, хорошо себе представлявших все недостатки как поповщины, так и тем более беспоповщины, человеком, стремившимся к обретению истинного христианского спасения и стяжания Царствия Божия был некто по имени Никодим.

Никодим родился в 1745 году в г. Калуге. Родители его были старообрядцами. В молодости Никодим жил в Москве, потом ради имени Христова странствовал по разным местам. Не находя желаемого им душевного мира в обществе грубых ревнителей раскола, он, наконец, водворился на пустынной земле посада Злынки, у речки Каменки, куда мало-помалу собрались к нему такие же ищущие подлинной духовной жизни, как и он. Снисходительный ко всем и нестяжательный, чуждый роскоши и пресыщения, Никодим был глубоко начитан в старопечатных книгах.

В 1781 году Никодиму пришлось быть в имении у тогдашнего наместника Малороссии (куда входили тогда и те земли, на которых жил теперь Никодим) графа Румянцева. Во время беседы с графом, который давно уже слышал об этом человеке много хорошего, о старообрядчестве, его проблемах и отношении в нем к Православной Церкви, Румянец коснулся вопроса потребности старообрядцев в епископстве и подал мысль искать для себя архиерея официальным путем: просить императрицу Екатерину II и Святейший Синод об определении к ним особого епископа и, таким образом, воссоединиться с Православием, обещая при этом и свое личное ходатайство перед государыней и Синодом.

Никодим воспринял эту идею со всей душой, и стал горячо убеждать в ней других старообрядцев. Вместе с тем, Никодим решил еще и заручиться поддержкой всеильного фаворита императрицы, бывшего тогда наместником недавно отвоеванной у Османской империи Новороссии графа Алексея Потемкина. Потемкину Никодим обещал содействовать переселению старообрядцев в Новороссию, если он поддержит ходатайство графа Румянцева перед императрицей и Синодом. Нуждавшийся в скорейшем заселении нового края трудолюбивыми работниками, способными освоить его быстрыми темпами, Потемкин выразил готовность поддержать такой проект. Так идея единоверия начала воплощаться в реальность.

Увы, решить проблему воссоединения старообрядцев, значительная часть которых уже склонялась к этому, с Русской Православной Церковью тогда не вполне удалось. Помешала этому, в том числе, и смерть Никодима в 1784 году. И хотя, после многих препятствий со стороны как светских сановников, так и не совсем готовых к этому некоторых архиереев в 1785 году все-таки был подписан императорский указ, позволявший старообрядцам, желающим воссоединиться с Русской Православной Церковью, иметь священников, которые бы служили

по старинным, дониконовским, обрядам, указ был издан с условием. Все старообрядцы должны были (как бы добровольно) переселиться в Таврическую область по левую сторону Днепра.

Поскольку очень немногие оказались готовы к такому переселению, то и Потемкин не стал торопиться с выполнением своих прежних обещаний. Правда, именно тогда впервые в истории Русской Православной Церкви после раскола XVII века возникли два монастыря с дореформенным уставом – Корсунский единоверческий монастырь и Успенский Троицкий монастырь (на месте, где в свое время поселился со своими соратниками Никодим). Первым настоятелем Корсунского единоверческого монастыря стал Иоасаф – ближайший соратник Никодима, за которым Святейший Синод признал сан архимандрита, полученный им ранее в одной из Восточных Православных Церквей.

Таким образом, указ 1785 года стал важным основанием, которое позволяло и многим другим старообрядческим общинам, если у них возникало желание воссоединиться с Православной Церковью, подавать прошение о сохранении для них старого обряда. Правда, до 1800 года каждый такой случай считался индивидуальным, и на него требовалось особое разрешение монарха и Синода.

Наконец, в 1800 году, указом императора Павла I были утверждены единые общие правила, по которым отныне все старообрядческие общины должны были воссоединяться с Православной Церковью. Их стали называть правилами единоверия, а день 27 октября 1800 года, когда соответствующее решение Святейшего Синода вступило в силу, принято считать днем воссоединения единоверческих приходов с Русской Православной Церковью.

Всего пунктов, предложенных старообрядцами как условия, необходимые для их объединения с Русской Православной Церковью, было шестнадцать. К ним присоединили еще и мнения члена Святейшего Синода митрополита Московского Платона, добавленные к ряду пунктов и утвержденные, таким образом, вместе с пунктами старообрядцев. Поэтому правила единоверия иногда называют также и правилами (или пунктами) митрополита Платона.

Первым пунктом определялось, что члены единоверческих приходов Русской Православной Церкви более не подлежат действию клятв Московских Соборов 1656 и 1667 г.г., а также определялся чин их присоединения к Церкви через произнесение особой разрешительной молитвы над каждым из присоединяющихся лично.

Вторым, третьим и четвертым пунктами определялось, что священники и диаконы, избранные по воле епископа и желанию прихожан, будут рукополагаться епископом и сами совершать богослужения по дореформенным богослужебным книгам, и по этим же книгам будет совершаться освящение старообрядческих (единоверческих) церквей и антиминсов.

Пятый пункт, поправленный мнением митрополита Платона, ограничивал возможность перехода из новообрядного прихода в единоверческий для тех старообрядцев, которые ранее присоединились к Русской Православной Церкви без сохранения старых обрядов. В том же смысле и одиннадцатый пункт крайне жестко ограничивал для всех остальных православных, не принадлежащих к единоверческому приходу, возможность причащения Святых Христовых Таинств от единоверческого священника только в особо исключительном, крайнем случае, при угрозе для жизни и невозможности по объективным обстоятельствам причаститься от священника обычного прихода. О возможности же принятия обычным православным христианином старого обряда даже не было и речи.

Далее пункты с шестого по пятнадцатый определяли порядок признания ранее совершенных священнодействий, порядок венчания смешанных новообрядно-единоверческих браков, а также определяли и разъясняли особый характер подчинения единоверческих священников епископу в некоторых духовных вопросах и т. д.

В последнем, шестнадцатом, пункте содержался призыв никогда более не осуждать друг друга из-за разности обрядов и относиться друг к другу как к членам Единой Православной Церкви и братьям по вере.

Необходимо отметить, что все эти пункты почти не претерпели никаких изменений до окончания Синодального Периода в истории Русской Церкви и восстановления Патриаршества.

Единоверие после 1917 года

Увы, большого распространения среди старообрядцев единоверие не получило. Прежде всего, потому, что государственная власть смотрела на него как на способ заставить старообрядцев прийти к Церкви, а затем навязать им, уже в церковной ограде, новый обряд, при этом, совершенно упразднив единоверие, когда его практическая цель: приведение в церковную ограду подавляющего большинства старообрядцев, будет достигнута. К сожалению, о признании двух обрядов равноспасительными и равноблагодатными, а также о возможности свободного выбора старого или нового обряда для любого православного христианина речь тогда не шла.

Все это стало возможным только в двадцатом веке, после решений Соборов 1917 – 1918 г.г., 1971 г. и 1988 г. Кстати, именно после решений Собора 1917 – 1918 г.г. в Русской Православной Церкви наконец-то появились единоверческие епископы.

Но, к несчастью, и все эти решения реализовать в полной мере опять не удалось – начались невиданные прежде в истории нашей Церкви гонения на верующих. Единоверческие епископы, как и множество других архиереев Русской Православной Церкви, погибли в эти страшные годы. Среди них и первый единоверческий епископ Симеон (Шлеев) – автор фундаментального труда по истории единоверия «Единоверие в своем внутреннем развитии», епископ Охтенский, канонизированный Русской Православной Церковью на Поместном Соборе в августе 2000 г. Как и все другие, единоверческие приходы упорно и целенаправленно закрывались.

Если в 1917 году в Русской Православной Церкви насчитывалось около 600 таких приходов, то к концу 80-х годов XX века в нашей Церкви оставался всего один (!), последний единоверческий приход – храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Малое Мурашкино Горьковской (ныне Нижегородской) области, правда был еще и храм святителя Николая Чудотворца на Рогожском кладбище в Москве, но там единоверцам принадлежал только лишь один предел.

Но, слава Богу, Господь не оставил нашу Церковь. В стране началось духовное возрождение.

Коснулось оно и единоверия. В 1989 году московской единоверческой общине был передан храм Архангела Михаила. Этот храм в Михайловской слободе на сегодняшний день является признанным духовным центром единоверия.

Однако, та настороженность, с которой до сих пор многие в нашей Церкви относятся к людям, предпочитающим двуперстие троеперстию и старые обряды новым, а также связанное с этим недоверие «внешних» старообрядцев к Русской Православной Церкви помешало тому, чтобы единоверие в новой России развивалось также активно, как и все остальные приходы Московского Патриархата. К 2004 году в Русской Православной Церкви действовало всего 12 единоверческих приходов. Это в три раза меньше, чем, например, было обычных православных приходов в Нижегородской епархии в советское время.

Начало XXI века вполне можно назвать особенным в истории единоверия. В соответствии с решениями Архиерейского Собора в 2004 году была создана Комиссия по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством при Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата, основной целью которой является содействие в активизации деятельности уже действующих единоверческих приходов и помощь в открытии новых.

Хочется верить, что теперь наконец-то настало время, когда мы, с помощью Божией, в полной мере сможем реализовать все те решения, которые были приняты в XX веке и что очень скоро мы сможем увидеть и услышать, как прозвучат слова, что окончательно сломают разделение между нами и старообрядцами: «Христос посреди нас!» «И есть, и будет!»

Священноначалие Московского Патриархата о единоверии

Раскол XVII века - тема до сих пор болезненная. Поэтому даже авторитетные священнослужители Русской Православной Церкви высказывают разные точки зрения по этому вопросу.

Так называемое единоверие...

На вопросы отвечает протоиерей Дмитрий Смирнов.

- В Замоскворечье, на улице Новокузнецкой, 38 находится кафедральный собор Древлеправославной церкви. Чем она отличается от старообрядческой? Было ли подписание нашим почившим Патриархом Алексием какого-то документа о соединении Старообрядческой церкви с Православной Церковью?

- Такого документа нет. Есть документ, который разрешает православным использовать обряд, который был до XVII века по старопечатным книгам. Эти два обряда, современный и более архаичный признаны равночестными. А соединение возможно, только если наши родные старообрядцы вернутся в лоно православия через таинство миропомзания.

Это всегда возможно. И не только для старообрядцев. Это возможно и для протестантов, и для всех других христианских конфессий. Но такого соединения пока не намечается. И по поводу этого даже диалог не идет. Существует у нас в лоне Православия так называемое единоверие. Это было целое большое движение по соединению с православием еще до прежде всяких таких соборных решений по поводу церковных обрядов. Они служили по старым книгам. Но духовенство в них поставлялось законно от православной иерархии.

То есть они внешне и по своему уставу жизни и по одежде ничем не отличались от старообрядцев.

- Еще о храме на Новокузнецкой. Там Александр именуется себя древлеправославным патриархом Московским и всея Руси. Я не думаю, чтобы он при каких-либо обстоятельствах пошел на воссоединение.

- Я тоже не думаю.

- А вот покойный Алипий именовал себя "митрополит старообрядческий и всея Руси". Т.е. У нас было три таких течения, я уже о единоверцах и не говорю, которые вошли в наше лоно. Вот что вы скажете по поводу древлеправославных?

- То самое же мы наблюдаем и у наших - они обижаются на это слово, но я не нахожу ничего плохого — сектантов. Одни называют себя христианами евангельской веры. А другие — христианами веры евангельской. Хотя что в лоб, что по лбу. Это просто чтобы себя отделить. На самом деле древлеправославные - это тоже старообрядческая конфессия, которая употребляет старые печатные книги, чтобы отделить себя от других согласий.

Разные ветви нашего русского старообрядчества по-разному назывались: Поморского согласия, Федосеевского соглашения, Рогожского согласия, Новозыбковские, Белокриницкие и так далее.

А уж именовать себя «патриархами» - это на здоровье. Если мы с вами, вы и я наберем еще 10 женщин, зарегистрируем общину в том же Замоскворечье и назовем ее «Очень древлеправославная церковь», вы будете патриарх, будет при вас дьякон или шофер, а женщины будут нашим народом. И будем служить, как заблагорассудится, хоть по китайским книгам. А называться «очень, очень, очень древлеправославные».

Можно как угодно себя величать. Если бы мы жили до 17-го года, конечно, таких чудачеств государственная власть не позволила бы. А сейчас у нас время плюрализма.

У нас есть даже священники, очень известные в определенном кругу, которые вообще никакой конфессии не принадлежат - или таким церквям, которые именуют себя свободными. «Русская Свободная православная Церковь». Только не говорят, от чего свободная. От морали, от церковных правил, от подчинения закону и от всяких норм человеческого поведения. Да, есть такая церковь. Ну, так что? Это просто одно из направлений.

До революции старообрядчество было развито. Там было много образованных людей. Сейчас, к сожалению, их становится меньше и меньше.

Вообще, когда-то это было очень модное течение, туда входили миллионы. Но старообрядцев советская власть так же и прижимала, и преследовала, как и православных, и всех остальных. Но, к сожалению, такой удар, который нанесла советская власть православию, старообрядчество не смогло выдержать. Может быть, они за счет какой-то экзотики пытаются себя обозначить в религиозном пространстве...

Православное обозрение "Радонеж".

Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк о единоверии

Как известно, основатель Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний Храповицкий был сторонником патриарха Никона, считал его выдающимся архиереем и историческим деятелем России, воссоединившим Малороссию и Великороссию, мечтавшим реализовать проект России как лидера православного мира, но, однако, оклеветанным. И,

одновременно, митрополит Антоний был одним из великих восстановителей единоверия, воссоединения старообрядцев с Русской Церковью. Расскажите, пожалуйста, о том, как владыке Антонию удавалось быть сторонником Никона и одновременно успешно присоединять старообрядцев к Православной Церкви, и как это может быть реализовано сейчас?

Церковь всегда имеет, можно сказать, широкие объятия. И мы, Церковь, принципиально - не «исключительное», а «включительное» общество. Другими словами, мы, естественно, принимаем любого человека, который приходит с чистым и открытым сердцем и готов учиться у опыта Церкви.

Опыт Церкви разнообразен. Мы все понимаем, что события, которые разыгрывались в связи с возникновением так называемого старого обряда, или отделения какой-то части от Русской Церкви, до сих пор достаточно не подлежали изучению и нуждаются в некотором прояснении. Много уже сделано, слава Богу, и в том числе в XIX веке при сильном влиянии митрополита Филарета (Дроздова) было создано единоверческое движение. Это признание Православной Церковью каких-то обрядовых особенностей, и того, что люди от этого не погибают, если они будут придерживаться таких особенностей, ибо важнее их спасение внутри Церкви. Поэтому была дана возможность присоединения бывших старообрядцев к Православной Церкви.

Это одна из попыток, и, на мой взгляд, очень удачных, привести церковное стадо, которое сохранило очень много ценного, обратно в церковную ограду. Мы имеем на Западе один такой приход, в американском городе Ири, где практикуется единоверческая форма благочестия. Я знаю этот приход, я там служил. Это очень ценные люди, которые совершенно стали американцами, по-славянски служить они уже не могут, но придерживаются старых обрядов.

Поэтому мы должны не отгораживаться, но всегда стараться включать тех, кто приходит с доброй волей и открытым сердцем.

История православного единоверческого прихода в США

Об истории возникновения старообрядных (единоверческих) приходов в лоне Русской Православной Церкви мы рассказываем нашим читателям в рубрике «Традиции и современность». Однако сегодня единоверие существует не только в России, но и за ее пределами – даже в Соединенных Штатах Америки.

Приход церкви Рождества Христова города Ири в штате Пенсильвания был основан в 1916 году эмигрантами-старообрядцами, прибывшими в США в конце XIX – начале XX столетия. Старообрядцы эти принадлежали к поморскому согласию (беспоповцы) и ранее проживали на территории, которая ныне входит в состав Польши, а также на западных окраинах России. В то время в США прибыло около 350 старообрядческих семей.

Многие из них остановились в Ири, где была работа на местных доках. К 1916 году здесь уже проживали десятки старообрядческих семей, и руководители общины решили построить храм. Первый храм, построенный в Ири к 1919 году, был открыт на праздник Успения Пресвятой Богородицы. Первым наставником Ирийской общины стал Никон Панцирев.

В ранние годы существования прихода старообрядческие традиции оставались совершенно неизменными, и члены общины сохраняли тот же образ жизни, который они вели в России. Однако к середине XX века – периоду Второй мировой войны, началась постепенная американизация прихода. Мужчины начали брить бороды, женщины коротко стричь волосы, многие дети стали говорить исключительно на английском языке.

Таким образом, ко времени, когда звание наставника принял на себя Владимир Смоляков, в приходе произошли значительные перемены. И хотя церковь была наполнена народом во время воскресных служб, а уровень религиозного образования в общине все же сохранялся на достаточно высоком уровне, прихожане все большее внимание уделяли не столько церковному

богослужению, сколько внешней, общинно-социальной жизни прихода. Владимир Смоляков был наставником до 1972 года, и в последние годы ему пришлось вести напряженную борьбу, чтобы мутные воды американизации не затопили общину.

После него наставником общины в 1976 году стал будущий первый священник Христорождественской церкви отец Пимен Саймон.

Он родился 2 сентября 1947 года в Ири. Его предки были среди тех переселенцев, которые приехали в Соединенные Штаты в 1916 году.

Как и большинство его двоюродных братьев, будущий отец Пимен следовал благочестивому примеру дедушки Василия Саймона (Соловьева) и принимал активное участие в богослужениях общины с раннего детства. Он начал петь на клиросе в возрасте восьми лет, а в пятнадцатилетнем возрасте после смерти дедушки будущему отцу Пимену доверили чтение Апостола – именно это было богослужебной обязанностью его дедушки на протяжении многих лет.

В юношеские годы летом Пимен посещал ежедневные занятия, которые проводил наставник прихода для подготовки будущих наставников и для повышения уровня богословской и литургической грамотности молодых людей в общине.

После окончания общеобразовательной школы в Ири отец Пимен поступил в Колгейтский университет, который с отличием закончил в 1969 году по специальности «Русский язык», в том же году женился. А в 1972 году закончил юридический факультет университета в Питсбурге. Получив юридическое образование, будущий отец Пимен и его жена Мария вернулись в Ири, где он, работая по специальности, активно участвовал в духовной жизни прихода.

В 1976 году отец Пимен принял просьбу общины о том, чтобы стать наставником прихода. В ноябре того же года он оставил юридическую практику и был благословлен на принятие наставничества.

Отцу Пимену пришлось начать служение в приходе, где большинство членов общины были англоговорящими и не имели ясного представления о своей вере, так как слышали о ней только на церковнославянском языке.

После долгих прений и рассуждений отец Пимен решил, что в будущем необходимо ввести в богослужения английский язык. С Недели о блудном сыне 1980 года, по крайней мере, частично, богослужение стало проводиться на английском языке.

Гораздо более сложное решение пришлось принимать два года спустя. Внимательно изучив историю раскола Русской Православной Церкви в XVII веке, отец Пимен пришел к заключению о необходимости сделать все возможное, чтобы воссоединиться с полнотой Церкви. Из членов общины была выбрана комиссия по изучению этого вопроса, результатом работы которой стало голосование всех членов общины. Около 80 процентов прихожан высказались за присоединение к Русской Православной Церкви Заграницей, Собор которой еще в 1974 году издал Указ о совершенной равночестности чинов и обрядов, бывших в употреблении до патриарха Никона.

24 июля 1983 года на праздник святой равноапостольной великой княгини Ольги отец Пимен был рукоположен во священника архиепископом Лавром, а церковь Рождества Христова была освящена после 64 лет с начала проведения в ней богослужений.

В течение Успенского поста 1983 года отец Пимен совершил таинство Миропомазания над 500 прихожанами Ирийского храма. Все они впервые в жизни причастились Святых Христовых Таин в день праздника Успения Пресвятой Богородицы.

В 1984 году в приходе появился второй священник. Им стал иконописец с мировой известностью – отец Феодор Юревич. Отец Феодор продолжил благоустройство храма, написав много икон, которые дополнили ощущение полноты литургической жизни прихода.

В конце 1985 года приход одобрил прошение отца Пимена о проведении в Ири Восьмой Ежегодной Православной конференции, на которую должны были прибыть епископы, священники и сотни мирян. Конференция планировалась на 27 июля – 7 августа 1986 года.

Но 22 июля 1986 года произошло непредвиденное. При завершении последних подготовительных работ, один из работников увидел над храмом дым, выходящий из вентиляционного отверстия. Ко времени вызова пожарной команды весь чердак полыхал огнем. Вскоре огонь прорвался сквозь крышу, и во многих местах провалилась кровля. Паника дила на 150 свечей, приобретенное в Греции, рухнуло на пол. После нескольких часов борьбы с огнем прихожане были поражены, обнаружив царские и диаконские двери, иконостас, иконы, алтарь, облачения и священные сосуды чудесным образом совершенно неповрежденными. Двухчасовое отчаяние сменилось надеждой и молитвой благодарения. Через час после пожара в Общинном центре провели собрание, на котором было решено проводить конференцию по прежде утвержденному плану. В качестве временной церкви предполагалось использовать Общинный центр.

На следующий день отцы Пимен и Феодор, архитектор Росс Ректенфельд и Мартин Саймон, бывший заместитель председателя приходского совета и член вновь избранной строительной комиссии, на месте определяли размеры будущего храма.

К воскресенью 27 июля 1986 года в Общинном центре был устроен иконостас и помещение было полностью приспособлено для проведения богослужений. Собравшиеся на воскресную службу прихожане храма и гости конференции возблагодарили Бога за Его милостивую помощь.

28 сентября 1986 года на строительной площадке был совершен молебен на основание новой церкви, а уже к лету следующего года храм был построен. Первое полное богослужение было совершено на праздник Успения Пресвятой Богородицы, ровно через 68 лет после начала богослужений в первой церкви Рождества Христова.

Замечательным событием в жизни Ирийской общины стало посвящение отца Димитрия Александрова в епископа Русской Православной Церкви Заграницей для служения исключительно по старому чину. Отец Димитрий принял иноческий постриг с именем Даниил, а затем был посвящен во епископа Ирийского и Старообрядческого на праздник Всемилоостивого Спаса 14 августа 1988 года. Его посвящение было историческим событием, как в истории Русской Православной Церкви, так и в истории прихода.

Мягкое и доброе отношение к пасомым Владыки Даниила, увы, ныне покойного, сделало его любимым архипастырем для Ирийской общины.

После посвящения епископа Даниила, церковь Рождества Христова стала его кафедральным храмом, и отец Пимен в том же 1988 году был возведен в сан протоиерея.

В настоящее время, кроме двух священников, на приходе служат четыре диакона: Филипп Попофф, Иерофей Попофф, Стефан Климчак и Маркел Васселл.

После многих исторических и духовных потрясений годы после восстановления священства и сооружения нового храма были спокойными и благополучными. Количество прихожан остается примерно одинаковым, но храм люди стали посещать значительно чаще. Это можно объяснить тем, что богослужения теперь совершаются и на английском языке, а главное, тем, что восстановление полного круга богослужений, в особенности Божественной Литургии, повысило сознательность среди прихожан. Это явление связано и с появлением немалого числа людей, обратившихся к старообрядной традиции во взрослом возрасте. Их вера подчас гораздо глубже веры людей, унаследовавших ее от своих предков.

В настоящее время примерно треть прихода состоит из тех, кто пришел в Православие взрослым, что положило конец русской этнической обособленности прихода, которая и без того постепенно исчезала. Однако духовенство общины сделало все возможное, чтобы потеря русской этнической обособленности не привела к потере истинного православного благочестия, характерного для русской старообрядной традиции.

Закончить наше повествование об Ирийском приходе хотелось бы словами членов общины: «За прошедшее столетие наш приход пережил драматические перемены, по-прежнему сохраняя верность старому обряду Русской Православной Церкви. Мы надеемся, что с помощью Божией и с преданностью наших прихожан это время бытия нашего прихода станет когда-то лишь предисловием к истории, которая продлится на многие поколения и века. Но все

в руках Божиих и мы благодарим Его за сохранение и покров над всеми нами в это первое столетие существования нашей общины. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе всяческих ради!»

С мая 2007 года, после воссоединения Русской Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом, старообрядный приход в городе Ири, как и вся Зарубежная Церковь, стал частью единой Поместной Русской Церкви. Таким образом, через сто лет после возникновения данного прихода, в его жизни, как и в жизни всей Русской Церкви, открывается новая эпоха – эпоха возрождения былого единства Церкви.

Хочется верить, что одной из главных вех этой новой эпохи станет окончательное преодоление последствий раскола XVII века и обретение полного единства Русской Православной Церкви на основе равного почитания двух обрядных традиций!

*Из «Летописи Единоверческого храма Архангела Михаила
Села Михайловская Слобода за 2007 год»*

Рубрика: Стоит село святое...

Ковалева Татьяна Александровна, Власова Елена Ивановна,

ОРАНСКИЕ ЧТЕНИЯ -2014

4 октября 2014 года в селе Оранки Богородского района по инициативе Общественной организации «Историко-краеведческий клуб «Народный Дом» с. Оранки» в 18-й раз прошли традиционные историко-краеведческие «Оранские чтения», которые в этом году были посвящены 380-летию основания одной из самых выдающихся святынь Нижегородской земли - Оранского Богородицкого монастыря.

Участниками мероприятия стали жители села Оранки, работники культуры и образования, краеведы, поэты и представители общественных организаций Москвы, Нижнего Новгорода, Богородска.

Как всегда, программа началась со знакомства с храмами Оранского Богородицкого монастыря, покоровшими гостей своим убранством. Гости приняли участие в Божественной литургии в честь престольного праздника обители – памяти святителя Димитрия Ростовского, в честь которого освящен один из приделов храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы

Круглый стол «Оранский Богородицкий монастырь как феномен духовно-нравственной культуры» состоялся в Оранской сельской библиотеке.

Основным событием этих чтений стала презентация сборника «Стоит село святое...», созданного силами учредителей Общественной организации «Историко-краеведческий клуб «Народный Дом» с. Оранки» в богородском издательстве «Вариант» (рук. Сергей Ерохин).

Решение об издании такой книги, в которой обобщались бы все имеющиеся материалы об истории Оранского Богородицкого монастыря как феномена духовности и православной культуры, начиная с XVII века и до наших дней, было принято на предыдущих «Оранских чтениях-2013». В этот сборник вошли статьи о научно-практической и культурно-просветительской деятельности, проводимой в селе Оранки Богородского района Нижегородской области с 1994 по 2014 годы, о значении монастырей в духовной жизни общества во все времена. Впервые были опубликованы материалы, посвященные жизни и творчеству нашего земляка-нижегородца - незаслуженно забытого религиозного писателя Алексея Воскресенского (иеромонаха Димитрия) - а также отрывок из его рукописного дневника «Год в Оранском монастыре. 10 июня 1918 – 1919», хранящегося в Центральном архиве Нижегородской области.

Особым стал раздел «Память сердца», посвященный тем подвижникам общего дела, которых уже нет с нами в земной жизни.

А в раздел «Оранский родничок» вошли стихи нижегородских, богородских и оранских поэтов, посвященные духовно-патриотической теме. Украсили сборник фотографии Оранского Богородицкого монастыря в ранний период его возрождения (1997-1999 годы), выполненные богородским поэтом и краеведом Виктором Гурьевым.

В сборник «Стоит село святое...» вошел и ряд фотографий, отражающих мероприятия, проводимые в селе Оранки за последние три года. Поэтому с большим удовольствием он был подарен их постоянным участникам, а также авторам статей, стихов и фотографий, вошедших в него.

Как отметил во вступительном слове к сборнику член союза профессиональных литераторов России Николай Пчелин, этот сборник - «ещё один шаг к познанию нашего прошлого, воспитанию подрастающего поколения на славных традициях русского народа и православной культуры».

Николай Пчелин

Второй раз посетил «Оранские чтения» известный нижегородский публицист Юрий Покровский, автор нескольких сборников с актуальным названием «Русское». В этот раз он презентовал новый сборник, который называется «Миромир». В нем он размышляет о многих важных вопросах истории и современности через призму философского взгляда на мир в широком смысле этого слова.

Постоянные гости почти всех мероприятий, проводимых в селе Оранки – поэты Михаил Садовский, Светлана Леонтьева, Николай Пчелин – снова порадовали участников «Оранских чтений» своими прекрасными выступлениями и новыми сборниками стихов.

Михаил Садовский знакомится со сборником

Все представленные авторами издания были подарены в Оранскую сельскую библиотеку.

Отдельной страницей прозвучало выступление оранского краеведа, Председателя совета ветеранов Александра Мишукова, который напомнил слушателям чтений о своем односельчанине – учителе русского языка и литературы, поэте Юрии Маврине. В свое время был выпущен сборник его стихов на средства почитателей его творчества.

Ярким событием этого мероприятия стало литературно-музыкальные выступления жителей села Оранки: Владимира Филина, Тамары Смирновой, Софьи Мавриной, Людмилы Овчаренко. В их исполнении прозвучали авторские стихи и песни, растрогавшие своей искренностью и любовным отношением к своей малой Родине.

Подвел итог мероприятию нижегородский деятель культуры, выпускник певческой капеллы мальчиков им. Льва Сивухина, лауреат многих конкурсов Василий Никитин. Он впервые посетил святое село Оранки и Оранский Богородицкий монастырь и высказал много теплых слов в адрес организаторов этого мероприятия. А все участники были награждены народными песнями в его исполнении.

Традиционно «Оранские чтения-2014» закончились чаепитием в библиотеке и экскурсией в музей «Народный дом».

В качестве основного результата круглого стола было принято решение о регулярном выпуске сборников, основной темой которых должно стать духовно-нравственное и патриотическое воспитание подрастающего поколения в современных условиях.

И такой сборник будет выпущен к маю 2015 года, когда в селе Оранки в очередной раз пройдет праздник «Дни славянской письменности и культуры».

**ПРАЗДНОВАНИЕ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
(14 октября)**

Из программы «Мир – прекрасное творение» для детей 6-7 лет

Программное содержание:

Обучающие задачи: Дать сведения о том, что Пресвятая Богородица есть Покровительница, Заступница и Представительница перед Богом для всех людей.

Задачи воспитания: Воспитывать благоговейное почитание Пресвятой Богородицы.

Развивающие задачи: Познакомить с разными богородичными иконами, подробно рассказать о иконографии Богородицы. Развивать эстетическое восприятие иконы и духовное видение смыслов изображения на примере богородичных икон.

Ход занятия:

1 часть занятия: Рассказ воспитателя об истории праздника. С именем Богоматери связан один из самых любимых праздников на Руси - *Покров*.

В старинном православном предании повествовалось об удивительном событии, происшедшем давным-давно, более тысячи лет тому назад. Тогда город Царьград был окружен врагами. Жители его собрались во Влахернском храме, котором бережно хранилась святыня - головное покрывало (покров) Богородицы. Они со слезами молились Господу и Богородице, прося помощи и заступничестве от врагов.

Ночью один из молящихся - святой Андрей - увидел, как с небес спускается Богородица, снимает с головы свое покрывало и простирает его над стоящим в храме народом. Этот покров блистал сильнее солнечных лучей. Затем Она отошла, покров стал невидимым, а враг был отогнан от стен Царьграда.

С тех пор православные люди веруют, что Богородица - *Заступница за весь мир, Утешительница, Охранительница от всех скорбей*.

На берегу тихой реки Нерли в праву считается одним из самых красивых на Руси. Существовало сказание о том, что, начиная с Покрова, ходит по земле Мать Пресвятая Богородица со святыми и праведниками, заботливо проверяли, весь ли урожай прибран. В народе приговаривал: *«Батюшка Покров, Покрой избушку теплом, а хозяйку — добром!»* Празднуя дни, посвящаемые Богородице, русские люди ожидают от Нее помощи как от *Заступницы усердной*. В народных представлениях, Богородица молится за каждого.

Молитва к иконе Божьей Матери

*Приложиться хочу к чудотворной иконе,
Перед нею склониться в глубоком поклоне.
Ты над спелюю рожью в синих облачных даях,
Не оставь, Матерь Божья, в скорбях и печалях!*

2 часть занятия: Объяснить причины особого почитания Богородичных икон. Вспомнить разные праздники, связанные с земной жизнью Богородицы и почитании богородичных икон на Руси.

Доступно рассказать об иконографии Богородицы (Казанской иконе Божьей Матери, Державной, Тихвинской, Владимирской, Феодоровской). Дать детям представление о любви русского народа к Божией Матери, о Покрове Царицы Небесной над Россией.

Рассматривание разных икон Пресвятой Богородицы.

3 часть занятия: Украшение полотенца (аппликация или вышивка) для иконы Божьей Матери.

Материал к занятию:

1. Е. Дьякова. «Перед праздником», - С. 281, - С. 301.
2. Александрова Л. «Русские Кремли».
3. Стихотворение Д. Кедрина «Зодчие».
4. Изображения Фотографии храмов:
 - а) Храм Покрова на Нерли,
 - б) Храм Покрова (Василия Блаженного),
 - в) Казанский храм в Петербурге.
6. Полотенце для украшения Богородичной иконы.

МОЛИТВЕННИК ЗА ТРИ НАРОДА

Великий старец Зиновий (Мажуга), митрополит Тетрицкаройский, выходец из знаменитой своим старческим деланием Глинской пустыни, занимает в истории современного православного монашества особое место. В его лице удивительным образом сочетались святость личной жизни, любовь к людям, любовь к просвещению, умение привлечь и духовно воспитать многочисленный сонм учеников, святительское окормление паствы. В сентябре Церковь совершает память этого недавно канонизированного святого.

Старец Зиновий стал живым связующим звеном между дореволюционным старчеством и старчеством конца XX века. Келейник Владыки Зиновия, ныне протоиерей Александр Чесноков, вспоминает: «Владыка при посещении столицы и лавры считал своим долгом повидаться с отцом Кириллом (Павловым). В свою очередь архимандрит Кирилл, приезжая на Кавказ и в Закавказье, обычно бывал у владыки Зиновия в городе Тбилиси. Моменты их встреч, бесед запечатлены на многочисленных фотоснимках, хранившихся у владыки Зиновия и у отца Кирилла».

Основой подвижнической жизни старцев является всеобъемлющая любовь к Богу и ближним, служение и милосердие. Вся жизнь Владыки Зиновия, без остатка, была посвящена служению Господу и людям.

Духовный подвиг этого святого старца важен для нас еще и тем, что многие могут считать его своим современником. Ведь Владыка отошел ко Господу в 1985 году. Многие нынешние иерархи Русской и Грузинской Православной Церкви, среди которых Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, являлись его духовными чадами.

Митрополит Зиновий, в схиме Серафим, родился 14 сентября 1896 года в г. Глухове Черниговской губернии (ныне Сумская область Украины) в семье рабочего Иоакима Мажуги. Во святом крещении мальчик получил имя Захария. С самого детства ему пришлось испытать трудности и лишения. В 3 года он лишился отца, а когда Захарии было всего 11 лет, умерла его благочестивая мать Феодосия, воспитавшая в нем веру и любовь к Богу.

В юном возрасте Захария поступил в Глинскую пустынь, где окормлялся у старцев, переняв от них опыт духовного руководства. Монашеский постриг с именем Зиновий он принял в этой святой обители в начале 1920-х годов, прекрасно осознавая все трудности, с которыми мог столкнуться монах в богоборческое время. После закрытия Глинской пустыни в 1922 году молодой монах не пожелал оставить выбранного пути, помня слова Священного Писания: «Возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божиего» (Лк. 9; 62).

Он направляет свои стопы на Кавказ. Верный служитель Христа перебирается в горы, где основывает монашескую общину. В то время в горах Кавказа, как когда-то в египетской

пустыне, был сосредоточен весь цвет старчества. Тогда там подвизались не только Глинские старцы, но и старцы из Киево-Печерской, Почаевской и других обителей.

В 1936 году иеромонах Зиновий был арестован и отправлен в ссылку на Урал. Когда его и других заключенных везли в лагерь, по молитвам старца Господь послал дождь для изнемогавших от жажды, запертых в вагоне арестантов, и, имея при себе деревянную ложку, отец Зиновий всех напоил дождевой водой. Даже в заключении он не оставлял пастырского служения: крестил, исповедовал, отпевал... Господь даровал Своему подвижнику хорошую память, и он знал многие молитвословия и чинопоследования наизусть.

После освобождения из заключения иеромонах Зиновий по Промыслу Божию попал в Грузию, где ему было суждено остаться до конца дней своей земной жизни. Здесь же Владыка Зиновий удостоился епископского сана. Он стал первым архиереем в Грузинской Православной Церкви в XX веке, который изначально был духовным чадом Русской Церкви. Именно поэтому Владыка окормлял те приходы в Грузии и Армении, которые объединяли, по преимуществу, русских прихожан.

За святую и подвижническую жизнь Господь даровал старцу дар прозрения. Часто Владыка произносил свои пророчества, говоря как бы в третьем лице, а позже становилось совершенно ясно, что все было сказано именно про того человека, с которым беседовал Владыка. Вот как рассказывал об этом один из посетителей старца.

«Захожу к Владыке. Владыка усадил меня с собой обедать: он всегда первым делом усаживал за стол. Расспросил о детях, о жене, о теще – он всех-всех назвал по именам. А потом вдруг говорит: «Ты знаешь, Василий, у нас тут один монах разбился на мотоцикле: сотрясение мозга, и руку поломал. Шесть месяцев в больнице был. Продай свой мотоцикл, зачем он тебе нужен?»

Я сижу и думаю: так то ж монах, а я мирянин. А сам отвечаю: «Владыка, я же без мотоцикла как без рук: и огурцы, и помидоры, и курочку из села детям надо привезти».

Приехал домой. В селе набрал полные ящики помидор. Еду в Ростов по главной дороге, а тут передо мной вылетает со второстепенной дороги маршрутка – и в лобовую, только люльку успел подставить. Вылетел как мячик. Но не на асфальт, а как будто по воздуху меня что-то перенесло через дорогу и выкинуло на травку, а то б убился.

Сотрясение мозга, перелом. Шесть месяцев в больнице пролежал». Кстати, впоследствии этот человек принял монашеский постриг, так что и слова «один монах» оказались не случайны.

Из всех святых покойный митрополит особенно любил святителя Николая Чудотворца, и советовал во всех скорбях и нуждах обращаться к нему, а если есть возможность, то как можно чаще читать акафист святителю. Именно на этого святого старался быть похожим старец, совершая дела милосердия. Вот как вспоминает об этом архимандрит Рафаил (Карелин) в своей книге «Тайна спасения».

«Нередко Владыка оказывал людям милость тайно, о чем узнавали уже потом и случайно. Некоторые монахи рассказывали мне, что когда они стояли в храме, то Владыка Зиновий, проходя мимо них и благословляя, незаметно давал им деньги».

Во время блокады Ленинграда он, как и многие другие, горячо молился о спасении осажденного города. Тогда старец удостоился видения, о котором вспоминал так: «В это же время и мне под утро в тонком сне привиделось, как святая Нина предстоит пред Престолом Божиим на коленях и молит Господа помочь страждущим людям осажденного города одолеть супостата. При этом из Ее глаз катились крупные, величиной с виноградину, слезы. Я это растолковал так, что Божия Матерь дала послушание святой Нине быть споручницей этому осажденному городу».

Однажды святого посетила в его келье Сама Пресвятая Богородица. Старец тогда уже тяжело болел и был прикован к постели. Консилиум врачей предсказал смерть в течение двух дней. Владыка лежал на кровати, обратив взор на икону Божией Матери «Целительница», и всецело предался воле Божией. Пресвятая Владычица явилась к нему в келью и благословила его. После посещения Пресвятой Богородицы старец неожиданно для всех стал быстро

поправляться. Он прожил на земле еще целых 13 лет.

Старец Зиновий, тогда еще только архимандрит, но уже член Синода Грузинской Православной Церкви, однажды в 50-е годы был участником встречи Предстоятеля Александрийской Православной Церкви, приехавшего с визитом в Грузию. После Литургии в одном из тбилисских храмов официальные лица двух Церквей выстроились для взаимных приветствий. Внезапно старец Зиновий подошел к Александрийскому Патриарху и попросил его уступить ему свое место, причем просил он очень настойчиво. Позднее Владыка вспоминал, что действовал в этот момент не по своей воле и вполне понимал кажущуюся неуместность своего поведения. Это чрезвычайно всех удивило, но, учитывая обстановку, не стали выяснять причины, а подчинились его требованию. Прошло какое-то время. Вдруг с одного из верхних рядов иконостаса выпала икона и упала точно на голову отца Зиновия. Удар был очень сильным, даже клобук на пострадавшем был весь разорван. очевидцами этого события были все присутствовавшие в храме. Возмущение и недовольство гостей сменилось искренним уважением и признательностью. Никто из присутствовавших не сомневался в том, что стал свидетелем чуда.

За два года до своей кончины владыка Зиновий принял схиму с именем Серафим, в честь преподобного Серафима Саровского, которого он очень чтит. Заранее зная день своей кончины, он собрал у себя всех живших в Грузии монахов закрытой в то время Глинской пустыни, чтобы проститься с ними. Старец отошел ко Господу 8 марта 1985 года и был погребен в тбилисском храме святого князя Александра Невского.

25 марта 2009 года Священный Синод Украинской Православной Церкви Московского Патриархата прославил схимитрополита Серафима (Мажугу) в лике святых, причтя его к Собору преподобных отцов Глинской пустыни (память 22 сентября). Святого старца-митрополита глубоко чтит и украинская, и русская, и грузинская православная паства.

Дай Бог, чтобы по молитвам этого святого праведника три братских православных народа, имеющих ныне не самые лучшие отношения друг с другом, вновь жили в мире и согласии. Святий отче, старче Зиновие, моли Бога о нас!

*По материалам сайта «Православие.ру»
подготовил Дмитрий Угрюмов*

Рубрика: В поисках истины

*Покровский Юрий Николаевич,
старший преподаватель Волго-Вятской
академии государственной службы,
г. Нижний Новгород*

УРОВНИ ПРОГРЕССА И КРИЗИСА

1. Сквозь века к победе

Все мы являемся свидетелями разномасштабных изменений, происходящих с отдельными фрагментами окружающего мира. В лесных чащах прокладываются просеки, грунтовые дороги выглаживаются асфальтовым покрытием. Лошадь с телегой выглядит довольно архаично. Да что там лошадь с телегой! Автомобили, выпущенные лет десять-пятнадцать тому назад, кажутся нам столь устаревшими и неуклюжими, что мы искренне недоумеваем: чем же они восхищали нас в прежние годы?

На глазах людей, ныне вступивших в полосу «третьего возраста», произошла целая эволюция звуковоспроизводящих аппаратов. Ведь эти люди прекрасно помнят свои первые чёрные репродукторы, напоминающие по конфигурации то ли китайскую шляпу, то ли современную телеантенну. Растущее семейство искусственных материалов расширяет наши возможности при декоративном ремонте своих жилищ, плодит бессчётные виды одежды, предметы утвари, медикаменты. Множатся косметические средства, которые позволяют женщинам выглядеть безупречно красивыми.

Эти изменения, складывающиеся в ёмкое слово «прогресс», приветствуются всеми (за исключением единичных зануд), потому что делают привлекательной какую-то грань быта или облегчают работу. А как ярко сияют огни вечерних городов, как радужно вспыхивают, переливаются рекламные панно, облепившие фасады центральных улиц! Трудно представить себе, что каких-то сто пятьдесят лет тому назад люди обходились без электричества!

Сколько долгих недель бедняга Марко Поло плёлся по бескрайним азиатским просторам. Сейчас эти расстояния любой европеец без труда преодолеет на самолёте за несколько часов. Если сравнивать современного человека с жителем средневековья, то легко обнаружить существенные отличия. Современный человек живёт в среднем дольше и ростом выше: он ежедневно принимает душ, неплохо информирован о событиях происходящих на планете. Он раскован в поведении и практически не стыдится своих желаний. Ну, а о возможностях, которые открывают современные средства связи, и говорить много не надо, они - безграничны. Даже у инвалидов появилась масса приспособлений, облегчающих им жизнь.

Разумеется, было бы непозволительным упрощением рассуждать так, будто подобные приобретения не сопровождаются досадными издержками. Крупносерийное производство товаров, широкое распространение личного транспорта ухудшают состояние окружающей среды. Достижения учёных, изобретателей зачастую используются для усовершенствования систем вооружений. Можно перечислить целый ряд негативных последствий прогресса. Однако с этими отрицательными последствиями борются - и не без успеха. Вредные производства закрываются, «негуманные» виды оружия запрещаются, промышленные отходы подвергаются специальной очистке, а для переработки мусора, сопровождающего растущий уровень потребления, строят специальные заводы.

Устремляя взор на сферы не столь конкретные, как мир вещей, но неотъемлемые от бременной жизни, мы начинаем осторожничать в оценках прогресса. Если не идти на поводу у политиков, которые чётко знают, где реакционные режимы (противники), а где - нет (союзники), то размышления о прогрессе действительно теряют прямолинейность и чёткость. Совсем недавно ответственные партработники в своих печатных трудах и посредством СМИ убеждали обывателей, что социалистическая система - это вершина творческой мысли, воплощённой на практике. Несколько лет спустя, реформаторы и ставшие независимыми СМИ, без устали принялись уверять людей в том, что государство развитой демократии является венцом человеческой цивилизации. Политическая система, открытая для критики, новаций и трансформаций кажется универсальной, неуязвимой для внутренних и внешних опасностей. Наконец-то вскарабкались на пик исторического развития! Все прочие политические системы относятся к традиционным, или закрытым: они не гибки, не гуманны, не эффективны. Слушая все эти сопоставления, поневоле вспоминаешь тех недавних идеологов, которые красноречиво превозносили Советскую власть и умаляли царскую Россию («отсталая страна», «тюрьма народов»).

Тем не менее, возможны и другие сопоставления. За все века правления Великих Князей, предшественников Ивана III, запрет на смертную казнь был нарушен всего лишь один раз Дмитрием Донским, который расправился со своим политическим противником, тверским князем, публично казнив того на Кучковом поле (ныне Лубянка).

Трудно подсчитать, сколько убийств совершено в демократизирующейся России по политическим мотивам. В ещё более демократических США на своём посту убит или серьёзно ранен каждый пятый президент. А сколько жертв потребовала только одна трагедия в Далласе? Погибали соучастники преступления, соумышленники, их родные, знакомые и просто случайные свидетели последних секунд жизни Джона Кеннеди.

Древний Рим был не менее веротерпим, нежели теперешние демократические государства, и открыт для всевозможных новаций. Консулы и прокураторы уважительно относились к многообразию религиозных культов, как в столице, так и в провинциях. Императоры и военачальники считали для себя высокой честью быть посвящёнными в тайны элевсинских мистерий или быть допущенными к участию в древних обрядах Египта и Сирии. Да, Тиберий очистил Вечный город от иудеев, Домициан подвергал гонениям христиан. Но и в наше время ряд сект вызывает резкое неприятие властей (Белое братство в России, Аум Сенрике в Японии, Ветвь Давида в США). Римляне не считали зазорным восхищаться греческой архитектурой,

приглашать мастеров и наставников из той древней страны. И кто только не жил в великом городе! Парфяне и галлы, египтяне и сирийцы - многие из них имели римское гражданство.

Этнические предрассудки более характерны для современной эпохи, чем для тех далёких времён. Мне трудно представить русского или француза президентом Израиля. На исходе второго тысячелетия все мы оказались свидетелями трагедии, жертвами которой стали прелестная английская принцесса и симпатичный египтянин, возжелавшие создать семью. Между прочим, средневековый Мавр жил со светлокожей Дездемоной в законном браке и страдал исключительно из-за ревности, а не из-за расовых различий. Если среди известных правителей XX века нетрудно насчитать дюжину наипервейших негодяев, то весьма нелегко подыскать таких, кто сравнялся бы по благородству духа и образу мыслей с Августом, Аврелием, Юстинианом или Кантакузеном. Как уважительно относились те древние императоры к своим супругам, как прекрасно разбирались в искусствах, какую ответственность испытывали за свои поступки, как строго судили себя за ошибки и просто тайные побуждения. И современные мыслители, увы, совсем не помещаются в один ряд с теми мудрецами, что жили в античные времена.

Станный какой-то прогресс: для низа и низов, для маргиналов и калек. Прогресс вполне определённых уровней бытия, а выше них - досадное замешательство. Точнее не замешательство, а утрата высоты. Общеизвестны периоды свободы человеческого духа (эпоха Перикла, Возрождение), известны и мрачные периоды (например, пора двух мировых войн и расцвета тоталитаризма). Исходя из подобной хронологической последовательности, само понятие «историческое развитие» предстаёт как оксюморон. Историческое развитие удобнее назвать прогрессокризисом. Пожалуй, последнее предложение нуждается в развёрнутом пояснении.

Время, заполненное страстями и делами человеческими слагается в историю, и тяготеет к цикличности. Цикличны каждый день и год. Существуют вполне убедительные гипотезы о том, что цивилизации неоднократно возникали и соответственно не раз погибали в результате каких-то глобальных катаклизмов. Уже упомянутая мною нисходящая и очень извилистая дуга - Возрождение - тоталитарные режимы, вперемешку с мировыми и гражданскими войнами, тоже, видимо, часть некоего цикла. Стремясь в будущее, люди как бы не замечают, что с какой-то вполне определённой эпохи начинается их возвращение в далёкое прошлое. И это возвращение представляется им освобождением от собственноручно изготовленных пут.

Эпоха Возрождения понимается как восхождение духа человеческого на горные пики, покорённые ещё древними греками. Где-то, начиная с XII века, в италийских княжествах возникли подспудные надежды на то, что и земную жизнь можно сделать прекрасной. Наверное, люди просто подустали от напряжённого ожидания Судного дня, который так и не наступил в 1000 году. Тем самым, сроки его наступления отодвинулись в туманную неопределённость. И вот, Аппенинский полуостров – сущий черенок средиземноморского яблока, самопроизвольно потянулся к познанию радостных сторон жизни. Нельзя исключать и того, что воображение «хорошо информированных» италийцев стали будоражить слухи о сказочной роскоши, в которой утопали восточные халифы и султаны. Или забродили смутные воспоминания о том, что живут они на руинах великой империи...

Как бы там ни было, но надежды на прекрасную жизнь в миру стали пробуждаться в аристократических кругах. Заработали архитекторы и ваятели, художники и ювелиры, портные и стеклодувы. Далекое не у всех получалось то дело, которым они занимались. Мастерство требует опыта, старания, способностей. А создание произведения искусства вообще удача редкостная, как находка крупного алмаза. Но многим итальянским мастерам и эта задача оказалась под силу. Даже цепочки плели удивительной красоты, даже рукоятям кинжалов старались придать изящества. Глядя на кубки с вживлёнными в золотое кружево драгоценными камнями, трудно сдержать восхищение. В каждой подобной вещи заключена претензия заворочить глаза, пленить сердце, поразить воображение. Удивительно, но сила этой претензии не слабеет с течением лет. Старое по годам, не устаревает.

Возвысить раба Божьего до владельца прекрасного мира, сотканного, вытесанного, отчеканенного человеческими руками - в самом этом стремлении нетрудно было рассмотреть и греховную подоплёку. Её видели многие христианские подвижники. Савонарола просто мужественно возвысил голос. Во всех этих прелестных вещах, картинах, скульптурах он прозорливо усмотрел кощунственные популяризации смягчить, а то и совсем устранить тяготы бренного существования. Вокруг него быстро собралась группа единомышленников. Все они негодовали на современников за их старания окружить себя утончённой роскошью, за попытки возродить в искусстве идеалы античности. Лучше спать на камнях, ходить босым в одной рясе и питаться водой с хлебом. Савонарола со товарищи были верны своей вере. В ней они черпали силы в борьбе с теми, кто стал проявлять восторженный интерес к этому миру, «лежащему во зле».

Когда нынешние антиквары, владельцы аукционов, специализирующихся на торговле старинными предметами искусства, читают о том, сколько картин сожгли и статуй разбили сторонники флорентийского монаха, должно быть, они сильно расстраиваются. Фантастические барыши теперь можно сорвать на продаже антиквариата эпохи Возрождения. Ведь эти ценности невозполнимы.

Но, несмотря на возмущения сподвижников Савонаролы, итальянские мастера возводили новые и пышные соборы, строили великолепные палаццо, создавали восхитительные фрески и полотна. Церковные иерархи, князья, главы знатных родов были придирчивыми, но щедрыми заказчиками. Они не гнушались поднять с пола упавшую кисть и подать её задумавшемуся художнику. Он умели достойно оценить то, что помечено гениальностью.

Вкус аристократов тоже совершенствовался, утончался; росли и множились их запросы. Папская курия, княжеские дворы стали полноправными центрами светской культуры высочайшего уровня. С позиций христианской этики их можно осуждать за роскошь, расточительство и гордыню. Но жизнь тех людей действительно становилась прекраснее и возвышеннее. Почти одновременно во многих тогдашних мини-государствах расцвёл культ Прекрасной Дамы, волнующий мужское воображение. Сменился объект былых бесстрастных религиозных устремлений, посвященных св. Магдалине.

Какие блестящие королевские дворы появились в Европе: испанский, французский, австрийский. Изящество, величественность, роскошь, галантность, учтивость в общении правила там. Слабеющий отблеск той, уже безвозвратно уходящей, эпохи сумел показать в начальных фрагментах фильма «Людвиг» Лукино Висконти, воссоздавший коронацию последнего баварского короля.

Но прекрасное обрамление и возвышенное содержание жизни было под силу всего лишь для нескольких сотен или тысяч вельмож. Остальные прозябали во мгле невежества и в хладе бедности. Первое крупное недовольство, повлекшее за собой долговременные последствия, выразилось через Реформацию.

До каких пор церковь будет стяжать богатства? Почему люди должны считать какого-то смертного наместником Бога? Многие похожие вопросы вспыхивали в сознании мятежно настроенных европейцев, зажигая праведным гневом их сердца. Этот гнев, отличный от гнева Савонаролы, был направлен на развенчивание церковной атрибутики.

Снова разбивались статуи, на сей раз только святых угодников и мучеников: ослепительное убранство храмов подвергалось аскетическому очищению. Хула на викария Петра не стихала во многих странах, особенно в тех, кто не имел выхода к Средиземному морю. В этих странах жизнь была нелегка из-за более холодного климата, и люди там быстрее пришли к выводу, что никто за них не позаботится, кроме них самих. Монастыри закрывались, монахи изгонялись, нищенство преследовалось. Каждый должен сам кормить себя.

Искусства также выразили склонность к окончательному обособлению от церкви. Появились утопии - первые результаты мужественного поиска прекрасного мира для всех.

Светская жизнь, отделившись от церковной, забурлила с новой энергией. Путешественники, движимые корыстными интересами, тем не менее, постепенно знакомились с отдалёнными континентами и островами. Пытливый человеческий ум начал обнаруживать растущее количество закономерностей в окружающем мире.

Сами причины возникновения академий искусств и наук, возведение великолепных театров, грандиозных дворцов с неизменными парками и фонтанами носят возвышенный характер. Стремление приподняться над грубой (неотёсанной) природой, совладать с её буйным нравом, приспособить её в соответствии со своими запросами так, чтобы она радовала глаза и не выказывала свой грозный характер - вот основной пафос многих славных дел начала третьей трети только что завершившегося тысячелетия.

И в лёгкости нравов, воцарившихся тогда в высших слоях общества, читается не уступка примитивным инстинктам, а попытка привнести в жизнь разнообразие удовольствий, созвучная с желаниями стряхнуть с себя вериги религиозных ограничений. Тогда много рассуждали о радости бытия, об увлекательной работе мысли. Большое значение придавалось развитому вкусу, призванному ограждать людей от чрезмерностей и грубости.

Но эта жизнь, галантная, не лишённая утончённых наслаждений, увлекательных игр, интриг, балов и праздников, жизнь с острым привкусом опасностей (внезапные войны, дуэли, опалы, болезни), жизнь, идущая навстречу триумфальным победам, пестующая и взращивающая гениальных художников и поэтов, опять же являлась привилегией немногих. Та жизнь была очерчена неким незримым магическим кругом, переступить который хотели, но не решались простолюдины, преуспевшие в каком-то конкретном ремесле или торговле. Как подкопаться под этот ярко освещённый круг? Или лучше разомкнуть его? Что сделать, чтобы не топтаться всю жизнь вне его? Почему одни рождаются знатными, другие гениальными, а третьи трудятся с младых ногтей от зари до зари, во всём себе отказывают и, дожив до почтенного возраста, если и могут чем-то похвастаться, то только тугим кошельком как наградой за честную работающую жизнь?

Когда начался процесс десакрализации королевской власти в христианском мире, сказать трудно. Может, сдвинула дело с «мёртвой точки» казнь Марии Стюарт? Может, мыслители-гуманисты являются родоначальниками этого умонастроения? Впрочем, это не существенно. Единичный инцидент или размышления горстки интеллектуалов останутся не замеченными, если ни для кого не интересны подобные факты и идеи. Но интерес обозначился, рос и ширился.

Люди неродовитые, не наделённые какими-то особыми дарованиями, не лишённые, однако понятий о чести и достоинстве, предпринимали энергичные попытки, чтобы купить себе дворянский титул, дабы быть причисленными к высшему обществу. Некоторым это удавалось, но опять же немногим. Да и отношение к ним, оказавшимся в этом круге не по праву рождения, а, как сейчас говорят, сделавшим себя, было не всегда учтивым со стороны рафинированных аристократов.

Границы магического круга если и расширялись, то очень скупно. Вне же этого круга скапливалось всё больше людей, верящих и не верящих в то, что когда-то и для них откроются заветные врата, и они будут допущены к королевской милости, а соответственно - и к той прекрасной жизни, которую ведёт окружение монарха.

Для того, чтобы какой-нибудь стряпчий или лавочник смог сказать себе: «Я ничем не хуже герцога такого-то или графа такого-то», - должно было пройти довольно долгое время после впервые высказанной мысли об одинаковости людей. Но это время всё же пришло.

И снова борьба - на сей раз против абсолютизма и против тех, кто пользовался его благами. Эта борьба рождает титанов, героев. Борьба не на жизнь, а на смерть. Нервы у восставших и защищающихся натянуты, как тетива лука, мысли ускоряют свой ход. Противопоставить себя тем, кто наверху, доказать им, что и простой человек ничем не хуже - это наиболее распространённый лейтмотив размышлений у восставших. Но встречаются, хоть очень ещё редко, и носители других

дум. Они неустанно ищут доводы в пользу утверждения, что те, кто оказался там, наверху, попали туда не в соответствии с волей Промысла, а волею слепого случая. И поэтому участники жизни в магическом кругу - вполне обычные люди. И даже гораздо хуже обычных: развратные, зажавшиеся типы и шлюхи, которых необходимо уничтожить, дабы расчистить дорогу для исторического прогресса.

Итак, борьба за лучшую долю, за более значимую роль в обществе сначала для тех, у кого тугой кошелёк. А позже и для тех, кто строил в пыли и грязи великолепные дворцы и соборы. В этой борьбе много жестокостей. Чувства враждующих предельно обострены. У некоторых настолько, что им кажется, будто они остались без кожи. Результаты этой борьбы поистине потрясающие.

Маленькая провинция Голландия, отколовшись в свободолюбивом порыве от могущественной Испанской империи, чтобы выжить, отвоевала половину своей территории у моря, занялась высокопроизводительным трудом. А какие яркие личности подарила миру! Выдающиеся мыслители, художники, в том числе и любимейший мною Рембрандт. В этой стране Пётр Великий постигал тайны корабельного дела с таким же смирением, с каким римские императоры приобщались к древним мистериям Египта и Греции.

Как жизнь скучна, когда боренья нет! Борьба как образ жизни, как миропонимание. В разных странах формируются отряды борцов. Они самоотверженно сражаются за то, чтобы жизнь, прекрасная и возвышенная, не была больше уделом благородного меньшинства, а простиралась на все слои общества. Создание Соединённых Штатов Америки, освободившихся от английского господства, вдохновляло творчество Уильяма Блейка, прозябавшего в нищете и безызвестности в богатом Лондоне. Даже отдельные французские дворяне на свои средства снаряжали суда, грузили оружием и ехали помогать американцам. А лорд Джордж Байрон, бунтарь и ниспровергатель, сложил свою буйную голову за Грецию, попавшую под турецкое иго.

Пушкин вдохновенно писал про обломки самовластья, на которых благодарные потомки напишут имена тех, кто горел свободой. И молодой Достоевский входил в группировку радикалов, решительно настроенных против Николая I. Борьба тормошила дремлющую совесть, воодушевляла на геройские поступки, подвигала на создание шедевров. Искусство перестало быть служанкой великих мира сего. Неудержимо убывало число тех, кто расценивал бы своё творчество как проявление восхищения верховным властителем, героем-повелителем, воплощавшими собой мистические силы, правящие миром. Ломоносов был искренен, воспевая в одах императрицу. Лермонтов уже од не писал, императриц не воспевал. Зато его ум будоражило всё демоническое. Демоны преследовали Гойю, Гёте и Гоголя.

Немного оставалось и тех, кто воспринимал своё творчество как сильный отклик Создателю, как отклик, идущий из гущи этого несовершенного мира. Несколько веков творчество воспринималось как неустанное восхождение от будничных и тварных помыслов к горным высям и светлым небесам. Но горные пики понемногу заволакивались дымкой, светлые небеса - мрачными тучами, предрекающими грозные раскаты. Картина Милле «Анжелюс» - одно из последних страстных обращений к предустановленному Абсолюту. За то число виев, чертей, бесов и оборотней в создаваемых творениях прибывает.

Искусство обрело самоценность, становилось законодателем умонастроений в обществе. И пейзаж обрёл самостоятельность, перестал мириться с ролью заднего плана. В героях опер и литературных произведений стали ходить цирюльники и мелкие чиновники. Даже в каторжнике Вальжане проступали поистине благородные черты. Эпохальный образ!

В поэзии ещё сохранялся культ служения Музе, недостижимому идеалу, тихим светом которого полнилась душа стихотворца. Когда этот свет вызывал в душе пламень, поэт сгорал как свеча. Служение Музе - удивительно возвышенный культ, один из немногих, которые оправдывают существование человечества.

Но как бы там ни было, а тенденция развивалась. В подавляющем своём большинстве творческие личности уже находятся в сложных отношениях с Богом, уже, как правило, не благоговеют перед помазанником Божиим. Сюзерены для творческих личностей превращаются в далёкие от реальной жизни абстракции, в мнимости. Поэтому, даже ощущая на себе незримую верховную власть, представители свободных профессий (пора их уже так величать), зачастую не знают, какому богу молятся. И творения свои посвящают друзьям-лицеистам, подружкам-любовницам, родственникам и просто знакомым.

А королевские дворцы тем временем понемногу пустеют и становятся вместилищами картинных и скульптурных галерей. Это делается для того, чтобы все желающие смогли приобщиться к прекрасному и возвышенному. Пусть все смогут увидеть прославленные полотна и совершенные изваяния, погулять по великолепным паркам и садам, полюбоваться фонтанами и прудами. И само занятие благородными искусствами не должно уже быть прерогативой имущих классов. Для талантливого человека любого сословия должны открыться двери к успеху и славе. Низшие слои общества и маргиналы также стали претендовать на роль «властелинов дум».

XIX век весь соткан, испещрён большими и маленькими противоречиями. Бодлер даже в эстетизации безобразного достигает умопомрачительных высот. Его поэзии не ведомы горизонты. Это истинный пловец во времени и пространстве. И плывёт он без цели.

А общественное мнение всё настойчивее называет подлинных водителей человечества. Только герои, способные отдать свои жизни за свободу (от власти церкви, монарха или иноземных поработителей), только гении, создатели шедевров и делают эту жизнь прекрасной. Глинка всю свою душу вложил в образ Ивана Сусанина. Роден - в увековечение памяти «Граждан Кале», создав скульптурную группу героев. В давние времена эти самые уважаемые в Кале люди добровольно пошли к осадившим город англичанам, чтобы быть казнёнными и тем самым спасти своих сограждан и свой родной город.

Ажиотаж, поднявшийся вокруг гениев, не поддаётся описанию. Отважусь привести лишь одну характерную подробность. Так, Гюго вполне серьёзно полагал, что парижане должны назвать свой город его именем.

Когда творческие личности освобождаются от сакрального служения кесарям, воплощавшим собой волю Провидения, когда сюзерены ниспровергаются, то на первый план по вполне объективным обстоятельствам выступают уже иные мотивы созидания не существовавших доселе ценностей. Возникает вполне понятное желание высказать своё и только своё, нигде не заёмное, отношение к жизни и смерти, к природе и людям. Гении призваны украсить и облагородить мир. Их произведения должны пробуждать в душах обывателей прекрасные порывы. Всё, на что падает взгляд гениев, к чему прикасается их рука, преобразуется и достойно восхищения.

Там, где борьба против абсолютизма или клерикалов утрачивала свою актуальность, начинали сражаться против догматов и канонов, утвердившихся в предыдущие века и десятилетия. В пору драматичного противостояния академизму в живописи забурлил и стал фонтанировать импрессионизм, давший толчок для последующего развития идеологии самовыражения. В творчестве отчётливо зазвучал новый мотив.

Идеология самовыражения обострила проблему запоздалых признаний. Приметы и черты гениальности стали утрачивать свою очевидность для современников. Со стороны общества уже требовались значительные усилия, чтобы вовремя рассмотреть талант, который стал рассматриваться как национальное достояние. Судьба Ван Гога убедительно свидетельствует об усложнившихся взаимоотношениях гения и черни. Гений неудачлив в выборе первоначальной профессии и в любви, нищ, угрюм и страдает приступами безумия. Чернь - очень респектабельные представители образованных и высших слоёв общества, не способные по достоинству оценить масштаб дарования художника. Ван Гог - это Христос модернизма. Многие поздние комментаторы его творчества считают, что он предчувствовал надвигающиеся мировые катастрофы и

катаклизмы. Но нельзя исключать и обратное предположение. После него весь мир уже стал постпостимпрессионистским: это был мир после пришествия и добровольной гибели Винсента Ван Гога.

Сходили с ума тогда часто и охотно. Когда нимбы над головами святых окончательно потускнели, когда поблек ореол величия монаршей власти, создатели своих миров и вселенных сполна ощутили груз ответственности за свои деяния, мучения, триумфы и страдания. Такого накала борьбы между прекрасным и обыденным, возвышенным и низменным искусство ещё не знало. «Портрет Дориана Грея» как нельзя лучше просвечивает сущность той короткой эпохи смены веков. Прекрасные образы создавались в нищих каморках, холодных мансардах и сырых подвалах: лощёные красавцы и пронизательные интеллектуалы в шикарных особняках выдумывали мрачные доктрины и концепции переустройства общества, государства, человека.

Служение сюзерену изначально предполагало наличие бессмертной души. Но после печального вывода, которому пришёл Ницше («Бог умер») появилась необходимость обессмертить своё имя здесь, на этой земле, этой юдоли страданий, бредящей о нескончаемых праздниках жизни.

Своеобразным откликом на требования раскрепощающихся народных масс: «Хлеба и зрелищ!» - послужило появление детективной, приключенческой, фантастической и порнографической литературы. Обмирщание других видов искусства происходило по-разному, но, тем не менее, происходило. И тогда творческие личности повели борьбу по обособлению от псевдокультуры, которая выразилась в вырождении сюжета и занимательности в произведениях искусства. Боролись и за то, чтобы в картинах уже не было ни первых, ни последних планов, и ещё за то, чтобы все части поверхности картины обладали равной эстетической значимостью. Абстракционисты добились этого полностью, окончательно и бесповоротно.

Начался героический «бунт против подражания реальности во имя самовластья законов художества» (Милан Кундера).

Всё больше людей не желали долгие мириться с ролью маргиналов. Шла упорная борьба за эмансипацию женщин, евреев и негров. Недовольны своим социальным положением рабочие, губящие здоровье в прокопчённом дыме цехах. Недовольны целые государства своим местом под солнцем. Террористы не щадят ни себя, ни своих жертв. Недовольны все существующим порядком вещей. Если бы не раздались выстрелы в Сараево, то бабахнули бы в другом месте. Гроздь праведного гнева созрели.

Вожди недовольных, сжимая крепкие кулаки, срывали голоса на митингах, сочиняли манифесты и прокламации. Они жаждали войти в историю, пусть с чёрного хода или через канализационную трубу. Вожди - очередной приземлённый результат духовных исканий. Общество сбрасывало христианскую этику, как змея кожу. Народы обратили свои взоры к истокам своей культуры: к Перунам и Вотанам, к «Весне священной» и друидам - к тем эпохам, когда история ещё как бы и не началась. Тогда и вожди были неотёсанными мужланами, пользующимися уважением у соплеменников за силу, ловкость и храбрость. И вот тысячелетия спустя, когда ушли те, кто на протяжении долгой череды колен обладал правом править, вожди объявились снова. Новоявленные предводители отличались низкорослостью, худосочностью и невротичностью. Они стали умом, честью и совестью дна, вязкого ила. Им действительно было нечего терять.

Новые действующие лица привнесли в искусство новые темы и персонажи. Тема «дна» близка Максиму Горькому. Интересный псевдоним. Имелись схожие клички и у других литераторов: Скиталец, Бедный, Приблудный. Характерен и рассказ Кафки «Превращение», в котором персонаж, мелкий коммерсант становится мерзким насекомым. Симптоматично и творчество французского таможенника А.Руссо, и грузина без определённых занятий Пиросмани: их картины одномерны, примитивны, как наскальные рисунки. Поэтам больше не

нравятся привычные формы, аккуратные сонеты: им импонируют взъерошенные верлибры и пёстрые коллажи. И ещё - щербатые лесенки, ведущие в будущее.

Каждая генерация художников и поэтов, композиторов и ваятелей выходила на публику с очередным «измом», который объявлялся новой вехой в искусстве. Борьба уже шла за то, чтобы любой предмет (пусть даже крышка от унитаза) можно рассматривать как нечто, имеющее непреходящую эстетическую ценность. Сенсации перемежались скандалами, манифесты собирали ватаги неумытых единомышленников, быстрые расколы разобщали бывших манифестантов. Очень метко охарактеризовал Иван Бунин одного из наиболее характерных и авторитетных стихотворцев той поры, Маяковского – «неандерталец».

Перемен в сфере изящных искусств и неизящных поделок за XX век предостаточно. Национальные культуры и космополитические эстетические течения вошли в тесное соприкосновение, слепились в огромный разноцветный пластилиновый ком. Проблема самовыражения актуализировалась до нелепости. Каждая творческая личность, считающая себя таковой, спешила объявить о своей гениальности. Самовыражаясь, вдохновенно губили себя в пьянках, дебошах и содомском грехе.

Э. Ионеско, создатель одного из поздних «измов», горестно заметит на склоне лет: «Идея может быть верна, пока она не утвердилась в умах, а как только это случится, она переходит в свою крайность».

В конце XVIII века лишь отдельные группы простолюдинов пытались доказать тем, кто «наверху», что «низы» также имеют представления о благородстве и порядочности, и поэтому могут требовать от аристократов равенства прав и возможностей для проявления своих способностей. Тогда раздавались только единичные голоса (Марат, Робеспьер, Сент-Жюст) за уничтожение тех, кто «наверху»: все, мол, там погрязли в разврате, издоимстве, являются чем-то вроде мозговой опухоли, которую необходимо побыстрее удалить. Век спустя ситуация изменилась коренным образом. Вышедшие на авансцену истории маргиналы, испытывали отвращение ко всему прекрасному и возвышенному, столь ценимому ранее в аристократических кругах. Умонастроение отчаяния, опустошения, вырождения охватывало различные сословия, как эпидемическая болезнь. Место религии заняли мифы XX века. Эти мифы провоцировали жестокость и насилие. Впрочем, когда на земле зарождались мифы, жизнь также была жестокой.

Уже после Первой мировой войны мало кто верил, что искусство способно облагородить мир, привнести в него гармонию. И гении, самозванные или всеми признанные, несмотря на свою кипучую деятельность, не делали жизнь людей возвышенной, скорее - наоборот.

Говорят, что Блок умер от голода. Но мне кажется, что эта причина вторична. Он умер от понимания того, что Муза отвернулась от безумного мира. И поэту не остаётся ничего иного, как быть пламенным трибуном или окаменеть, подобно Нарциссу.

Да, создатели рукотворной нетленной красоты не спасали мир от катаклизмов: кровавых революций, путчей, гражданских войн, концентрационных лагерей, карательных экспедиций. Естественно, что после развенчания церкви и самой религии, после изгнания или истребления «последних императоров», началось и развенчание гениев. В разных странах их приземляли по-разному. В России всю культуру объявили наследием старого отжившего мира. В Германии тоже отсекли львиную долю культурного наследия как никчемную для гражданина Третьего Рейха. Оставили так называемых «народных авторов». В других странах резко возрос интерес к биографиям выдающихся людей. Вот на этом аспекте принижения гениев через их жизнеописания хочется остановиться подробнее.

Биографии подразумевают углублённый поиск потаённых событий, в той или иной степени повлиявших на мотивы и цели творчества конкретной личности. В идеале жизнеописание должно подниматься до постижения тайн рождения шедевра. Задача, изначально непосильная для биографов и поэтому их интерес в основном сосредотачивается на событиях, коими полна судьба любого обывателя или общественного деятеля. Биографии неизбежно упрощают невыразимый

словами спор духа со временем и обстоятельствами и тем самым принижают величие творческой личности. История не знает примеров, когда героем литературного произведения выступал бы гений. Достоевский создал потрясающую воображение коллизию, участниками и жертвами которой оказались члены разобщённой семьи Карамазовых. Пережили века Ромео и Джульетта или Дон Кихот. Это гениальные образы, но гениями двух влюблённых молодых людей или братьев Карамазовых назвать нельзя.

Попытки сделать героем своего произведения гения предпринимались Г.Гессе в романе «Игра в бисер», Т. Манном в романе «Доктор Фаустус», но простоватая цыганка Кармен выглядит всё же поярче. Гении избегают помещать в свои произведения гениев. Божественный свет, исходящий от них, слишком яростен, чтобы смог получить адекватное отражение на страницах. Биографы же, не смущаясь, берутся за заранее проигранный случай и тем самым вульгаризируют феномен гениальности. К тому же, за жизнеописание берутся, как правило, мастеровитые профессионалы, для которых литературный труд - основной источник их дохода. Они адресуют свои измышления широкой аудитории, которой должны быть предельно понятны «все тайны ремесла»: иначе книга не продается. Уровень же профессионализма тождественен уровню продаж.

Биографов можно обзывать милыми болтунами, информирующими любопытных читателей о некоторых подробностях частной и общественной жизни гениальных личностей. Но в ходе ознакомления с биографиями у читателя возникает впечатление, что гении - это обычные люди с такими же хворями и привязанностями, но очень ответственно относящиеся к своему делу и наделённые выдающимися способностями к стихосложению или ваянию. На кропотливом сличении себя, своей биографии с судьбой гения и основан массовый интерес к «жизни замечательных людей».

Первая мировая война с повсеместным ползанием по грязи солдат и офицеров, с газовыми атаками, с многолетними позиционными боями выявила отсутствие героики в ратном деле. В этой войне обнажилась мерзость мысли, облечённой в снаряды и пули. Р.Олдингтон так и назвал свой самый знаменитый роман «Смерть героя».

Историческая победа низов и маргиналов совершилась уже тогда. Все последующие общественные конфликты выражали лишь стремление победителей удержать завоёванные позиции. Отныне в маргиналах уже будут ходить М. Булгаков и У. Фолкнер. Жестокие палачи казнят в Мюнхене принца крови, а в Екатеринбурге - царскую семью. Казней будет много и позже. Право править стало доступным, границы магического круга размылись. Тьма вошла в свет. Срочно понадобилось дополнительное освещение - электрическое.

2. После победы

Эпоха «восстания масс» поставила под сомнение само наличие «второй реальности» - сферы искусства. «Вторую реальность» исподволь заменила виртуальная. Тайны соответствий звука, формы, запаха и цвета интересуют только узкий круг специалистов. Кто-то считает последним лириком Бодлера, кто-то Блока, кто-то Рильке. После них - только потоп из поэтических сборников, написанных умело и не очень.

Большую часть XX века творческие личности ищут утраченное время и по-своему пересказывают старые мифы. Череду «измов» давно иссякла. Последний из них - «постмодернизм» - только канонизирует приёмы игры в невнятность. Действительность интересна лишь тем, кто не ведает, что творит. Среди небольшого числа литературных удач после Второй мировой войны - подавляющая часть романов воссоздают далёкие прошлые эпохи: М.Юрсенар – «Завещание Адриана», П. Лагерквист «Карлик», М. Селимович «Дервиш и смерть», У. Голдинг «Шпиль», Ю.Мисима «Золотой Храм», У. Эко «Имя Розы», П. Зюскинд «Парфюмер». О любви уже давно всерьёз не пишут. Вроде бы и пушки отговорили, а Муза молчит. Художники что только ни изображают на своих полотнах: пейзажи, абстракции, древние церкви, крепости,

портреты, даже старые лачуги рисуют с упоением. А то, что построено последними тремя поколениями, игнорируют: не интересно.

В театре неустанно осовремениваются старые сюжеты. Интерпретации, авторские версии заполнили сцены. Режиссёрским переосмыслениям подвергаются классические произведения, изменяемые до неузнаваемости. Никто уже не ждёт новых балетов и опер. А если они и появляются, то не завораживают сердца и души зрителей. Разного рода бьеннале, фестивали, книжные ярмарки все острее испытывают дефицит «художественных открытий». Тон на этих многошумных форумах обычно задают люди, которые сделали себе имя. Число таких людей с каждым годом возрастает. Их все знают, уважают и обожают. СМИ, увлечённые сенсациями, скандалами, имиджами, всё очевиднее входят в противоречие с реальным положением дел. Ныне «звёзд» делают СМИ. Но делать произведения искусства СМИ не могут и не умеют.

Тот ажиотаж, который возник в конце 80-х годов на рынке картин вокруг произведений постсоветских художников, отнюдь не случаен. Дельцы от искусства скупали картины оптом и платили за них немалые деньги потому, что Россия, несмотря на все посетившие её беды, продолжала сохранять реноме страны как последнего оплота духовности.

Когда железные оковы тоталитаризма рухнули, ловцы самобытного русского искусства ринулись на просторы бескрайней страны. Прошло года три-четыре, прежде чем спекулянты поняли, что новых Рерихов и Кандинских в России нет. А ринулись потому, что в свободном демократическом мире уже не осталось в живых ни одного великого художника. Сальвадор Дали был последним.

Североамериканскую культуру ругают везде и всякий. Наверное, даже шаманы племени мумбу-юмбу недовольно морщат носы от её поделок. Американцы, действительно, заполнили мир своим низкосортным ширпотребом. Но в чём они виноваты? Они стараются изо всех сил, чтобы снабдить все континенты своими новостями и товарами, облагодетельствовать своим образом жизни, своей практикой государственного правления. Их романисты строчат по книге в год. А Голливуд чуть ли не ежедневно готов представить на суд общественности новый фильм. Они гордятся тем, что изобрели пароход и холодильник, лифт и телефон, электролампочку и компьютер. Они очень бы хотели иметь великую американскую оперу, великую американскую школу живописи, великий американский роман. В их городах живёт художников не меньше, чем во всех остальных странах вместе взятых. Но во всём том, что относится к изящным искусствам, они демонстрируют лишь торжество посредственности. Они очень гордятся своим зрелищным кинематографом, но инсценировки мировых шедевров у них не получаются или выглядят жалкими суррогатами. Высоты духа непосильны для американцев: ведь там - сплошной средний класс.

Другое дело - дизайн, реклама, имиджмейкерство, то есть те сферы деятельности, которые стимулируют товародвижение. Тут они на высоте. Сама история этого пёстрого в этническом отношении народа весьма показательна и отражает все уровни прогресса и кризиса, переживаемых человечеством последние двести лет. В своей основной массе североамериканцы - это потомки европейцев, покинувших родные места в поисках лучшей доли. Туда ехали голландцы и англичане в качестве первых колонистов. Многие были не в ладах с монаршей властью и мечтали о расширении своего «жизненного пространства». Туда бежали ирландцы, недовольные властью англичан в своей стране. Было время, когда англичане превратили национальную гордость ирландцев - собор св. Патрика - в конюшню. Переплывали океан и французские гугеноты, теснимые неуступчивыми католиками. Устремлялись в Америку евреи, жившие в Европе в золоте и в презрении, в бедности и снова в презрении. В Новый Свет выселялись целые секты (как в случае с духоборами и молоканами). Бежали от царской деспотии поляки, неудачливые как в войнах, так и в восстаниях. К далёким берегам катились волны эмигрантов, спасающихся от революций, гражданских войн, реставраций и тоталитарных режимов. Ну, конечно же, ехали

всякого рода ловцы удачи, авантюристы, любители приключений, злодеи и преступники, оказавшиеся у себя на родине вне закона.

Для того, чтобы кратко охарактеризовать всех их, можно сказать так: то были люди, искавшие новые принципы мироустройства и новые ценности жизни. Они покидали Европу, где, скорее всего, погибли бы от голода, эпидемий, штыка или виселицы. Они хотели быть сытыми, одетыми и чувствовать себя в безопасности. Их желания отличались скромностью. Их нравственные принципы помечены аскетизмом и трудолюбием. Встречались и такие романтики, которые и на новой земле, ещё совсем не обжитой, пытались сделать свою жизнь прекрасной и возвышенной. Эти цельные натуры создавали новые религиозные учения и быстро находили приверженцев (адвентисты, баптисты, мормоны). Основатели подобных учений зачастую преждевременно заканчивали свои дни и канонизировались последователями. Поэты вдохновенно писали о соловьиных трелях, хотя соловьи водились в далёкой Англии, а не в Пенсильвании. Художники также старательно подражали европейским мастерам. Таков удел всех провинциалов. Трезво же мыслящие люди, практики и прагматики, посматривали на Европу скептически. Водораздел величиной с Атлантический океан облегчал в их душах процесс обмирщения монаршей власти. И Папа Римский, и любой другой церковный иерарх не казался подавляющему большинству американцев рупором Божьей воли, а всего лишь церковным чиновником, пожизненно или временно занимающим выборную должность.

И культовые фигуры многочисленных святых американцам казались подозрительными, тем более, что в своей основной массе они примыкали к протестантам. Так как у каждого народа были свои герои-легенды (Ланселот, Вильгельм Тель, Эль Сид, Жанна д'Арк, Сусанин), то американцам не оставалось ничего делать, как выработать уважительно ровное отношение к ним. Иначе бы ирландцы начали выставлять «счета» англичанам, а французы - немцам и т.д. Культ Музе им просто неведом. А вот поклонение гениям у них извратилось до идолопоклонства «культовым фигурам»,

Ещё в промежуток между двумя мировыми войнами практически все заметные американские литераторы и художники считали обязательным совершить «хадж» к старым камням Европы, вдохнуть воздуха, которым дышали Рафаэль или Дюрер. Обычно эти горстки интеллектуалов кучковались вокруг какого-то мэтра (например, Гертруды Стайн), и неустанно примеривали себя к великим. Так Хемингуэй простодушно признавался, каким своим произведением он отправил в «нокдаун» Тургенева, а каким сравнялся в весовой категории с самим Л. Н. Толстым.

Впрочем, для основной массы американцев все эти проблемы казались непонятными или несущественными. Если они от чего-то и страдали, так от скуки. Ш. Андерсен это блестяще показал в своём сборнике новелл «Уайнсбург. Огайо. 1919 год». Если американцы перед кем и благоговели, то перед своими героями: Фордом, Карнеги, Морганом. Обыватели были искренни в своём восхищении организационными, деловыми и финансовыми качествами миллионеров. Такие редкостные по силе духа и литературным способностям дарования, как У. Фолкнер или Э. Дикинсон, не оказывали столь-нибудь заметного влияния на культурную жизнь бурно развивающейся страны.

Глядя на униженную, растерзанную Второй мировой войной Европу, многие американцы не могли не благодарить Провидение за то, что живут вдали от столь тесного и беспокойного континента. Разумеется, они сострадали тем миллионам европейцев, которые остались без крова и средств к существованию. Без американских инвестиций экономика многих стран не поднялась бы из руин или этот процесс затянулся бы на долгие десятилетия. В эти послевоенные годы американцы окончательно утвердились во мнении, что ценности и принципы жизнеустройства, которых они придерживаются, являются благом для людей, проживающих и в других странах. И для подобных выводов имелись определённые основания. Сколько веков европейцы пытались сделать свою жизнь прекрасной и возвышенной. Но возможно ли такое хоть теоретически? Вряд

ли. Жизнь трудна. Многие её стороны неприглядны. Жизнь требует постоянных усилий, преодоления человеком многообразных тягот и опасностей. Но жизнь можно сделать комфортной. Причём, каждый имеет право на такую жизнь. И её можно добиться, стоит только установить в государстве справедливые законы, а людям производительно работать.

Можно ли сделать жизнь возвышенной? Нет, нельзя. Всё это выдумки сибаритствующих фантазёров. Человек прикреплен к земле, к станку или кульману, к семье. Пусть человек ходит по ухоженному зелёному газону или по чистой асфальтовой дорожке, а не лезет в заоблачные выси и трансцендентальные сферы. Рекорды высоты пусть ставят аэропланы или ракеты. Самое главное, человек должен ответственно относиться к любому делу, нести свои нелёгкие обязанности перед близкими и быть законопослушным гражданином. Он - муравей, а не порхающая бабочка. Он - трудолюбивая пчела, а не хищный ястреб. Жизнь не сделаешь возвышенной, но можно сделать справедливой, создав равенство возможностей. А результаты деятельности зависят уже от каждого конкретного человека. И ещё: можно сделать жизнь занимательной, даже если работа не по душе. Демократия не запрещает развлечений, удовольствий, острых ощущений и ярких впечатлений.

Примерно так рассуждали американцы, сочувствуя измученным от войн европейским народам. Короче говоря, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Выход из тупика, в который европейцы сами загнали себя в ходе мировых войн, был найден. Люди развернулись навстречу радостям жизни, доступным обывателям.

Аристократы прошлых веков так же проявляли интерес к этой стороне бытия. Вкус отражал меру этого интереса.

Обладающий вкусом человек постигает силу подробностей, частных, полунамёков, пусть даже в громоздкой архитектуре дворцовых ансамблей или в хитросплетениях дипломатии. Радости души, как мы их мыслим и чувствуем, – вот что такое развитый вкус. Человек полусвета, даже весьма состоятельный, обычно ощущал определённую дистанцию или барьер, отделяющий его от представителей благородного сословия. Барьером служила бедность вкуса. Эта бедность не мешала нуворишу радоваться жизни, но радоваться по-другому. Иначе говоря, вкус не может быть массовым явлением, как, впрочем, и роскошь.

Кинематограф, усиленный после мировых войн многоцветием своих лент, достиг зенита своей популярности. Миллионными тиражами выходили газеты. На побережьях тёплых морей осваивались гигантские пляжи для приятного и здорового времяпровождения. Строились огромные футбольные стадионы и даже целые городки, населённые сказочными персонажами или сугубо специализирующиеся на развлечениях для взрослых.

Вера в то, что браки заключаются на небесах, стала пережитком прошлого. Брачный контракт более честен. Это документ, соответствующим образом оформленный, заверенный, зарегистрированный и бережно охраняемый в сейфе. Брачный контракт - суровая альтернатива безрассудной, а порой роковой вере и зависимости Его и Её. Если любовь подразумевает полную взаимоподчинённость двоих, которая часто стала превращаться в тягостное обязательство в этом динамично меняющемся мире, то контракт больше опирается на силу взаимного уважения сексуальных партнёров. Нельзя не обмолвиться и о том, что любовь и в другие эпохи была уделом немногих. Уже поэтому она недемократична. Любовь можно расценивать как Божью милость. Но зачастую любовные коллизии заканчивались трагически. И если уж выкладывать все претензии к этому душевному состоянию, то нельзя не упомянуть и о том, что влюблённый человек утрачивает деловую сметку, работоспособность - становится неконкурентоспособным в занимаемой им рыночной нише.

Итак, семейный контракт и равноправие сексуальных партнёров, приличный счёт в банке (количественная оценка обществом твоих способностей), свободное пересечение государственных границ, терпимое отношение к окружающим, высокий уровень потребления товаров и услуг - вот они контуры нормальной человеческой жизни.

Вызволив Европу из руин, американцы наконец-то перестали чувствовать себя неисправимыми провинциалами. Им было что предложить и что сказать европейцам. Они даже разработали специальную пирамиду человеческих потребностей. Базовые - это естественные потребности в пище, одежде, жилье: после их удовлетворения человек начинает беспокоиться о своей безопасности, затем о вещах, которые свидетельствуют о его принадлежности к какой-то корпорации. И, наконец, возникают запросы по удовлетворению личных амбиций. Это схема поведения потребителя. Если бы с ней познакомился Гоген, который нажил состояние на биржевой игре, имел большую семью, но затем предпочёл занятие живописью, впал в нищету и окончил свои дни вдали от очагов цивилизации, то он бы мало что понял в рассуждениях пирамидостроителя Маслоу. На таких, как Гоген, эта схема поведения и не рассчитана

Можно сказать ещё резче. Эта схема исключает из демократического рыночного общества, таких, как Гоген.

В своей основной массе американцы считают Библию прелестным литературным памятником, а не Священным Писанием. А Христа - диссидентствующим евреем, жившим в очень жестокие времена. Короли и королевы - это обычные дядьки и тётки, со своими недостатками и достоинствами, как у всех прочих людей. Аристократы - это снобы и кривляки, погрязшие в предрассудках. Сами же американцы живут в свободном мире, они - свободные люди и в целом жизнью довольны. Но чтобы продлить это довольство, необходимо заботиться о своём здоровье. Подавляющее число Нобелевских лауреатов по медицине - это американцы.

Большевизм также произошёл из обмирщения некогда священных институтов духовной и светской власти. Большевики тоже противопоставили своих «соколов» всем былым героям и гениям. Аутсайдеры, представители дна оказались в России на высоте. Им принадлежало будущее. Полуграмотный Ю.Каганович правил Нижегородской губернией. Бандит Блюмкин поселился на Арбате в Москве в роскошном особняке. Даже в деревне происходила узаконенная маргинализация власти. Самые ленивые, неумелые, нерасторопные образовывали комитеты бедноты, отбирали у наиболее работающих крестьян имущество, а самих работников ссылали в места, мало пригодные для жизни.

Американцы смотрели на жизнь и на своё будущее трезво. Большевизм же представлял собой очередную попытку низов сделать свою жизнь прекрасной и возвышенной. Если в Америке непрерывно изобретали разные механизмы, чтобы сделать свой быт и свою работу удобнее, то в послереволюционной России придумывалась масса проектов переустройства всего мира. Отличий много, серьёзных и не очень, но отличия эти нельзя назвать принципиальными. Уже в начале 30-х в обеих странах восторжествовала религия эффективности. Только если в Америке приветствовался личный успех, то в России революционные массы ликовали от успехов Советского государства.

Американизация и советизация - это разные стороны одной медали, коей человечество было награждено за тяжёлую борьбу с клерикалами, аристократами и расслабленными эстетами. Эти крупные политико-общественные движения как бы начинали историю сызнова. Американские поселенцы пришли на целину, расшугав детей природы - индейцев, и медленно расплозились по целине, подобно масляному пятну. Большевики всерьёз занялись разрушением старой России до основания, чтобы начать строительство новой жизни на территории полностью освобождённой от примет и памятников прошлых эпох. Если Америка слыла Новым Светом, необжитым пространством, то Россию требовалось сначала сделать ничем, пепелищем.

Большевизм - это радикальное освобождение от ценностей жизни, накопленных всеми предыдущими поколениями. Мы сейчас недоумеваем, почему эти безмозглые революционеры так бездумно продавали, причём по «сверхдемпинговым» ценам, предметы искусства из царских дворцов и дворянских усадеб? Это искусство им действительно было чуждо и не нужно. Что они ценили превыше всего? Это силу кулака или пушки.

И вот после Второй мировой войны СССР и США, эти два вооружённых до зубов «качка», так стиснули старушку Европу, что она и охнуть не смела: разве что только на сцене парижских театров принялись ерничать об абсурдности жизни. Зрители, преисполненные мазохистского трепета охотно соглашались: «Дураки, дураки, дураки, ну какие же мы все дураки!»

Борьба с твердынями морали и мифами, с табу и просто с бытовыми запретами, конечно же, продолжалась и рождала новых героев. Место гениев заняли «культовые фигуры», как правило, переживавшие собственную славу. Новыми героями стали идолы поп-культуры. Буржуазному ханжеству воспротивились хиппи. Началась новая революция - сексуальная. В противостоянии тоталитаризму сформировались такие яркие творческие индивидуальности, как Ч. Милош, М. Кундера, А. Солженицын, И. Бродский, М. Шамякин, О.Целков, М.Форман. Будучи изгнанниками, они чувствовали свою значимость для народов, придавленных коммунистическим режимом. Чувство значимости придавало им сил. Там, на чужбине, они работали скромными редакторами, преподавателями или вели жизнь анахоретов. Когда получали престижную премию, то на них обращали внимание СМИ.

С распадом тоталитарной системы их благородное противостояние как бы закончилось. Никто уже ничего не запрещает ни в России, ни в Чехии. Но удивительно мало интересующихся творчеством этих талантливых художников и литераторов. Наверное, я скажу ужасную вещь, но не будь социалистического лагеря со всеми присущими только ему казарменными порядками, не было бы и большинства произведений этих прославленных борцов за творческую свободу. Пожалуй, изучение мистической связи между творчеством, невозможным без идеалов, и реальным тоталитаризмом ещё ждёт своих исследователей.

Советизация и американизация, сойдясь на эффективности, вступили в долгий спор, который держал в напряжении весь остальной мир. Религия эффективности - это результат медленного, но неуклонного прогресса голодных масс, мечтавших о сытой жизни в тепле и уюте. По разные стороны земного шара эта мечта и воплощалась по-разному, но суть её одинакова. И потому крах тоталитарной системы, охвативший гигантскую территорию от Сахалина до Балкан, означает всего лишь то, что американская система хозяйствования оказалась более продуктивной. Из одной тонны стали в США делают больше станков или кастрюль и за более короткий промежуток времени, а с одного гектара пашни снимают больше пшеницы или ячменя, нежели в России. И бывшие советские люди чувствуют себя несчастными, обездоленными и обманутыми бывшей властью не потому, что им нечего есть и носить (в прошлые века размеры потребления были гораздо скромнее), а потому что «за бугром» имеют больше вещей на одну душу. Вот что раздражает и огорчает незадачливых строителей коммунизма.

Так что крах Союза и отход от него сателлитов мало что меняет в нашей теме. Коммунистическая идеология навязывала всем, от мала до велика, произведения классиков марксизма-ленинизма, генсеков, бесплодных литераторов, озабоченных правдоподобием описываемых ситуаций. После этого пришли кумиры масс-культуры. Ведь рынок - это власть спроса, это мнение невзыскательного большинства. Трудно ожидать, чтобы «Пнин» был мегаселлером. Повесть не предназначена для соискания популярности. Скорее, это один из прощальных поклонов изящной словесности.

Светская культура отступает в прошлое, вслед за святоотеческой культурой. Огромная армия людей так называемых свободных профессий отнюдь не должна вводить нас в заблуждение: количество отнюдь не перерастает в качество. К тому же значительная доля этого контингента принадлежит истолкователям, комментаторам, узким специалистам или, наоборот, синтезаторам. Когда пишется книга, о ней трудно высказать какое-то мнение. Книга искусства фактически написана. Поэтому в XX веке так много извели бумаги для рассуждений об искусстве. Эта тема пока ещё волнует умы, да и пораженцы в долгой борьбе, хоть и представляют собой исчезающее меньшинство, ещё окончательно не перевелись. Нет-нет, да и вынырнет из моря забвения чья-нибудь светлая голова.

Творческие личности в XX веке перестали верить в то, что смогут сделать мир прекрасным, как перестали понимать, во имя чего они не жалеют своих сил, здоровья, способностей. Творческий акт выродился до проявления эгоцентризма: «Смотрите все, какой я особенный, единственный в своём роде!» Но можно всю жизнь трудиться, наконец, выставить своё творение на всеобщее обозрение и не получить ни гроша. Идеология самовыражения зачастую и предполагает такой результат. Поэтому более практично мыслящие работники пера или смычка более пекутся о своей популярности. Годовой доход отражает их весомость в дробной сфере искусств. Рыночный «большевизм» хорошо иллюстрирует взаимопроникновение прогрессирующих и кризисных явлений в искусстве. Творческая среда как бы экстенсивно развивается, захватывает разные слои общества, приобщает разные этносы и одновременно почему-то рассеивается, становится фантомом, памятью о прошлых эпохах, признанных подавляющим большинством несовершенными и нуждающимися в переустройстве.

Время давно уже превратилось в экономическую категорию. Понятие роскоши вытеснено изобилием товаров массового производства. Исчезли не только аристократы, исчезла и чернь, а вместе с ними бездны и вершины духовной жизни. Прогресс низов, стремящихся к комфортному занимательному существованию, оказался невозможен без деградации нравственности, идеалов. Ни горних высей, ни глубоких пропастей - только холмистая равнина: таков культурный ландшафт послевоенного времени. Каждый холм - это могильный курган, где хранятся предметы искусства предыдущих эпох.

Многочисленные толпы экскурсантов ходят по залам великолепных дворцов, любуются лепкой и гобеленами, картинами и скульптурами, видами фонтанов из окон и богато разубранными клумбами. Они много раз уже читали или слышали о том, что искусство невозможно без вдохновенных усилий человека противостоять всесилию времени: вдохновенному потому, что художник опирается на веру в существование божественных, нетленных категорий, незримо воздействующих и определяющих человеческую жизнь. Искусство - это поиск единого во множественном, схожее с поисками магического кристалла. Жизнь творческой личности зачастую превращается в подвиг самопожертвования. Многие отважные мореходы на ладных кораблях отправлялись в плавание по волнам времени и пропадали навсегда или становились призраками на «летучих голландцах». Всякое случалось. Всё это и многое другое слышат экскурсанты от профессионально разговорчивых экскурсоводов. На смену этим минутным гостям в дворцовые залы или величественные храмы приходят другие, из других стран, из других континентов. И также внимательно или не очень слушают...

Королевские и царские дворцы заполненные предметами искусства - это своеобразные мавзолеи или памятники давно исчезнувшего миропонимания и стиля жизни. Величественные храмы - пустотелы, в них практически нет прихожан. Но легко обвинять тех самых «экскурсантов» в чёрствости и невежестве. А как они себя чувствуют, прямые потомки недавних войн и революций, великих переселений и депрессий?

Современный человек освобождён от богобоязненности и почитания героев, от преданности правителям и благоговения перед гениями. Он изучил все укромные уголки планеты и мельчайшие частицы материи. Он осуществил массу мистификаций и опрокинул все табу, стал улыбчивым, приветливым. Он вырос бесстрашным, бесстыдным и невиноватым. Цели его жизни приобрели вид лицензий, сертификатов и чековых книжек. Он приветствует всё яркое и готовое к немедленному употреблению.

Поддержание комфортной жизни на заданном производителями товаров и услуг высоком уровне требует от человека каждодневных усилий, просчётов рисков, умения приходить к соглашениям и компромиссам. Не столь важен источник состоятельности, сколько размер состояния. Не столь важно то, о чем ты говоришь, гораздо важнее то, какое впечатление ты производишь на окружающих. Выполнение этих условий не всем под силу. Не случайно депрессия стала самым распространённым состоянием среди жителей крупных городов, безразлично от их

местоположения. К смыслоутрате проявляют интерес только медики: психоаналитики, логотерапевты, валеологи... Перечень этих лжеотраслей познания будет удлиняться.

Во времена «рабской подчинённости своим желанием» магия денег неизбежна и неотразима. Ещё бы: безмолвный посредник приобрёл черты могущественного чародея. С ловкостью фокусника он открывает двери высоких кабинетов, делает податливыми красавиц, преобразует бесплодные пустыни в цветущие сады. Деньги являются причиной позора для одних и триумфа для других. Таких больших городов, какими являются современные мегаполисы, история ещё не знала. Они представляют собой плотное скопление административных и торговых кварталов, промышленных комплексов и жилых массивов. Вся земля под ними неоднократно изрыта для прокладки инженерных коммуникаций. По небу незримо катятся радиоволны и телесигналы. Предложение товаров и услуг превышает спрос, порождая проблему и соответствующих лодий. Жизнь в современном городе схожа с блужданием по лабиринту. Лабиринт - любимый символ нашей эпохи. И ещё - муравейник или улей. Эти символы намекают на то, что сообщество трудолюбивых и опрятных насекомых умеет обустроиться на ограниченной территории.

Хотя скученность населения возбуждает агрессивность. Рост немотивированных убийств или случаев нанесения тяжких телесных повреждений - общемировая тенденция. Огрубления нравов не отрицают даже спикеры, брокеры и рокеры. Всюду - лозунги, призывы, торговые марки, экслибрисы - красочные соблазнительные обещания быстрого решения различных частных проблем. Горожанин невольно уподобляется считывающему устройству. Есть своя азбука у автомобилистов и у биржевиков, у пользователей компьютеров и у рефери. Есть сложная знаковая система (лейблы) в мире потребительских товаров.

Однако вернёмся к современному горожанину. За день он пробегает по десяткам названий магазинов или реклам, коими испещрены фасады зданий, корпуса автобусов и трамваев. Сотни, тысячи лиц проходят мимо него, вышедшего прогуляться по улице. Жизнерадостные лица улыбаются с крупных щитов и полиэтиленовых пакетов. Сдержанные, нейтральные цвета незаметны. Только всё броское, резкое, пронзительное имеет шанс быть востребованным. Таковы верхняя одежда и автомобили, неоновые огни и афиши. А иначе покупатели пройдут мимо с таким же безразличием, с каким огибают фонарные столбы.

От обилия внешних раздражителей внимание горожанина притуплено. Утомление преследует его, как привязчивая хворь. Ему хотелось бы не замечать бегущей строки на телеэкране во время просмотра вечернего детектива. И дорогу хотелось бы переходить возле дома. Но он против своей воли считывает бегущую строку. И дорогу, запруженную автомобилями, он перейдёт только в месте, обозначенным светофором. Домашний быт стал технологичен. Создано бессчётное количество агрегатов для варки, стирки, уборки помещений. Домохозяйка - это многостаночница по каждодневному поддержанию квартирного комфорта. Каждый из этих агрегатов прост для применения: нужно только прочесть инструкцию и совершать манипуляции в определённой последовательности. Однако инструкции накапливаются до целой стопки. И с ними необходимо внимательно знакомиться, дабы правильно применять высокоэффективные медикаменты или косметические средства, ухаживать за одеждой или цветами на балконе. Изучение инструкций и множасьего семейства знаковых систем поддерживает грамотность на определённом уровне. Но для того, чтобы прочитать роман Достоевского или томик стихов Лермонтова, уже нет ни сил, ни времени, ни навыков общения с серьёзной книгой.

Внимания хронически не хватает. Внимание к ближним превращается в редкостную привилегию. Недостаток внимания к себе испытывают мужья и жёны, дети и старики. Во внимании нуждаются политики и поп-звёзды, спортсмены и рядовые чиновники. А также газетные репортёры, телеведущие, топ-модели и артисты. Изобретаются эффективные транквилизаторы и методики по борьбе с нервным истощением. Учёные изыскивают новые препараты, позволяющие человеку «ощутить прилив свежих сил».

Сложность окружающего мира, трансформирующегося в многофункциональную техническую систему, понуждает человека отбрасывать рефлексию, смотреть проще на всё то, что видят глаза. Упрощаются и взаимоотношения между людьми. Письма почти не пишутся, как и во времена всеобщей безграмотности. Гораздо проще позвонить по телефону, услышать голос близкого человека. Мыслеобразы вытеснены килобайтами информации. Без техники скоростного чтения биржевых сводок, бюллетеней о валютных курсах можно серьёзно отстать в конкурентной борьбе. Ныне очень непросто охарактеризовать человека развёрнутыми предложениями. Гораздо легче одиночными словами: добрый-злой, отзывчивый-равнодушный. Ещё легче обозначить его цифрами: привести данные метрики, адрес, серию паспорта, номер автомобиля и телефона, расчётный счёт в банке, количество детей, разводов, любовниц, учёных трудов и поездок за границу. Матрица цифр ширится и ширится. Как тут не обмолвиться о том, что шеренги цифр вырастают в лес, за которым не видно человеческого образа, а всего лишь проступают контуры среднестатистической единицы.

Каждый день такие «единицы» гибнут на улицах городов в автомобильных катастрофах. Как раньше молнии не жалели ни старых, ни малых, ни бедных, ни богатых, так и ныне дорожно-транспортные происшествия выхватывают из мира живых всех без разбора. Дань человеческими жизнями платится исправно, изо дня в день, из года в год. С этим неустрашимым злом давно свыклись. Каждый автомобилист, житель мегаполиса, знает, что сегодня кто-то не доедет домой или станет убийцей из-за обязательной аварии. Но каждый надеется, что эта авария приключится с кем-то другим.

Избавление от эпидемий чума, оспы, холеры и тифа отнюдь не воспрепятствовало распространению других массовых недугов, перед которыми люди бессильны, как и в древние времена. Наркомания, токсикомания, табакокурение, алкоголизм преждевременно сводят миллионы людей в могилу. Все хорошо осведомлены о губительности подобных пристрастий, но, тем не менее, конвейер смерти работает исправно. «Каждый погибает через свой порок», - сурово предупреждал ещё Сенека. Судя по заверениям экономистов, жили во времена римского мыслителя не богато, вынуждено мирились со множеством неудобств. Но почему порок перевешивает все прелести сегодняшнего мира?

Видимо, оскудение внутреннего мира порождает у людей неизвестные в прежние времена фобии. Человек не знает, что ему с собой делать. Он уже не мыслит своей жизни без радиоголосов и телегероев, компьютерных игр и хлопот, связанных с эксплуатацией своего автомобиля. Как самой страшной опасности, он избегает одиночества. Люди встречаются, но им нечего сказать друг другу, и они охотно говорят о том, что им сообщили СМИ.

И ничего странного нет в том, что последними открытиями мирового кинематографа стали фильмы Э. Кастурицы и К. Тарантино. Их герои живут в жестокости, подлости, предательстве. В этих фильмах хозяин положения мгновенно становится рабом обстоятельств, и наоборот. В показываемых коллизиях нет нравственных категорий: нет добрых и злых. Это мир, начисто лишённый добродетелей. И то, о чём говорят режиссёры - правда. Конечно же, в обыденной жизни нет такого беспросветного насилия, такой отъединённости от норм человеческого бытия, выработанных ещё в пору становления мировых религий. Но ведь есть правда жизни и правда сердца. А правда, как правило, остаётся за той, последней, правдой. Правда близящегося неоварварства убедительна, как никакая другая.

В этом эссе уже говорилось о том, что живопись XX века стала «плоской». Нет первого, второго, третьего планов, главных и второстепенных персонажей, даже каждая часть полотна несёт одинаковую эстетическую нагрузку. Так и разнообразие человеческих судеб идёт только в одной плоскости: где родился, где учился, где жил и работал. Тяжёлый трезубец жизненных устремлений - бытие ради Бога, бытие ради истории, бытие ради бытия переплавили в лёгкое копьё. Чтобы метать было точнее и дальше.

Тёмные века случались уже не раз. К 1000 году до н.э. от старых цивилизаций (Египет, Крит, Микен) ничего не осталось, кроме руин.. По крайней мере, века обходились без письменности и зодчества и прочих излишеств. Множатся приметы того, что тёмные века возвращаются, накрывая мир мраком невежества, принижая людей до насекомых, которые копошатся или в зелёных кущах, или в рукотворных каменных джунглях. Люди едят, работают, размножаются, развлекаются, что-то делят между собой - и умирают. И о них ровным счётом ничего нельзя сказать. Точнее, они сами о себе уже ничего не могут сказать, кроме ряда забавных случаев и сплетен. Им уже трудно выразить, зачем они родились и живут. Они живут, чтобы жить.

Энтропия величия и красоты освобождает людей от благоговейного трепета, от восхищения, от готовности к самопожертвованию.

Научный прогресс с одновременным оскудением внутреннего мира граждан и гражданок цивилизованных и развитых стран приведёт к клонированию человеческих особей, к выверенным моделям протекания жизни обывателя от рождения до часа естественной смерти по старости, к унификации средств, слагающихся в комфортное времяпровождение. Содержание покидает традиционные формы, становится как бы бездомным. Пустотелые храмы богов и храмы искусств, дворцы правителей и могилы героев - уже утвердившаяся реальность.

И человек уже не сосуд небесный, а скорее биологический агрегат, в котором возможна замена составных частей и элементов. Нет вины (христианская этика) и стыда (буддистская этика) вкуса и благородства (дворянская этика), а есть эффективность и рентабельность, есть знаменатель, выраженный в твёрдой валюте. Есть эпоха действительного равенства возможностей и посредственных результатов там, где человек вступает в спор со временем. Нет цезарей и святых, но есть секс-символы и правители финансово-промышленных империй. Высота прогресса совпадает с глубиной кризиса.

Видимо, сама история нуждается в паузах и в «рокировке» ценностей. Были древние греки, об уровне потребления которых мы ничего толком не знаем, но знаем о них другое. Были и хетты, которые тоже ели, пили, чему-то радовались. Жили себе и жили, как умели, как у них это получалось. И о которых мы можем сказать не больше, чем об африканских термитах.

В будущее заглянуть трудно. Но, возможно, потомки будут удивляться и недоумевать, глядя на сохранившиеся дворцы и соборы, на огромные библиотеки, набитые полуистлевшими книгами. Зачем всё это делали люди? Для них деяния наших прадедов уже станут загадкой, как загадочны для нас строители пирамид и Великой Китайской стены.

В том, что происходит, не надо искать виновных. В подлинной трагедии правит рок.

ДУХОВНОЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

В наше время люди все чаще и чаще становятся злыми, агрессивными, раздражительными. Если раньше случаи стрельбы по своим коллегам в офисах и даже школах были характерны только для США и стран Западной Европы, то теперь и мы в России сталкиваемся с подобным явлением. А уж об агрессии многих автомобилистов на дороге по отношению друг к другу и говорить нечего: эта проблема всем известна. В обществе много говорят о социальных или психологических причинах подобных явлений. А каковы их духовные причины? И есть ли духовное лекарство от подобных проявлений? Наш сегодняшний разговор как раз об этом.

Любой верующий человек понимает, что все, с чем мы сталкиваемся в течение своей земной жизни в той или иной мере связано с нашей жизнью духовной. Именно поэтому и Церкви «до всего есть дело», она так или иначе присутствует во всех сферах нашей современной жизни: в армии, в образовании, в медицине... А та проблема, о которой говорите вы, имеет к нашей духовной жизни самое прямое и непосредственное отношение.

Чаще всего, когда пытаются найти объяснение тем проявлениям агрессии, о которых вы говорите, сходятся на том, что дело в одиночестве (реальном или духовном), отсутствии понимания, нереализованности людей, которые ведут себя подобным образом. Наверное, это так. Вот как Святейший Патриарх Кирилл в своем рождественском интервью телеканалу «Россия» оценил жизнь обычного современного человека в российском мегаполисе (Москве, Санкт-Петербурге или другом крупном городе нашей страны): «Когда я смотрю на эти огромные жилые дома в Москве, по 24 этажа каждый, на огоньки в квартирах этих домов и осознаю, что каждый огонек - отдельный мир, не связанный с огоньком рядом, что реальность нашей жизни - полная изоляция, отсутствие той общинности, какая была в России XIX века, я всегда задаю себе вопрос: как же в таких условиях живут люди, если у них нет семьи?»

Да и те, у кого есть семья, не всегда чувствуют себя нужными близким. Разве не одинок ребенок, родители которого вынуждены зарабатывать деньги и поэтому все время проводят на работе, а свое чадо почти не видят? Родителям некогда, а сверстники, как и он сам, очень часто погружены в мир интернета, который подменяет живое общение виртуальным общением с

людьми, тебе абсолютно не знакомыми, а значит тоже чужими. Получается, что проблема агрессии - это проблема одиночества современного человека.

Как сказал Святейший Патриарх Кирилл все в том же рождественском интервью, «одиночество возникает тогда, когда у человека нет предмета любви. Если появляется предмет любви, то одиночество непременно исчезает. А что такое отсутствие предмета любви? Это отсутствие другого человека, которому ты бы мог передать свои внутренние чувства, свое внимание, свою заботу... Это все проявления нашего индивидуализма, проявления эгоизма современного человека». Допустим, тебя действительно не понимают, не ценят, ты чувствуешь себя не нужным, лишним в жизни. И поэтому тебя раздражает все и все. Но это не повод покончить с собой или убить тех, кто находится с тобой рядом. Ведь наша оценка жизни зависит от того, какими нравственными принципами мы руководствуемся.

Как сказал мне один знакомый священник, когда я был в состоянии духовного кризиса: *«Я не буду тебя убеждать в том, что ты не прав. В том, что твоя жизнь имеет для тебя смысл. Сейчас это бесполезно. Но, если ты христианин, посмотри на ситуацию с другой стороны. Кто сказал, что жить нужно только для себя?! Может быть, в данный момент тебе, действительно, не нужен никто из окружающих тебя людей, потому что они тебя не понимают. Зато, наверняка, ты сам нужен кому-то. Всегда есть те, кому требуется твоя помощь - моральная, духовная или физическая, а может быть просто даже живое участие, чтобы самим не чувствовать себя одинокими».*

Об этом же говорит и Святейший Патриарх Кирилл: *«Выход из трагедии одиночества очень простой. Надо повнимательнее посмотреть, что происходит вокруг нас и как много людей сегодня нуждаются в нашей заботе, в нашем внимании. Я люблю на праздники - на Рождество, на Пасху - посещать престарелых, одиноких, бомжей, инвалидов. Иногда меня спрашивают: «Может быть, посетили один раз и достаточно?» Я отвечаю так: «Я иду не для того, чтобы по телевизору показали, какой Патриарх хороший; у меня есть к этому внутренняя потребность. Оттуда, из этих домов, я выхожу другим. Я чувствую, как у меня на душе стало светлее». Это почти то же самое, что ты испытываешь после богослужения. Ведь верующие люди знают, что из церкви выходят с легким сердцем. Я так же выхожу от этих людей. Они мне дали больше, чем, может быть, я им дал.*

Так вот, я предложил бы всем, кто страдает от одиночества, пойти в мир с добрым и открытым сердцем, пойти к тем, кто нуждается в помощи. За один такой поход можно обрести и друзей, и близких, и предмет своей заботы, а значит, навсегда разрушить свое одиночество».

Вот, пожалуй, главное духовное лекарство от тех проявлений, о которых вы говорите. Нужно просто перестать быть эгоистом и попробовать самому научиться понимать и любить людей. То есть захотеть стать настоящим христианином, ведь именно вера в Бога и жизнь по Заповедям Божиим учат нас подлинной любви. А путь проявления агрессии — это тот путь, по которому обычно идут самоубийцы. Они не хотят видеть никого и ничего, кроме себя и своих проблем. Вот поэтому Церковь и считает самоубийство самым тяжким грехом. В жизни тех, кто духовно готов покончить с собой, не остается любви, а значит не остается и Бога, ведь, по слову апостола Иоанна Богослова, «Бог есть любовь» (1Ин. 4; 16). Сохрани нас Господь от подобного пути!

Молитвы от уныния, отчаяния, тоски

Молитва преподобного Симеона Нового Богослова

Не попусти на меня, Владыко Господи, искушение или скорбь или болезнь свыше силы моей, но избавь от них или даруй мне крепость перенести их с благодарением.

Молитва ко Пресвятой Богородице

Предложение твое, враже, на главу твою, Божия Матерь, помоги мне. (И читать много раз молитву «Богородице Дево, радуйся...»)

Почему Церковь так «жестока» к самоубийцам

Однажды, по роду своей деятельности, мне пришлось отвечать на письмо такого содержания: «Хотелось бы более подробно разобраться в том, как Церковь относится к самоубийцам.

В ваших изданиях я читала, что убийца все-таки может еще искупить свой грех искренним покаянием и сердечной молитвой об убиенном им человеке, а самоубийца уже ничего изменить не может, потому что своими действиями он как бы восстает против Бога. Но ведь в большинстве случаев самоубийцы-то об этом и не знают! Соответственно, не могут задумываться и о последствиях своего необратимого шага... Кто-то из них настолько не сведущ в духовных вопросах, а у кого-то такие проблемы, что уже и ни до чего дела нет человеку! Даже и до себя самого!

Я конечно самоубийц ни в коем случае не оправдываю! Но ведь родные-то любить человека не перестают оттого, что он покончил жизнь самоубийством!

Поэтому и хочется узнать, что живые родственники могут все-таки сделать для души самоубийцы. Будет ли ему прощение от Бога хоть когда-нибудь?! Ведь они и так уже страдают на том свете за свой грех, может есть надежда, что участь их хоть когда-то облегчится?

Очень прошу рассказать об этом поподробнее. Может быть для них все-таки есть какие-нибудь специальные молитвы? И все же есть какие-то дни, когда возможно прийти в храм и помолиться за самоубийц? Или им совсем уж ничего не положено?

Но ведь в определенных случаях церковные иерархи разрешают отпевать самоубийц, и хоронят их вроде со всеми вместе... Даже и поминки (на третий, девятый, сороковой день...) родственники устраивают. Это до усопших таких "доходит"? И что, собственно, происходит с ними "там"?" Возможно, мой ответ-размышление на тему этого письма покажется важным и интересным читателям нашего интернет-журнала.

Вы не одиноки в своем вопросе. Сходные слова священнослужителям приходится в наше время слышать настолько часто, что Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая 2 февраля 2011 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви с докладом, прямо указал на данную тему, подчеркнув, что сегодня «всем правящим архиереям (то есть епископам) приходится сталкиваться с таким явлением, когда скорбящие родственники лица, покончившего с собой, обращаются с просьбой о его отпевании». Данное явление открывает нам две катастрофические проблемы нынешнего общества. Первая, что очевидна и лежит на поверхности - это ужасающие масштабы самоубийств в наше время. Вторая, очевидная только для глубоко верующих людей - крайне низкий духовный уровень религиозного сознания людей, даже и формально принадлежащих к Православной Церкви, но при этом настолько не понимающих сути своего вероучения, что они дерзают просить отпевания и церковного погребения для тех, кого Церковь, в силу совершенного греха, даже уже и не считает православными.

Конечно, понять родственников самоубийцы можно: у них горе, и они изыскивают любую возможность для того, чтобы, всеми правдами и неправдами, положительно повлиять на его посмертную участь. Но подлинный православный христианин в любых, даже самых скорбных и тяжелых жизненных обстоятельствах обязан, чтобы иметь право и далее именоваться христианином, сохранять твердость в вопросах веры и духовной жизни, не поддаваться нахлынувшим эмоциям и горестям, сохранять твердость воли и трезвость рассудка. Ведь если ваш усопший сродник не был православным, а был мусульманином или иудеем, вы же не

пойдете в православный храм просить о его отпевании, как бы горько вам ни было?! Так почему же родственники самоубийцы идут в Церковь просить отпевания для человека, грех которого Церковь совершенно однозначно оценивает как полный отказ от жизни в Боге, а следовательно, как полный отказ от того, чтобы в принципе являться православным?! Для того, чтобы мысль наша была более понятна читателям, рассмотрим более подробно отношение Православной Церкви к посмертной участи человека вообще и к самоубийцам в частности.

О христианском отношении к посмертной участи человека

Прежде всего, следует отметить, что, согласно учению Православной Церкви, посмертная участь человека более всего зависит от того, как он прожил свою жизнь здесь, в этом мире. Жизнь земную Церковь иногда называет временем подвига, то есть временем борьбы со своими грехами, пороками, страстями, а жизнь в мире ином - временем воздаяния. То есть временем (а точнее - уже вечностью), когда человек ничего в себе изменить уже не способен, но, в силу неограниченности времени в мире духовном и в силу неограниченности пребывания там души человеческой, свойства его личности, сформированные на земле, сохраняются и приобретают абсолютное значение. Известный христианский богослов Клейв Стейплз Льюис в своей работе «Просто христианство» говорил об этом так. Представьте, что некий человек был в земной жизни страшно скуп: ему было жалко для всех всего. Вспомните, как с возрастом, если пороки у человека развиваются и он с ними не борется, портится его характер. А теперь придайте пороку скупости абсолютное значение и спроецируйте его в вечность. Так вы получите в некоторой степени точное представление того, что такое ад.

Еще более данный пример иллюстрирует одна христианская притча. Некий святой подвижник долго молился о том, чтобы Господь показал ему ад и рай. И вот молитва его была услышана. К старцу явился Ангел и произнес: «Пойдем, я покажу тебе ад и рай!»

Сначала старцу открылся ад. Он увидел большой длинный стол и людей, сидящих за этим столом. На столе было полно различных яств, но люди не имели возможности вкушать их. Руки сидящих за столом в локтях не сгибались. Старец промолвил: «Насколько велика Мудрость Божия! В земной жизни все эти люди пресыщались недозволенным, и в наказание за это Господь лишил их здесь даже необходимого.» Ангел же ответил: «Не торопись в своих суждениях, ведь ты еще не видел рая!»

И старцу открылся рай. Картина была все та же: длинный стол и люди, сидящие за ним... Однако эти люди яства вкушали. Ангел же сказал старцу: «Внимательно посмотри на руки сидящих за столом». Старец посмотрел и заметил, что руки у вкушающих также не сгибаются в локтях. «Как же они могут вкушать яства?» - спросил старец. И Ангел ответил ему: «А разве ты не заметил? Они же кормят друг друга!»

Конечно, данная притча, как и пример К. С. Льюиса - всего лишь некие символы, которые позволяют нам хоть как-то представить то, что в принципе недоступно нашему пониманию. Но эти символы помогают нам понять главное — не Бог осуждает человека на адские муки, а сам человек осуждает себя на них, отказываясь от жизни христианина, жизни по Заповедям Божиим. Господь желает всем нам только блага, и Он с радостью принял бы в Царствие Небесное все человечество! Однако причастность человека ко греху, его неспособность отказаться от греховных склонностей, неспособность в своей земной жизни проявить подлинную любовь и милосердие к ближнему лишают человека полноты Божественной Благодати, а в конечном итоге могут лишить и Царствия Божия. Но не Господь лишит такого человека рая! Сам человек откажется от него ради греха!

И это имеет прямое отношение к самоубийцам! Вы пишете, что многие самоубийцы вроде как и не осознают всю пагубность ухода из жизни. Но разве вы не лукавите? Жизнь — это величайший дар творца человечеству и другим живым существам! Он настолько ценен, что стремление жить, стремление сохранять жизнь заложено не только у человека, но даже у гораздо более низших созданий.

В силу того, что современное общество слабо воспитывает у человека твердость воли (с телеэкранов мы только и слышим: «Живи как нравится, живи в удовольствие!»), многие современные подростки, выходя во взрослую жизнь и сталкиваясь с ее проблемами, помышляют о самоубийстве, а некоторые даже и пытаются его совершить. Когда кризис у них минует, они придут в Церковь и принесут покаяние в этом своем страшном грехе, спросите у них - легко ли покончить с собой. В один голос эти люди вам ответят - нет! Для того, чтобы такое соделать с собой, человек должен находиться в одном из двух состояний: либо в состоянии серьезного психического расстройства, либо в состоянии крайней степени уныния (отчаяния). Рассмотрим сначала второе состояние.

Почему уныние - страшный грех

Церковь рассматривает уныние как страшный грех. Почему? Прежде всего потому, что Господь не дает человеку испытаний сверх его сил и возможностей. И это значит, что из любой ситуации, даже кажущейся абсолютно безвыходной, есть выход, достойный для православного христианина. Правда выход, приличный христианину, не всегда является понятным для нехристианина. Так иногда, в тяжелейших жизненных обстоятельствах, когда человек теряет все, необходимо просто принять данное и нести свой крест. Возможно затем, чтобы не озлобиться и тем самым не умножать зло в мире, возможно, чтобы пожертвовать собой ради ближних... Всю полноту истинных причин только Господь ведает, ибо лишь Он один полностью знает сердце каждого человека. Одно несомненно: претерпевший горести как христианин непременно получит воздаяние духовное! Впрочем вполне вероятно, что и не только духовное: уже в земной жизни через некоторое время скорби может сменить благоденствие... Тот, кто поддается унынию ничего этого не замечает. Он все более и более убеждает себя в безысходности своей судьбы...

Здесь открывается вторая причина греховности уныния - человек не хочет видеть вокруг себя ничего доброго. Весь мир для него - средоточие зла и мрака, причем все это зло, по его мнению, ополчилось и направлено исключительно на него. А это уже хула на Бога! Человек в принципе отказывается признавать, что в мире есть что-то, способное улучшить его участь. Это подтверждает, что человек в принципе отказывается признавать хоть какие-то проявления Божественной Любви к людям. Но Бог есть Любовь! Следовательно, такой человек принципиально отказывается от признания Бога! И конечным актом такого состояния как раз и является самоубийство. Но как же Церковь может воспринимать православным христианином (а молится, поминает она только православных христиан) того, кто отказывается от Бога?!

И, наконец, третье важное обстоятельство уныния. Уныние никогда не возникает просто так. Оно посылается человеку как знак того, что он непременно обязан что-то круто поменять внутри себя. Например, должен серьезно заняться обузданием той греховной страсти, на борьбу с которой раньше не находил сил. Допустим, некто одержим пьянством: у него распадается семья, человек лишается работы... И видится ему один выход - руки на себя наложить! Однако есть ведь и другой выход, выход подлинно христианский: собрать все свои последние силы и заставить себя отказаться от бутылки. Да это трудно, почти невозможно! Но если порыв будет искренним и человек, даже слабо это осознавая, все же станет уповать на помощь Божию, то можно не сомневаться - Господь непременно поможет! Те же, кто выбирает самоубийство, венчают свой путь отказа от Бога последним страшным грехом!

Вот почему Церковь не относится к самоубийцам как к христианам, не молится за них, как за христиан, и лишает их христианского погребения. Вы говорите, что сегодня самоубийц хоронят вместе со всеми. Но это происходит исключительно потому, что сегодня в нашей стране очень мало церковных кладбищ. Практически все кладбища в нашей стране — государственные, и хоронят здесь вообще всех, вне зависимости от их отношения к вере. В прежние времена самоубийц хоронили отдельно — вне ограды церковных кладбищ. Исходя из этого, строго говоря, даже и православный крест на могиле самоубийцы ставить не следует. Вот какой это ужасный, неизбывный в своей завершенности грех. И человек, его совершивший, не

«как бы восстает против Бога», а действительно напрямую отказывается от всего доброго в жизни. То есть именно бросает Богу вызов и восстает против Него!

Почему Церковь не молится за самоубийц

Вы спрашиваете, могут ли родственники самоубийцы сделать хоть что-то для его души, хоть как-то облегчить его посмертную участь? На это я могу только ответить вам своим вопросом: а разве можно что-то сделать для того, кто сам этого не хочет? Как вы можете стяжать участь христианина для того, кто сам при жизни отрекся от Бога?!

Конечно, Церковь призывает нас молиться за усопших православных христиан. Призывает потому, что бытие человеческое не оканчивается с окончанием земной жизни и молитва наша - это единственная доступная нам связь, духовная связь с нашими усопшими близкими. Более того, поскольку лишь святым удастся полностью избыть свою греховность еще при жизни, можно даже дерзнуть сказать, что наша искренняя молитва, молитва живых верующих христиан, способна помочь усопшему избыть, в силу безграничной Божественной Любви и молитв святых угодников Божиих за нас - живых и усопших, некоторую его греховность уже за гробом. Но относится это только к тем людям, что прожили свою земную жизнь по большей части в согласии с Заповедями Божиим. Однако нет человека, чтобы за жизнь не согрешил, ибо лишь один Бог без греха. Вот здесь и помогают молитвы нас, живущих, молитвы всей Церкви Христовой. Но думать, что, четко исполняя любое молитвенное правило, возможно вырвать из ада любого закоренелого злодея - без его собственной искренней, сердечной молитвы, без его покаяния при жизни - это уже оскорбление Заповедей Божиих! Тогда получается, что Церковь Христова уже и не Церковь вовсе, а некая оккультно-магическая контра, куда достаточно обратиться за «духовной помощью», выполнить определенные ритуалы, и неважно как ты жил - «пропуск в рай» обеспечен. Это не только противоречит христианскому вероучению, но и прямо оскорбляет Церковь! Те, кто в земной жизни противостоял Богу, сами определили свою участь. И самоубийцы - одни из таких.

Почему некоторых самоубийц все-таки отпевают

Вы говорите, что в некоторых случаях самоубийц все-таки отпевают. Значит, задаете вы вопрос: в принципе, это возможно? Давайте разберемся и в этом вопросе.

Глава пресс-службы Московской Патриархии священник Владимир Вигилянский, комментируя для СМИ вопрос об отношении Церкви к самоубийцам, о возможности отпевания некоторых из них высказался так. По его словам, бывают особые (то есть совершенно исключительные) случаи, когда самоубийц отпевают. В частности, это бывает возможным тогда, когда человек, совершивший суицид находился «в состоянии помраченного сознания», то есть причиной самоубийства стало серьезное психическое расстройство. Такое расстройство могло быть следствием как внезапного помрачения рассудка в связи с некими обстоятельствами, так и длительного психического заболевания.

Вообще к людям, страдающим психическими заболеваниями, Церковь проявляет снисхождение в духовной жизни. Ведь хотя, как все в этом мире, психическое расстройство также посылается попущением Божиим, однако истинные причины сего попущения для конкретного человека никому, кроме Господа, не ведомы. При этом, очевидно, что человек не в состоянии вполне отдавать себе отчет в своих поступках, а значит и вполне распоряжаться своим разумом и волей. Поэтому, так как есть сомнения относительно того, было ли в данном случае решение о самоубийстве осознанной волей и выбором человека, Церковь и допускает отпевание и христианское погребение в виде исключения.

Еще раз подчеркнем, что это особое исключение, а не правило. Такие вопросы в каждой епархии решает исключительно архиерей (епископ). Часто правящий архиерей епархии, иногда, если в епархии есть викарный епископ, то есть архиерей, приданный в помощь для управления епархией правящему архиерею, правящий архиерей может поручить рассмотрение подобных

вопросов ему. В некоторых крупных епархиях, где нет викарного епископа, а у архиерея большая административная нагрузка, правящий архиерей создает для рассмотрения данного вопроса специальную комиссию из духовно опытных священников. Они, вместо архиерея, лично беседуют с родственниками самоубийцы, готовят владыке доклад, изучив который, он принимает решение о возможности или невозможности отпевания в данном конкретном случае. В любом случае, конечное решение принимает именно епископ и, как специально подчеркнул священник Владимир Вигилянский, именно «он берет ответственность за подобного рода отпевание» перед Церковью и Богом.

Таким образом, если в каком-либо случае у родственников самоубийцы нет полной уверенности, что самоубийство было совершено в здравом уме, но есть серьезные основания для того, чтобы говорить о психическом расстройстве самоубийцы, временном или сопряженном с продолжительной болезнью, им следует обратиться в епархиальное управление. Здесь, в зависимости от существующего в данной епархии порядка рассмотрения этих вопросов, им подскажут, как действовать далее.

Учитывая слишком большое количество обращений родственников об отпевании самоубийц, что, увы, не всегда способствует рассмотрению этих вопросов со всей тщательностью, а также и то, что родственники самоубийц нередко обращаются в епархиальное управление в любом случае, даже и не имея серьезных оснований для этого, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви специально подчеркнул, «что здесь необходимо ввести единую практику, дабы избежать злоупотреблений – как в сторону избыточной строгости, так и в сторону неоправданных послаблений».

В чем есть возможность утешения для близких

Итак, пожалуй остался не отвеченным только последний ваш вопрос, самый сложный. Как быть, если родственники самоубийцы все равно, несмотря ни на что, продолжают любить его и чувствуют при этом потребность в молитве? Как сказал на Архиерейском Соборе Святейший Патриарх Кирилл: «В Москве был выработан особый чин молитвы о самоубийцах. Я поручаю Богослужебной комиссии его изучить и, в случае одобрения Священным Синодом, он будет направлен во все епархии для использования». (Впоследствии Церковь утвердила чин молитвенного утешения родственников самоубийцы.) Причем, комментируя это высказывание Святейшего Патриарха на пресс-конференции, посвященной итогам работы недавно завершившегося Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, заместитель управляющего делами Московской Патриархии игумен Савва (Тутунов) специально пояснил, что на Архиерейском Соборе речь шла не об отпевании покончивших с собой, а о составлении молитвы, которая дала бы возможность родственникам покойного помолиться о нем и обрести некоторое утешение. То есть молитва эта составляется именно в заботе о духовном состоянии родственников самоубийцы. Теперь, когда соответствующий чин утвержден, они спокойно могут обратиться в любой храм за молитвенным утешением для себя.

При этом вот что писал недоумевающим о невозможности молиться за «вольных» самоубийц ныне покойный архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Поминать и молиться в церкви о вашей маме (покончившей с собой) нельзя вам, ибо есть каноны, которые преслушать нельзя. Если даже кто-то и даст вам разрешение на молитву в церкви, то это будет во вред и маме, и вам самой, ибо каноны Церкви никто отменить не может».

Возможно имеет смысл поминать близкого человека, покончившего с собой, после поминовения всех других сродников - живых и усопших - при совершении ежедневного молитвенного правила. Это будет и молящемуся духовно полезно, ибо сподвигнет его на труд ежедневной молитвы, и, если такое вообще возможно, по неизреченной Любви Божией как-то преклонит участь усопшего в лучшую сторону. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) советовал поминать в данном случае молитвой старца Льва Оптинского.

Однажды к Оптинскому старцу Леониду (в схиме Льву, скончавшемуся в 1841 году и почитаемому ныне в Соборе святых Оптинских старцев) обратился ученик в неутешном горе о погибшем отце-самоубийце с вопросом, можно ли молиться за него и как. На что святой старец-подвижник ответил: «Вручай как себя, так и участь родителя воле Господней, премудрой и всемогущей. Молись Преплагому Создателю, исполняя тем долг любви и обязанности сыновней по духу добродетельных и мудрых так: «Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего: аще возможно есть помилуй! Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет Святая воля Твоя».

Из характера молитвы, данной святым старцем Львом, мы видим, что и он, разумеется, рассматривает подобное обращение к Богу как некое дерзновение, почему и добавляется в молитве прошение не поставить ее во грех самому молящемуся. Очевидно, что даже и домашняя молитва за самоубийцу - некое исключение, допустимое более для достаточно воцерковленного человека, способного справиться с определенной духовной опасностью, с подобным дерзновением связанной. Почему и требуется на совершение такой домашней молитвы обязательно взять благословение вашего приходского священника (духовника). Вообще подобное благословение лучше брать именно у духовника, либо священника, который регулярно принимает у вас исповедь. Ведь этот батюшка, зная ваше духовное состояние, способен лучше оценить, что может принести вред вашей душе, а что - нет.

Еще большее дерзновение - чтение канона «О самовольне живот свой скончавших», составленного митрополитом Вениамином (Федченковым), что также советует в своих письмах архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Историю его создания рассказывает сам митрополит Вениамин.

«В 1925 году на Сергиевском подворье в Париже - Рю де Крим, 93 - покончил с собой выстрелом один солдат. Он, несомненно, был нездоров умом... У нас его отпевали...

Но, смущенный смертью его на нашей земле, я обратился через одно лицо к преподобному Нектария Оптинскому с вопросом, что нам делать. Он ответил, чтобы я нашел еще двух человек, которые бы согласились в течение сорока дней читать заупокойный канон за солдата, а затем предать его воле Божией.

Разумеется, канон читать нужно было дома, а не за Богослужением в храме. Так мы трое тогда и сделали. После ко мне обращались и другие по этому вопросу, а недавно просили даже отпевать самоубийцу-женщину. Я отказывался, согласно канонам и правилу Тимофея Александрийского, и по внутреннему противлению души моей, но помнил наставление отца Нектария, а также и указание митрополита Новгородского и Петроградского Григория, что можно молиться о самоубийцах в домашней молитве.

Тогда с предварительной молитвою о помиловании нас, молящихся, да не прогневаем Господа, я обратился в канонник, правда, можно и в Октоихе найти заупокойные каноны, но написанный там канон совершенно непригоден был для молитвы о самоубийцах, ибо там говорилось о скончавшихся «благочестиво», «в вере», «в упокоении» и прочее. Все это не подходило к вольным, «не в сумасшествии», самоубийцам. Поэтому нужно было целиком почти переделать все тропари.

Может, кому-либо пригодится...

А меня да помилует Господь за дерзновение такое...»

Итак, сам владыка Вениамин подчеркивает, что составление такого канона - величайшее дерзновение, за которое он будет нести ответственность пред Господом и просит у Господа милости себе за сей поступок. И для любого христианина чтение этого канона - не только значительный молитвенный подвиг, но и величайшая ответственность, сопряженная с опасностью для собственной души. Посему чтение данного канона без благословения духовника просто немыслимо, да, наверное, и не всякому христианину духовник даст подобное благословение. Ведь разве хорошо будет, если человек, упросив духовника, взвалит на себя такой груз, который понести не сможет и который способен надломить саму его душу?

Убийство «руками жертвы»

Следует отметить, что существует и еще некоторый род особых случаев, относящихся к самоубийству. Бывает так, что человека к самоубийству вынуждают, по сути, насильственно другие люди. Но делают они это методами не физического (хотя, наверное, в таких случаях бывают и меры физического воздействия, допустим, побои), а психологического воздействия. Ежедневные утонченные издевательства, унижения личности, человеческого достоинства ломают волю и делают ее собственностью другого человека. В российском уголовном кодексе есть даже специальная статья – «Доведение до самоубийства». В нашей стране это - уголовное преступление.

Если уж светское общество признает подобное преступлением со стороны глумящегося, то, понятно, что Церковь тоже должна считать такое «убийством руками самой жертвы», и грех, очевидно, вменяется именно тому, чьей волей это убийство совершилось. Однако есть здесь одна сложность.

Все дело в том, что жертвы доведения до самоубийства очень часто никому не сообщают об издевательствах над ними, так как полностью находятся в воле своего мучителя. Иногда они просто не осознают своего пагубного положения, считая себя виноватыми во всем. А иногда боятся мести со стороны злодея... Так или иначе, но внешне жертва может вести себя как обычно, и даже родные могут не замечать перемены в человеке. И вдруг - самоубийство. При этом никаких признаков физического насилия над человеком нет, родственники никаких фактов психического расстройства покойного представить не могут... Понятно, что если нет достоверных свидетелей, таких, допустим, как духовник почившего, который, не раскрывая самой тайны исповеди, сможет подтвердить на основании поверенного ему самим покойным, что того, скорее всего, довели до самоубийства, архиерей почти наверняка вынужден будет отказать в отпевании. Да и сами родственники в этой ситуации могут только подозревать доведение до самоубийства, а уверенными ни в чем быть не могут.

Возможно, чтение канона «О самовольне живот свой скончавших» особенно имеет смысл в подобной ситуации. Но даже и в этом случае брать на себя такой молитвенный подвиг следует исключительно по благословию духовника. Вот что пишет об одном из таких случаев архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

«Чтобы не погрешить нам пред Богом и не стать самочинниками, надо молиться вам за усопшего только дома, постоянно читая о нем молитву старца Оптинского Льва, а также канон «О самовольне живот свой скончавших».

У Господа нет мертвых, и тайну смерти сего усопшего знает Господь. Если стал он жертвой злоумышленников, то Церковь о таких молится и вменяет им их кончину в мученичество.

У Господа неправды и несправедливости не будет, нам же надо оставаться пред завесой тайны и исполнить волю Божию в тех пределах тайны, что доступна нам. Подавайте за усопшего милостыню и читайте канон, преклонив главу пред Божиим велением».

О милостыне и поминках

Вообще милостыня, пожалуй, самое канонически верное и единственное доступное каждому поминовение о самоубийце. Ведь благое дело не воспрещено, а, наоборот, предписывается христианину творить при любой возможности. Наверное, не будет худого и в том, если родственники самоубийцы будут подавать милостыню в его память. Единственное, чего они не в праве при этом делать, так это просить, подавая милостыню, молитв за такого усопшего в храме... Что же касается личной домашней молитвы принявшего милостыню за самоубийцу - это дело исключительно самого принявшего. И здесь родственники самоубийцы также ни на чем настаивать не вправе!

Если же говорить о поминках, что устраивают родственники на третий, девятый, сороковой день, то ведь подобные поминки устраивают и люди вовсе неверующие, даже

атеисты... Какова будет от этого польза усопшему - мы не ведаем. Возможно ведь, что неверующие родственники «по традиции» устроят поминки по своему глубоко верующему усопшему сроднику. Нам вроде кажется, что это и бесполезно - только вино будет литься рекой, а столь нужной для усопшего поминальной молитвы не воспоследует. Однако можем ли мы узреть Промысел Божий? Вдруг да волей Божией на этих самых поминках, как бы случайно, окажется один верующий человек, чья праведная молитва об усопшем с лихвой восполнит все недостающие молитвы его неразумных сродников?

Коли родственники устраивают «светские» (а других и быть не может) поминки о самоубийце, как возможно им запретить это? Ведь у людей горе, и покойного они по-прежнему любят. Однако, учитывая изложенное выше, в данном случае поминки, наверное, в гораздо большей степени, чем даже обычно, должны представлять собой дела милосердия и раздачу милостыни. А может быть вообще отказаться от поминального обеда на третий, девятый, сороковой дни и години? Средства же, что могли бы быть потрачены на эти обеды, израсходовать на продукты для неимущих или передать благотворительным организациям, столовым для бездомных. В любом случае, решить это должны сами близкие.

Надеюсь, что в столь объемной статье я ответил на большинство вопросов, касающихся отношения Церкви к самоубийцам, и вы более не будете недоумевать, почему Церковь к ним так «жестока». Как видите, несмотря на отказ погребать самоубийц по-христиански и молиться за них как за христиан, Церковь в своей духовной практике все же оставляет некоторое, правда весьма минимальное в связи с тяжестью содеянного, утешение для родственников умершего. О конечной же участи самоубийц наверняка знает только Господь. Но, увы, весьма и весьма вероятно, что участь их за гробом незавидна. И это должно остерегать всех нас, живущих в этом мире, от необдуманных и греховных богопротивных поступков!

СВЯТОЕ ОЗЕРО СВЕТЛОЯР

За городом Семеновым Нижегородской области некогда шел натоптанный проселок, напрямик ведущий на озеро, о котором много говорили и писали во все времена. Если выйти утром и идти не отдыхая, то уже к вечеру среди равнины покажутся холмы. Те холмы всегда звались горами. На горах и лежит чаша чистой прозрачной воды - озеро Светлояр. Легендарное озеро...

В 1238 году полчища монголо-татар захватили и пожгли город Владимир. Путь к Волге был открыт. Грезя видением богатств несметных, направились они зорить волжские города. Первым на их пути лежал Городец. Под покровом ночи Батыево войско переправилось через реку, а наутро навязало городу бой. Сгорел град. До сих пор, если копнуть поглубже, черная отметина в земле имеется.

Град-то сгорел, а войско защитников исчезло бесследно. Батый приказал найти его, иначе спокойного сна ему не будет. Не обошлось без предательства. Один из городских дружинников, попавший в плен, не выдержал пыток и повел Батыево войско к тайному городу, что стоял в глухих лесах при озере. Гришкой Кутерьмой того предателя звали. Вел Гришка Батыево войско к граду Китежу. Точно вывел. До сих пор та тропа Батыевой зовется.

Разгорелась сеча. И уже, было, потеснили враги войско русского князя, но тут по молитвам китежских старцев свершилось чудо. Чтобы не был порушен православный град, чтобы не осквернили злые нехристи храмы Божии, расступилась земля, и упал град Китеж под воду. Разнеслась весть о непобедимом городе по всей Руси.

И хотя предания о граде Китеже не всегда исторически точны, например, по этим преданиям святой благоверный великий князь Владимирский Георгий Всеволодович принял последний бой у стен града Китежа, хотя совершенно достоверно установлено, что святой князь пал в битве с монголо-татарами на реке Сити, тем не менее, сказания о Китеже всегда глубоко почитались в православном народе. Для русского православного человека Китеж – это символ стойкости в вере, готовности погибнуть, но не отречься от Православия. Поэтому благоговейное отношение к озеру в народе сохранялось даже и в советские времена, когда к любым религиозным убеждениям в атеистическом государстве относились крайне враждебно.

С 1965 года Светлояр находится под охраной государства. А в 1998 году он стал памятником природы федерального значения. Менялись времена, менялось и отношение к озеру.

На берегах Светлояра побывало множество паломников, десятки научных экспедиций. Православные приезжали к святому месту, ученые его исследовали, кто-то собирал легенды об озере, ну а кто-то пытался отыскать следы города, ушедшего на дно.

На сегодняшний день известно, что в этих местах идет разлом земной коры, а само озеро - карстового происхождения. Не исключено, что когда-то здесь случилось небольшое землетрясение, и образовался карстовый провал. В пользу этой гипотезы говорит глубина озера, которая доходила до 30 метров.

Удивительна вода Светлояра. Она может многие годы храниться в сосуде, не теряя чистоты и исключительных вкусовых качеств. Озеро таит еще много загадок.

Для православных озеро Светлояр - это, прежде всего, место паломничества, к которому следует относиться благоговейно. Особый день на Светлояре - 6 июля (23 июня по старому стилю) - **праздник Владимирской иконы Божией Матери.**

В селе Владимирском, что стоит недалеко от озера, 6 июля - престольный праздник. Съезжается много народу. Крестным ходом идут верующие от Владимирской церкви (по имени храма, что стоит в селе с 1766 года, оно и названо Владимирским) до берега озера, где служится молебен.

Возле озера, на холме расположена деревянная часовня - иконы Казанской Божией Матери.

Рядом с часовней лежит Богородичный камень, некоторые называют его «Божьим камнем», считая, что след на нем оставила Пресвятая Богородица. Краеведы называют такие камни «Следовиками». Они очень почитаемы на Верхней Волге – считается, что следы на них могут оставлять только Святые.

Недалеко от озера, в пойме лесной речки Кибелек находится святой ключик, освященный в честь св. вмч. Георгия Победоносца и «Могилка Трех Старцев». История ключа овеяна преданием. Град Китеж защищали три богатыря. Они вышли вперед, чтобы встретить врага. И тут случилось несчастье: конь младшего богатыря застрял в болотце около самого ручейка. Как ни подгонял его богатырь, конь никак не мог вытащить ног. Решили богатыри здесь бой принимать. Много полегло татар, но силы были неравными – богатыри погибли. Из того места, где они стояли насмерть, пробился ключик холодной чистой воды.

Увы, испокон веков у берегов Светлояра отирались «религиозные проходимцы» всех мастей: сектанты, чернокнижники, доморощенные философы...

Мы, православные, не должны позволять присваивать наше святое озеро различным сектам и оккультным учениям. Светлояр дорог православному сердцу еще и тем, что это озеро – общая святыня для всех православных: как для находящихся в лоне Русской Православной Церкви, так и для старообрядцев.

Озеро Светлояр – это то, что нас, православных, объединяет. На мой взгляд, было бы замечательно, если бы на берегу озера, кроме православного новообрядного, существовал бы и единоверческий приход Русской Православной Церкви. Такой шаг стал бы еще одной вехой на пути сближения со старообрядчеством.

Как бы хотелось, чтобы легендарное озеро Светлояр стало не только символом стойкости в вере, но и символом единства Православия, символом преодоления многовекового раскола!

Материал подготовил Дмитрий Угрюмов

**ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОКОЛЕНИЯ БОРЦОВ
(1946 – 2010)**

Пять лет назад, 1 марта 2010 года, на 64 году жизни скоропостижно скончался известный нижегородский православный поэт, журналист, общественный деятель и правозащитник **Владимир Иванович Жильцов**, жизнь которого схожа с судьбами многих честных и незаурядных людей его поколения. Об этом удивительном человеке его родные, друзья и коллеги всегда будут вспоминать с огромной теплотой и любовью.

Владимир Иванович Жильцов родился 28 июня 1946 года в селе Пителино Рязанской области. С золотой медалью окончил среднюю школу в городе Елатьма (Рязанская область), Балахнинский техникум атомной энергетики. Перед окончанием историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского был привлечен к уголовной ответственности за свои политические убеждения по так называемому «университетскому делу» вместе с группой молодых людей, которые считали господствовавший тогда советский строй лживым и безнравственным, а в качестве своего девиза избрали лозунг: «Свобода от совести — наихудшая из всех тираний!»

С этого «дела» началась публичная деятельность Владимира Ивановича Жильцова как общественного деятеля и правозащитника. В 1969-1973 гг. он политзаключенный. Реабилитирован в 1990 году, дело было признано полностью сфабрикованным по политическим и идеологическим соображениям.

До своей реабилитации вынужден был трудиться плотником, каменщиком, бетонщиком, монтажником на стройке, грузчиком, почтальоном. После того, как добился возможности защитить дипломную работу на историко-филологическом факультете Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского по специальному разрешению от КГБ СССР, работал учителем русского языка и литературы.

Профессиональный журналист, он работал в газетах «Рабочая Балахна», «Нижегородские новости», «Метро» и др. Как искренне верующий, православный человек был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения нижегородской православной церковной журналистики.

В 90-е годы XX века и в начале XXI века был редактором двух газет Нижегородской епархии: «Православное слово» и, позднее, «Нижегородские епархиальные ведомости».

С детства писал стихи. Первая публикация - в 1962 году. Член Союза писателей России - с 1998 года.

Его авторские поэтические сборники: Тихий свет, стихи, Н. Новгород, 1996; Черемуховые холода, стихи, г. Арзамас, 2001; Здравствуй, осень... стихи, Н. Новгород, 2001; Горькая нежность, стихи, Н. Новгород, 2003; Лисичкин хлеб, избранные стихи, Н. Новгород, 2006; Серебряный дождь, стихи, Н. Новгород, 2006; Земные календари, стихи, Н. Новгород, 2009.

В последние годы своей жизни являлся председателем правления Нижегородской областной организации Союза писателей России, секретарем правления Союза писателей России.

Вообще общественная деятельность всегда занимала особенное место в жизни Владимира Ивановича. В 90-е годы он был избран депутатом Нижегородского областного совета. Впоследствии был избран и до конца своей жизни оставался председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Губернаторе Нижегородской области. С его активным участием удалось добиться восстановления прав многих бывших жертв репрессий.

В том числе и его стараниями, Комиссии удалось, совместно с Нижегородским областным архивом, выпустить десять томов "Книги памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области", благодаря которой память о жертвах сталинского бесчеловечного террора (в том числе, и в отношении священнослужителей), а также память о тех, кто был уничтожен в первые годы Советской власти, в частности, за свои православные религиозные убеждения, навсегда сохранится в истории и памяти потомков.

Заветной мечтой Владимира Ивановича Жильцова был выход книги с именами всех репрессированных в безбожные годы Советской власти священнослужителей. Он уже начал работу над этой книгой, но, в силу разных обстоятельств, впоследствии вынужден был отказаться от этой работы. Надеемся, что другие завершат этот достойный и совершенно необходимый сегодня труд.

Владимир Иванович Жильцов тесно сотрудничал с Волго-Вятским отделением Международной Славянской академии при проведении поэтических концертов в рамках Рождественских Дней Православной культуры и Дней Славянской письменности и культуры, его стихи периодически публиковались в сборниках «Ученых записок ВВО МСА». Был он и в селе Оранки, где встречался с репрессированной в 50-е годы XX века уроженкой села Кибиревой Екатериной Николаевной.

*Как у нас в Рязани пироги с глазами:
Их качают, их едят, а они себе глядят...*

Эти строки - народную рязанскую поговорку - Владимир Иванович избрал в качестве эпиграфа к одному из своих стихотворений. Моя бабушка, тоже достаточно многое пережившая в своей жизни, когда их прочитала, то сказала: "Да, этот человек не просто понимает жизнь - он ее чувствует!" И, хотя к тому времени он уже подписал мне свой сборник, попросила меня подписать у Владимира Ивановича еще один экземпляр - специально для нее. Владимир Иванович подписал...

В этих двух строках - вся трагедия России. Мы не терпим гражданской и политической свободы, потому что не умеем жить при ней «по-Божески», но как только приходит «железная рука» - начинаем с ней бороться, вновь ища свободы, потому что она, эта рука, «зачищает» всех «нестандартных».

Владимир Иванович Жильцов, безусловно, был «нестандартным» - и «система» «зачищала» его «по полной программе». Точнее даже, самые разные «системы»...

С бывшими диссидентами-политзаключенными бывает непросто: привыкнув отстаивать правду до конца, они не всегда умеют пойти даже и на разумный, необходимый компромисс. Но у Владимира Ивановича присутствовала прекраснейшая черта: он всегда искал правду, правду совести. Ведь «свобода от совести - наихудшая из всех тираний!»

Я, как человек совсем нового, постсоветского поколения сказал бы о Владимире Ивановиче словами «нашего» поэта и музыканта Андрея Макаревича:

*Он пробовал на прочность этот мир каждый раз -
Мир оказался прочней.*

А еще бы добавил слова тоже «нашего» православного поэта и музыканта Игоря Талькова:

*Поэты не рождаются случайно,
Они летят на землю с высоты,
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты.*

*Глаза таких божественных посланцев
Всегда печальны и верны мечте,
И в хаосе проблем их души вечно светят тем
Мирам, что заблудились в темноте...*

*Они уходят, не донев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш:
Актеры, музыканты и поэты –
Целители уставших наших душ.*

Так будем же благодарны Богу за то, что Он иногда посылает нам таких «гонцов», каким, без сомнения, был и Владимир Иванович Жильцов. Вечная ему память!

*Материал подготовил Дмитрий Угрюмов,
член Союза журналистов России,*

**ПОДВИЖНИК БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА
(1955 - 2011)**

*«Библиотеки важнее всего в культуре.
Может не быть университетов, институтов,
научных учреждений, но, если есть библиотеки,*

*если они не горят, не заливаются водой,
имеют помещение, возглавляются не случайными людьми,
а профессионалами, – культура не погибнет в такой стране».*
Д. С. Лихачев

Эти слова в полной мере можно отнести к **Вере Ивановне Бухаровой**, которая всю свою жизнь посвятила библиотечному делу нашего края, его организации и продвижению, сохранению лучших его традиций.

Вера Ивановна родилась в 1955 году в с. Криуши Починковского района Нижегородской области. После окончания Горьковского культпросветучилища приехала в Богородск, где начала свой трудовой путь. Работала библиотекарем, затем заведующей городской библиотекой, в 1980 году возглавила методическую службу централизованной библиотечной системы Богородского района, а в 1994 стала её директором.

На всех ступеньках своего карьерного роста она проявляла себя как инициативный, энергичный, ответственный, болеющий душой за своё дело человек. Процветание библиотек было одной из жизненно важных для неё задач. Знаменитые слова А.П. Чехова можно перефразировать следующим образом: «В библиотеке все должно быть прекрасно...». Это и отремонтированные помещения, и четко организованная внутренняя, невидимая для читателя работа библиотеки, и регулярное поступление новых книг и периодических изданий в фонды библиотек, и хорошо образованные и профессионально грамотные сотрудники, и многое другое. А самое главное – в библиотеках должны быть читатели, и всем им нужно создать комфортные условия для чтения, получения информации, проведения свободного времени, реализации творческих планов.

По мнению Веры Ивановны, каждая библиотека должна иметь свою отличительную черту, найти свою «изюминку». И находили, проявляя творчество, приобретая новые знания, совершенствуя профессиональные навыки. Библиотеки расширили свои функции и стали работать как центры краеведческой, экологической информации, центры чтения. Мы в числе первых стали участвовать в областных программах по компьютеризации библиотек.

Участие в профессиональных конкурсах стало традицией для библиотек системы. И во многих мы становились призерами и дипломантами. В 2005 году Центральная детская библиотека победила в конкурсе творческих проектов «Читающий город», и Богородск стал стартовой площадкой для проведения областного фестиваля «Читающий город». В 2006 году Центральная библиотека получила диплом лауреата Всероссийского смотра-конкурса работы библиотек по экологическому просвещению. Если продолжать, этот список будет очень длинным.

В 90-е годы началось возрождение Русской Православной Церкви, её приходов, храмов и монастырей, а вместе с ней и духовное становление нашего общества. Библиотеки одними из первых откликнулись на это явление. И не случайно, так как духовно-нравственный аспект лежит в основе любого направления библиотечной работы: патриотического экологического, эстетического, краеведческого и др.

В 1995 году в Богородском районе зародилась хорошая культурная традиция – проведение Дней славянской письменности и культуры. Вера Ивановна была одним из организаторов и вдохновителей этого мероприятия. Праздник проходил в селе Оранки, где в те годы начиналось восстановление Оранского Богородицкого монастыря. Это мероприятие было поистине праздником русской культуры. Оно объединило людей различных возрастов,

социальных категорий, взглядов, увлечений, всех, кто начинал понимать, что наша страна становится на иной путь развития, ведущий её к возрождению и процветанию.

*Архимандрит Тихон (Затекин) и В.Т. Бухарова
на конференции в апреле 2011 года*

Духовно-нравственное воспитание стало одним из важнейших моментов в деятельности библиотек. Это не только Дни славянской письменности и культуры, но и Оранские чтения, историко-краеведческие конференции, Дни православной книги, вечера духовной поэзии и музыки «Покровские встречи» и множество других мероприятий. Традиции, заложенные Верой Ивановной, продолжают жить и развиваться. В 2013 году в четырёх сельских библиотеках Богородского района открыты Уголки православной культуры.

В 2011 году Вере Ивановне было присвоено звание «Заслуженный работник Российской Федерации». В этом же году её не стало. 16 ноября Вера Ивановна ушла из жизни, но память о ней осталась в её делах, свершениях, поступках, а главное - в сердцах людей.

«Она объединяла нас, таких разных...», – сказал о ней богородский поэт Иван Ломалов. Да, она могла сплотить людей, заинтересовать, увлечь, повести за собой, так как обладала большим даром человеколюбия, посланным ей свыше.

16 ноября 2014 года исполнилось три года, как нет с нами Веры Ивановны. Но память о ней навсегда останется в наших сердцах.

***Материал подготовила Татьяна Скучихина,
заведующая методико-библиографическим отделом
Центральной библиотеки МБУК «Богородская РЦБС Нижегородской области»***

ОТЕЦ И СЫН СТЕПАНОВЫ

В ноябре 2014 года исполняются две юбилейные даты в нашей семье: 7 ноября – 120 лет со дня рождения моего дедушки – Степанова Якова Константиновича, а 26 ноября – 95 лет со дня рождения моего отца – Степанова Ивана Яковлевича.

Они похоронены рядом на оранском сельском кладбище, так как являются уроженцами села Оранки, а дедушка жил в нем до самой смерти в 1971 году.

Мне хочется немного рассказать о моих близких родственниках – отце и сыне Степановых, незаурядных людях и патриотах своего села, листая страницы семейного архива...

Яков Константинович Степанов родился **7 ноября 1894** года в семье оранского крестьянина-бедняка Степанова Константина Федоровича.

«С молодых лет его отец Константин, наделенный острым умом и мятущейся душой, искал пути к познанию причин неустроенности деревенской жизни. Выросший в бедной крестьянской семье, познавший деревенскую нужду во всей ее неприглядности, он близко познакомился с сельскими учителями, которые смогли открыть ему глаза на действительную причину угнетения бедных слоев деревни.

Константин Степанов с жадностью читал революционную литературу, которую получал от сельских учителей. Вместе с этим, бывая в Нижнем Новгороде, Степанов без сомнения, встречался с рабочими, в том числе с сормовскими забастовщиками, перенимал от них революционный дух, ненависть к угнетателям. Обладая от природы пропагандистскими способностями и умением душевно говорить с людьми, являясь человеком энергичным и смелым, Степанов стал активно вести среди крестьян Оранок революционную агитацию, резко критиковал царское самодержавие».

Так о своем дедушке Константине Федоровиче писал в своей книге «История села Оранки» его внук – Степанов Иван Яковлевич, который был таким же искренним коммунистом, как его дед – первый председатель Алистеевского волисполкома после революции.

Но это отдельная история...

Яков Константинович Степанов не разделял революционных идей своего отца. Он был обычным крестьянином, стремившимся жить за счет собственного труда.

В 1913 году Яков Степанов женился на своей односельчанке Клавдии Николаевне Кибиревой, старшей дочери сельского урядника и глубоко верующего христианина Николая Андреевича Кибирева.

Я.К. Степанов с женой К.Н. Кибиревой . 1913 год

Клавдия Николаевна, моя бабушка, была тоже верующей женщиной до самой смерти в 1977 году, несмотря на все гонения на религию, как ее отец и мать Мария Ивановна, которую в 1922 году отпевал сам архимандрит Аркадий (Антуфьев), ярый антагонист Константина Федоровича Степанова.

Вот как замысловато переплелась история Оранского Богородицкого монастыря с историей нашей семьи.

В семье Якова и Клавдии Степановых родилось четверо детей: старший сын Леонид 1914 года рождения, средний сын Иван 1919 года рождения, дочь Софья 1922 года рождения и младший сын Николай 1926 года рождения. Семья жила в большом доме, построенном в 1920 году Константином Федоровичем из монастырского леса, реквизированного после революции. Жили все вместе: Константин Федорович с женой Евгенией и взрослой дочерью Февронией до ее замужества и Яков Константинович с женой и малолетними детьми.

Яков Константинович, в отличие от своего отца – «пламенного революционера» (которого, кстати, исключили из партии в 1923 году его же соратники-коммунисты), стремился «иметь синицу в руке», а не искал «журавля в небе». После неудачной попытки работать в сельскохозяйственной коммуне «Пчела», организованной по инициативе его отца в 1919 году, он стал надеяться только на свои силы и превратился в типичного крестьянина-единоличника.

Вот как вспоминает о своем детстве Иван Яковлевич Степанов:

«Я родился в семье крестьянина села Оранки, до 17-летнего возраста жил в деревне, занимался земледелием. Мой отец, Степанов Яков Константинович, типичный крестьянин-труженик среднего достатка. Считаю необходимым высказать свои суждения о том времени и событиях, которые помню.

Я помню, когда наше крестьянское хозяйство было единоличным. Отец имел одну лошадь, две коровы, несколько овец. Государством ему был выделен участок земли в том месте, где размещалась артель «Пчела», то есть на «Якимовой горе», «Чуварлейке» и «Репищах». Здесь же находились участки земли и других бывших членов артели «Пчела».

...Как же обеспечивал отец свою семью сельхозпродукцией продукцией? Семья состояла из 8 человек (мама, папа, дедушка, бабушка и четверо детей – Леонид, я - Иван, Софья и Николай). Отец на своей земле сеял зерновые: рожь, овес, гречу, просо, горох. Картошку сажали на приусадебном участке. Овощи: огурцы, помидоры, морковь, свеклу, брюкву, капусту и др. - выращивали на своем огороде. Данной продукции нам хватало в достаточной мере. Обрабатывали землю при помощи лошади, железного плуга и бороны. Сеяли зерновые сеялкой, обмолот производился конной молотилкой, имелась ручная веялка.

Основным продуктом на столе был ржаной хлеб. Рожь, которую получал отец со своей земли, он молот на водяной мельнице на реке Сычуг, принадлежавшей Морякову («Нужде»). Хлеб из этой муки пекла мама. Как сейчас помню, какой вкусный, душистый был этот хлеб. Из этой же муки она стряпала лепешки, кокурки, пироги. Все это мы, особенно дети, любили кушать вместе с молоком, и лучшего питания не знали. Пшеничный, белый хлеб у нас появлялся редко. Его, а также калачи, баранки покупали иногда в частной лавке А.В. Марахова или в Богородске, куда отец ездил продавать мясо, масло, дрова. Каждый день мама варила картошку, которую кушали вместе с солеными огурцами и квашеной капустой с растительным маслом. Готовила ежедневно щи, суп (похлебку), иногда мясные, особенно зимой и осенью.

Из этого видно, что семья вела почти натуральное хозяйство. Покупали на деньги лишь растительное масло, сахар, соленую рыбу – селедку, а больше всего – тарань (тарашку). Из промышленных товаров покупали ситец, сатин, рубчик, из которых шили рубашки, платья, штаны. Покупали также мыло, соль, спички, керосин. Готовых рубашек и платьев не покупали. Поскольку отец у нас был сапожник, он шил для нас сапоги, сандалии. В лаптях мы не ходили, как ходили большинство наших сверстников. Зимой нам валяли из шерсти валенки. Верхнюю одежду шили в большинстве из овчины: шубы или полушубки - а также из рубчика на вате – полупальто (пиджаки).

Все это шили деревенские портные, в большинстве заказы мы делали Парушину Александру. Нам нравилось, как он изготавливает заказ.

Товарного зерна или муки у нас не было. Откуда же мы получали деньги? Зарплату отцу никто не платил, а деньги нужны были для покупки необходимых товаров и продуктов, о которых я говорил. Основным источником доходов было животноводство: у нас было две коровы, несколько овец и кур.

Продавали молоко кому-то из учителей. Для переработки молока мы приобрели, вернее, взяли в аренду сепаратор в местном кредитном обществе. Полученные сливки сбивали в масло при помощи ручной маслобойки. Часть масла и яиц продавали на селе, а часть везли на рынок в Нижний Новгород, Богородск, Дальнее Константиново.

Помню, как мать заставляла меня сбивать масло, а потом свежим маслом намазывала кусок черного хлеба и давала мне и другим детям. Больше нам не полагалось: масло шло на продажу.

Скот кололи поздней осенью или зимой, и мясо везли продавать в Нижний Новгород или местным жителям. Мясо и мясные отходы мы употребляли только в это время и, надо сказать, в ограниченном количестве, а яиц и масло почти не употребляли.

Овечьи и коровьи шкуры продавали или меняли на овчины и кожаные подметки, подошвы и другие кожаные изделия.

Так жили в Оранке крестьяне среднего достатка, их было большинство. Но много было и бедноты, которые жили значительно хуже. Часть из них уходила на заработки в город, а часть нищенствовала. Богатых были единицы – это, в основном, торговцы»

Но в 1930 году Якову Степанову, как и большинству крестьян-единоличников, пришлось вступить в колхоз - не по своей воле, а из-за страха раскулачивания.

Снова обращаемся к книге Ивана Яковлевича Степанова:

«Жители села из числа бедноты и батраков высказывали свое пожелание вступить в колхоз, фактически подавали заявления об этом. Однако большинство крестьян относилось с недоверием к колхозам. Это были крепкие крестьяне-середняки. Им было жалко расставаться нажитым тяжелым трудом имуществом и скотом. К ним относился и мой отец – Степанов Яков Константинович.

Я помню такую сцену. Вечером отец лежит на печи, мама что-то делает за столом. Она говорит: «Отец, иди, запишись в колхоз, а то раскулачат и выселят куда-нибудь». Отец молчит, мама от него не отстает и предлагает записаться. Отец был вспыльчив и горяч: он разрядился матерным ругательством и стал бросать в нее находившиеся на печи валенки.

Но вскоре отец все-таки подал заявление о вступлении в колхоз - это было зимой. Прошло какое-то время. Весной он достал где-то газету со статьей Сталина «Головокружение от успехов». Обращаясь ко мне, сказал: «Иван, смотри, ведь не обязательно вступать в колхоз, можно и без него прожить». Он забрал заявление и еще год единолично вел хозяйство».

И все-таки ему пришлось снова вступить в колхоз, так начались раскулачивания и зажиточных крестьян.

«Крестьяне были напуганы таким оборотом дела. Подавляющее большинство крестьян-середняков валом пошли в колхоз, в том числе и Степанов Яков. Помню, как отец и мать, да и все дети переживали, отдавая лошадь и имущество в колхоз. Отец запряг лошадь Стешку в телегу на железном ходу (телега была особой гордостью отца, которую ему сделал за год-два до этого события кто-то из местных умельцев, выкрасил бордовой краской; телега была легкой и удобной), положил в нее плуг, борону, зерно и тронулся на конный двор колхоза. Отец заплакал, остальные тоже плакали.

Так началась наша колхозная жизнь. Остальные крестьяне села также привезли орудия производства и сдавали в колхоз вместе с лошадьми. Конный двор располагался в монастыре. Первое время была большая неразбериха в сельскохозяйственном производстве. Люди знали, что делать в своем личном хозяйстве, привыкли к нему и оберегали его, стремились развивать. А здесь одним махом объединили всех в одно хозяйство, где, как слепые котята, колхозники барахтались, не понимая, кто за что отвечает. Здесь большое значение имело то обстоятельство, кто был руководителем хозяйства: многое зависело от его честности и организаторских способностей.

Яков Степанов был назначен бригадиром колхоза, за эти годы привыкал к коллективному труду, становился активным коллективистом, прививал навыки коллективизма членам бригады. Помню его замечание одному колхознику-лодырю: «Ты нас, Сенька, оголодишь, а не только себя». Я помню, как много получала наша семья: мы засыпали зерном в амбаре все суеки полностью. В нашей семье работали отец, мать и я - подросток.

Кроме зерна с колхозного огорода мы получили на трудодни капусту, огурцы, морковь, помидоры. Питание и жизнь колхозников была примерно такой, как до колхозов, о чем я писал. Что касается бедноты, безлошадников, то они стали жить лучше, сытнее. Жизнь добросовестных, трудолюбивых крестьян уравнилась».

Это было в 1935-37 годах, когда особенно усилились репрессии против крестьян-единоличников

В этот период был арестован мой прадед Николай Андреевич Кибирев, который проходил по одному делу со священником села Ивановское, бывшим иеромонахом Оранского Богородицкого монастыря Нектарием (Семеновым). А его зять, мой дед Яков Константинович, был привлечен в качестве свидетеля.

Мне довелось читать протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, и я вздохнула с облегчением, когда не увидела обвинительных показаний своего деда против арестованного тестя.

В это же время Иван Степанов, закончив сельскую школу в селе Хвощевка, поступил в Горьковский авиационный техникум, который окончил незадолго до Великой Отечественной войны. По распределению он был направлен технологом в Сибирь – на Иркутский авиационный завод.

И.Я. Степанов с матерью. 1940 год

Там его и захватила война. Как убежденный комсомолец, отец сразу же написал заявление в райвоенкомат с просьбой послать его на фронт добровольцем.

Но его направили на Дальний Восток, где была угроза нападения японской армии на Советский Союз, и целый год он прослужил в резервной армии. А потом Ивана Степанова призвали на службу в органы НКВД. И прослужил он в этой системе верой и правдой до 1971 года, закончив службу в звании подполковника КГБ со знаком «Почетный чекист».

Только в 1985 году он мне признался, что всю жизнь занимался делом, которое ненавидел.

А вот его отца, Якова Константиновича, почти в 50-ти летнем возрасте, призвали в ряды Красной армии и отправили в 1942 году на фронт рядовым в зенитные войска.

Он выполнил свой солдатский долг, дойдя до Таллина, а после войны снова вернулся в свое село Оранки, возобновив работу в колхозе.

Наверное, он надеялся, что после войны и Победы положение колхозников, которые до войны не имели даже паспортов, улучшится. Ведь трудились в колхозах от зари до зари, в основном, женщины и подростки: ведь только в село Оранки с войны не вернулось 120 мужчин.

Я.К. Степанов с женой и сыном Николаем в 1942 году

Но в 1952 году, не выдержав бесчеловечного отношения государства к колхозникам, задавленным непосильными налогами, он вышел из колхоза и уехал к своему сыну Ивану в Сибирь – в Красноярск, где тот работал в Управлении МГБ.

К этому времени его сын Иван женился на уроженке Бодайбо, сибирского города шахтеров и приискателей – Евдокии Ивановне Дубенской. Что интересно, во время сталинской реформы ее родители переехали в Сибирь из Сергачского уезда Нижегородской губернии, а отец работал на знаменитых Ленских приисках мастером.

В 1948 году в семье Степановых родилась в городе Иркутске, где Иван и Евдокия работали в органах государственной безопасности, дочь Татьяна, а в 1953 году в Красноярске, куда их перевели на работу в Управление МГБ, родилась дочь Елена.

Именно с Красноярском связаны мои первые воспоминания о любимом дедушке Якове, которого я всегда называла «деденькой».

Яков Константинович был и очень хорошим сапожником, поэтому стал зарабатывать сапожным ремеслом. Ему удалось скопить денег на строительство еще одного деревянного двухэтажного дома на окраине Сормова для своих двух сыновей – Леонида и Николая. Этот дом сохранился и до сих пор: в нем теперь живет правнучка Якова Константиновича с семьей.

Также сохранился и тот дом, который построил в 1920 году Константин Федорович Степанов в селе Оранки напротив Оранского Богородицкого монастыря.

В нем жили дедушка с бабушкой, их дочь Софья с семьей. В этом доме, столь любимом моим отцом Иваном Яковлевичем, я проводила все свои летние каникулы, начиная с трехлетнего возраста

Я помню хорошо стук сапожного молотка из амбара, где дедушка чинил обувь на всех жителей села Оранки. У дедушки был большой яблоневый сад – около 30 деревьев, несколько ульев с пчелами. Они с бабушкой держали небольшое стадо овец, которое мы, дети, вечером загоняли во двор. Лето в Оранках – самое лучшее время моего детства, которое я буду помнить всю свою жизнь.

В этом доме встретили свой последний час дедушка Яков Константинович, бабушка Клавдия Николаевна, тетка Софья Яковлевна,

В нем я прожила свои не самые простые годы своей жизни в 1998 – 2000 годах, и не только летом, но и суровой зимой. Мне пришлось в нем принять последний вздох своей матери 13 ноября 1999 года. Из него выносили гроб с телом моего отца в 2001 году.

Иван Яковлевич Степанов в 80-е годы XX века.

Мой отец в течение десяти лет (1987 -1997 гг.) скрупулезно собирал материалы по истории своего любимого села Оранки: искал документы в Центральном архиве нижегородской области, общался с односельчанами, собирал воспоминания оранских краеведов. В результате он написал объемный труд «История села Оранки Богородского района Нижегородской области». Он очень любил свое родное село и был его настоящим патриотом.

А еще он был очень добрым и порядочным человеком, хорошим семьянином, любящим отцом и дедом. Поэтому не просто так его внук Алексей вдруг решил при смене паспорта взять фамилию своего дедушки Ивана Яковлевича – и фамилия Степановых получила свое продолжение, надеюсь, на долгие годы.

СЕРБСКАЯ КУХНЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Сербская кухня очень схожа с болгарской кухней.

Как и болгары, сербы широко используют овощи, свинину, баранину, дичь, различные виды рыб, брынзу, кашкавал, йогурт, пряности, приправы. Многие блюда имеют одинаковые названия с болгарскими, почти одинаковую технологию приготовления. Таковы, например, таратор, повечи (по-сербски - бувеч), банница (по-сербски - гибанница) и некоторые другие.

В то же время сербская кухня имеет и свое своеобразие. В сербской кухне, для приготовления блюд более широко применяется свиной жир (смалец). И в этом она имеет сходство с венгерской кухней.

Отличие сербской кухни и в том, что неизменным компонентом многих блюд является каймак. Настоящий каймак готовится следующим образом. Молоко кипятят и разливают в широкие неглубокие тарелки. При остывании на поверхности молока образуется тонкая пленка. Ее осторожно снимают и складывают слоями в деревянные бочонки. Каждый новый слой немного солится. Каймак в бочонках начинает бродить. И чем дольше он бродит, тем больше соли необходимо в него добавлять. Когда каймак созреет, то он приобретает резкий пикантный вкус и желтый цвет.

В сербской кухне популярно жарение мяса на древесных углях. Чевапчичи, плескавицы - это род котлет, и ражничичи (вид шашлыка). Блюда приготовленные на углях подаются с большим количеством мелконарезанного лука. Кроме этого к ним подают и стручки острого перца.

В сербской кухне широко используется рыба и морепродукты.

Как и все славянские кухни, сербская кухня славится своими мучными изделиями. Это всевозможные пироги и рулеты, струдели и кондитерские изделия (торты, пирожные, печенья)

В сербской кухне есть и свои особенности подачи блюд. Так сыр подается на стол не в конце трапезы, а в начале.

Любимый напиток в сербской кухне - черный кофе. Кофе готовят по-сербски и по-турецки.

Кофе по-сербски варят в специальной медной посуде с длинной ручкой (турке), сохранившей турецкое название - джезва. Для приготовления одной чашки кофе (100 мл) нужно 120 мл воды, 10 г сахара и 10 г натурального кофе. В джезvu наливают холодную воду, кладут сахар и, когда вода закипит, часть ее отливают, засыпают кофе и доводят до кипения, после чего снимают джезvu с огня, вливают оставшуюся воду, накрывают и дают отстояться в течение 30 секунд.

Кофе по-турецки, готовят несколько иначе. Пропорция такая же, как для кофе по-сербски. В сухую, предварительно подогретую, джезvu кладут кофе. В другую джезvu наливают воду и, когда она закипит, выливают ее в джезvu с кофе. Ставят на огонь и доводят до кипения. Сахар подают отдельно.

ЧОРБА ИЗ ТЕЛЯТИНЫ

200 г телятины, 1 большая морковь, 1 луковица. 2 корешка петрушки, 50 г корня сельдерея, 100 г соцветий цветной капусты, 50 г свежего зеленого горошка, небольшой пучок петрушки, сок 1 лимона, 3 ст. ложки муки, 1,5 л говяжьего бульона, жир для за жарки

В глубокой кастрюле с толстым дном обжарить на жиру нашинкованный лук и кусочки мяса. Добавить нарезанные овощи и натертые корни, посолить, поперчить. В овощную за жарку всыпать муку, размешать без комочков, влить бульон.

Варить около 1 часа до густоты. Подавать со сметаной и зеленью.

СЕРБСКАЯ ПЛЕСКАВИЦА

На одну порцию: свинина - 200 г, луковица – 1 штука, чеснок – 2 зубчика, горчица – 1,5 чайной ложки, молотая сладкая паприка– 1,5 чайной ложки, орегано – 1 щепотка, базилик – 1 щепотка; соль, по вкусу.

Для начинки: сыр «гауда», копченая грудинка

Взять мясо, порубим его в фарш на мясорубке, сделать из него лепёшку.

Посолить, поперчить, добавить сухой паприки, орегано, базилик, рубленый лук, рубленый чеснок, горчицу и размесить как следует.

Опять сделать лепёшку из фарша толщиной чуть меньше сантиметра. На одну половину лепёшки подожить пластинами сыр, рубленую копчёную грудинку, второй половиной лепёшки закрыть её вместе с сыром.

На горячую сковородку с маслом положить 2 зубка чеснока, пожарить плескавицу с обеих сторон, пока не поджарится как следует.

Положить на тарелку плескавицу, сверху легкий слой майонеза, мелконарезанный укроп и колечки лука.

РАЖНИЧИ

На 4 порции: 800 г свинины (окорок, лопатка или корейка), 2-3 луковицы, 100-150 г сала, 1 кг картофеля, помидоры, зеленый сладкий перец, подсолнечное масло для смазывания противня, молотый черный перец, соль по вкусу.

Вымыть хорошо вылежавшееся мясо, нарезать крупными кусками, отбить, а потом нарезать кусками длиной и шириной около 3-4 см.

Сало нарезать тонкими ломтиками, по размерам мяса, лук и помидоры - тонкими кружками, очищенный и вымытый картофель - более тонкими кружками, а зеленый сладкий перец - квадратиками.

На длинные металлические спицы нанизать на каждую разные куски, как шашлык, положить на хорошо смазанный противень, посолить, поперчить, немного побрызгать подсолнечным маслом, налить небольшое количество воды и запечь в духовом шкафу на медленном огне.

Один раз аккуратно перевернуть и допечь с другой стороны. Мясо для раjdничей будет гораздо вкуснее, если его отбить и на несколько дней положить в кастрюлю слоями с луком, солью и черным перцем.

Перед выпечкой использованный лук убрать и заменить новым. Самые вкусные раjdничей получаются на гриле, при этом во время приготовления их нужно смазывать подсолнечным маслом или жиром.

ПОДУШЕЧКИ С ГРИБАМИ

На 6 порций:

Для теста: мука – 300 г, сметана - 40 г, масло сливочное – 150 г, яйцо – 2 шт.

Для начинки: грибы свежие (шампиньоны) - 180 г или сушеные – 50 г, лук репчатый – 1 луковица, масло растительное – 20 г, сметана - 10 г, перец, соль – по вкусу.

Для смазки: яйцо - ½ г, масло сливочное 20 г. Выход 600 (6 порций).

Из муки и одного яйца, сметаны, сливочного масла замешивают тесто, раскатывают пласт толщиной около 5 мм и нарезают квадратами 4 x 4 см.

Мелконарезанный репчатый лук пассируют на растительном масле, добавляют мелконарезанные грибы, перец, соль, сметану и охлаждают.

На каждый кусок теста кладут грибную начинку. После этого концы квадратов смазывают яйцом и складывают все четыре угла один на другой.

После этого концы квадратов смазывают яйцом и складывают все четыре угла один на другой.

Подушечки выкладывают на противень, смазанный жиром, смазывают яйцом, сбрызгивают растопленным сливочным маслом и выпекают в горячем жарочном шкафу 15 мин. Первые 7 мин жарочный шкаф открывать нельзя.